

1484-Пискаревъ

И. Бриллиантовъ.

ПАТРИАРХЪ НИКОНЪ

ВЪ ЗАТОЧЕНИИ
НА БѢЛЪОЗЕРѢ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СЪ 3 ПОРТРЕТАМИ ПАТРИАРХА НИКОНА, ЕГО АВТОГРАФОМЪ И 17 РИСУНКАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. П. Попухина (Толъшннй пер., д. № 8-5).

1899.

1484-1485

ПАТРИАРХЪ НИКОНЪ

ВЪ ЗАТОЧЕНИИ

НА ВЪЛЪОЗЕРЬ.

Историческій очеркъ.

СЪ РИСУНКАМИ.

И. Бриллиантова.

АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ГЛАВНОГО ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. П. Лопухина. Тельжинскій пер. № 3-5.

1899.

Достуважаемому профессору
Александру Ивановичу
Поповичеву ✓

от автора

на добрую память,

28 августа
1877г.

АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ГОС. ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Патріархъ Никонъ

въ заточеніи на Вѣлвозерѣ¹.

Историческій очеркъ.

„Допустивъ униженіе Никона, унижали въ его лицѣ дѣло святой правды и возвышали суевѣріе“...
Преосв. Макарій, «Ист. Рус. Цер.»

Во второй половинѣ XVII вѣка на Руси совершилось событіе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ русской церкви. Глава русской церкви, замѣчательнѣйшій ея іерархъ, выдвинувшійся изъ среды народа своимъ умомъ, энергіей и богатствомъ духовныхъ дарованій — знаменитый патріархъ Никонъ палъ жертвой искусно веденной интриги своихъ многочисленныхъ враговъ. Паденіе могущественнаго патріарха завершилось полнымъ его униженіемъ и торжествомъ

¹ Въ 1898 году исполнилось 500 лѣтъ со времени основанія Терапонта Вѣлвозерскаго монастыря, въ которомъ патріархъ Никонъ провелъ первые десять лѣтъ своей ссылки. Монастырь этотъ находится въ Кирилловскомъ уездѣ, Новгородской губерніи и еще въ 1798 году

надъ нимъ его враговъ: онъ былъ осужденъ на соборѣ, лишень сана и отправленъ въ ссылку на Бѣлоозеро въ далекій Терапонтовъ монастырь. Такъ закончилось дѣло патріарха Никона, которое, по справедливому замѣчанію одного изслѣдователя, «представляетъ единственную драму, какой не повторялось въ исторіи русской церкви». Изъ «великаго государя патріарха», вершившаго нѣкогда судьбы русской церкви и государства, Никонъ послѣ соборнаго осужденія становится простымъ ссыльнымъ монахомъ и доживаетъ свой вѣкъ въ далекихъ монастыряхъ, испытывая горечь униженія и торжества надъ собою своихъ враговъ, которые всѣми силами старались вредить ему до самой его смерти. Много людской

закрыть и обращенъ въ приходскую церковь. См. очеркъ его въ нашей статьѣ «Терапонтовъ монастырь—мѣсто заточенія п. Никона» («Странникъ» за 1898 г. и отд. оттискъ съ рисунками, планомъ и картой).

Обзоръ обширной литературы о п. Никонѣ и различныхъ до противоположности мнѣній и взглядовъ на эту замѣчательную личность, одну изъ самыхъ крупныхъ и оригинальныхъ личностей въ нашей русской исторіи, сдѣланъ проф. В. Иконниковымъ въ статьѣ: «Новые матеріалы и труды о п. Никонѣ». «Кіевскій Универс. Извѣстія» за 1884 г. № 6. Жизни Никона въ ссылкѣ посвящено въ нашей литературѣ спеціальное изслѣдованіе проф. прот. П. Θ. Николаевского подъ заглавіемъ: «Жизнь патріарха Никона въ ссылкѣ и заключенія послѣ осужденія его на московскомъ соборѣ 1666 года. Историческое изслѣдованіе по ненаданнымъ документамъ подлиннаго слѣдственнаго дѣла п. Никона» («Христ. Чт.» за 1886 г. и отд. оттискъ). Часть документовъ, которыми пользовался П. Θ. Николаевскій, именно документы московской Синодальной бібліотеки, издана въ 1897 году Археографической Коммисіей подъ заглавіемъ: «Дѣло о патріархѣ Никонѣ». Спб. 1897. Въ архивѣ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря хранилось много документовъ, относившихся къ жизни Никона въ ссылкѣ, но они теперь похищены и извѣстны только благодаря описанію ихъ въ статьѣ архим. Варлаама: «О пребываніи п. Никона въ заточеніи въ Терапонтовѣ и Кирилловѣ-бѣлозерскихъ монастыряхъ» («Чт. Общ. Ист. и Древностей» за 1858 г.). Нѣкоторые оставшіеся документы были описаны архим. Іаковомъ (Древн. М. археол. Общества т. VIII, 1880). Въ самое последнее время мѣстный изслѣдователь Кирилло-бѣлозерской стѣны Н. П. Успенскій, занимаясь разборкою и описаніемъ монастырскаго архива, нашелъ много данныхъ относительно содержанія п. Никона въ ссылкѣ. Результаты этихъ изысканій были любезно сообщены намъ авторомъ и нынѣ напечатаны имъ въ «Христіанскомъ Чтеніи». Нѣсколько мелкихъ чертъ, характеризующихъ хозяйственную сторону жизни Никона въ Терапонтовѣ, удалось намъ встрѣтить въ приходо-расходныхъ книгахъ Терапонтова монастыря за 1672—73 годъ.

злости и несправедливости испыталъ на себѣ великій патріархъ. Православные іерархи, одобрившіе потомъ его начинанія и реформы, отчасти изъ личной неприязни, отчасти въ угоду царю и боярамъ, слишкомъ строго и несправедливо осудили его и даже лишили сана; раскольники объявили его антихристомъ и сочиняли о немъ нелѣпые рассказы. Патріархъ, убѣжденный въ правотѣ своего дѣла, былъ слишкомъ впечатлителенъ по своей натурѣ, чтобы оставаться спокойнымъ среди всевозможныхъ униженій и злобныхъ клеветъ. Во все время ссылки онъ находился въ болѣзненно-тревожномъ настроеніи; его измученная душа не знала покоя отъ тягостныхъ волненій и тревогъ. Тяжесть ссылки для Никона заключалась не столько во внѣшнихъ условіяхъ жизни, которыя притомъ не всегда бывали одинаково суровы, сколько во внутреннемъ мучительно-безпокойномъ состояніи души. Въ теченіи цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ томился въ ссылкѣ знаменитый патріархъ, и эти пятнадцать лѣтъ были послѣднимъ актомъ его замѣчательной жизненной драмы. Въ первое время ссылки предъ нами все тотъ же патріархъ-богатырь съ его властнымъ непреклоннымъ характеромъ, съ прямой суровой рѣчью на устахъ, требовавшей порядка и исправности во всемъ, даже въ мелочахъ обыденной жизни. Но годы суровой ссылки подточили могучій организмъ, скоро приблизилась старость съ ея болѣзнями: Никонъ—этотъ «величайшій характеръ въ лѣтописяхъ русской іерархіи»¹, видимо слабѣлъ и тѣломъ и духомъ.

Печально было видѣть, какъ этотъ пастырь, сильный словомъ и дѣломъ, медленно угасалъ гдѣ-то подъ спудомъ

¹ Такъ называетъ Никона англійскій ученый Стэнли (Stanley) въ своей любопытной характеристикѣ знаменитаго патріарха. «Черезъ всю глубокую мглу, которая лежитъ надъ нимъ, говоритъ между прочимъ Стэнли, можно однакожъ разглядѣть оригинальный характеръ человека, соединяющаго съ своеправнымъ упрямствомъ переросшаго избалованнаго ребенка рѣдкій юморъ и неутомимую энергію западнаго политика». См. Иконниковъ, 42. Другой англійскій ученый — извѣстный Вильямъ Пальмеръ положительно преклоняется предъ личностью и характеромъ патріарха Никона. Заинтересовавшись личностью Никона, онъ посвятилъ многіе годы на собраніе и изученіе матеріаловъ о немъ и издалъ результаты своихъ трудовъ въ 6 большихъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ „Патріархъ и Царь“ („The Patriarch and the Tsar“. By Will. Palmer. London 1871—76, 6 vols.).

въ далекой бѣлозерской пустынѣ въ то самое время, когда его умъ и энергія особенно нужны были для блага церкви и родной земли. На болѣе безпристрастныхъ современниковъ Никона бѣдственная участь его произвела тяжелое впечатлѣніе. Извѣстно, что нѣкоторые епископы плакали, присутствуя при низложеніи Никона. Епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ, бывшій свидѣтелемъ низложенія Никона, такъ описывалъ потомъ свои впечатлѣнія: «Зрѣлище было изумительное для глазъ и ужасное для слуха; я страдалъ и издыхалъ отъ ударовъ, переносилъ ужасы и упалъ духомъ, когда погасло великое свѣтило». Въ универсалѣ гетмана Брюховецкаго, который возсталъ противъ московскаго государства въ 1667 году, самымъ гнуснымъ дѣломъ москалей названо то, что «они свергли святѣйшаго отца-патріарха, который училъ ихъ имѣть милость и любовь къ ближнему»¹. Сочувствіемъ народа къ низложенному «боярами» Никону хотѣли воспользоваться и допскіе казаки для своихъ мятежныхъ цѣлей и этимъ, какъ увидимъ ниже, навлекли новыя бѣды на голову злополучнаго патріарха.

I.

«Соборъ судившихъ меня патріарховъ ставлю я ни во что».

Патріархъ Нико н ѣ.

Никогда еще старая Москва не видѣла у себя такого блестящаго собора іерарховъ какъ въ концѣ 1666 года. Въ это время здѣсь были два восточныхъ патріарха, александрійскій Павсій и антiохійскій Макарій, десять митрополитовъ (изъ нихъ шесть не русскихъ), семь архіепископовъ, четыре епископа, тридцать архимандритовъ, кромѣ игуменовъ, протопоповъ и др. духовныхъ лицъ. Всѣ они были приглашены на соборъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ съ цѣлью положить конецъ дѣлу патріарха Никона, который вслѣдствіе своей размолвки съ государемъ удалился съ патріаршаго

¹ Н. И. Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. СПб. 1886, II, 308. „Никонъ вообще пользовался уваженіемъ въ Малороссіи“, которая, благодаря именно его настоянію, была принята царемъ въ подданство вопреки совѣтамъ недальновидныхъ полтизовъ—бояръ. См. [С. Михайловскій]. Жизнь св. п. Никона. М. 1878, стр. 139—145.

престола и проживалъ въ своемъ любимомъ Воскресенскомъ монастырѣ. Послано было и къ Никону приглашеніе явиться въ Москву на соборный судъ. Зналъ патріархъ, что ничего добраго ему нельзя ожидать отъ этого собора, гдѣ одни изъ іерарховъ имѣли личную вражду къ нему, другіе готовы были дѣйствовать противъ него въ угоду царю и боярамъ. Получивъ приглашеніе явиться въ Москву на судъ, онъ совершилъ таинство елеосвященія, помазавъ священнымъ елеемъ себя, весь причтъ и братію, а на другой день отслужилъ литургію¹, въ концѣ которой сказалъ братіи поученіе о перенесеніи скорбей. Прощаясь съ братіей, патріархъ какъ бы зналъ, что ему не суждено вернуться живымъ въ любимую обитель. Могъ ли онъ предчувствовать, что черезъ пятнадцать лѣтъ онъ вернется сюда уже бездыханнымъ тѣломъ и будетъ погребенъ въ той самой церкви, гдѣ онъ совершалъ теперь свою послѣднюю литургію?

1 декабря въ столовой палатѣ царскаго дворца было первое засѣданіе собора по дѣлу о Никонѣ подъ предсѣдательствомъ царя, который явился сюда въ сопровожденіи знатнѣйшихъ бояръ, думныхъ дворянъ и дьяковъ. За подсудимымъ патріархомъ послали архіепископа и двухъ архимандритовъ съ наказомъ, что бы онъ шелъ на соборъ «смирненнымъ образомъ». Никонъ не захотѣлъ повиноваться этому наказу. Онъ отправился на соборъ въ преднесеніи креста, сани его съ трудомъ двигались среди тѣснившейся на пути толпы народа, которому онъ раздавалъ благословеніе. Проѣзжая мимо соборовъ Успенскаго и Благовѣщенскаго, гдѣ въ то время совершалась обѣдня, патріархъ хотѣлъ было зайти туда помолиться, но двери собора закрывались предъ нимъ и огорченный патріархъ, поклонившись храму, слѣдовалъ далѣе.

Торжественно вступилъ Никонъ въ столовую палату, гдѣ ожидалъ его многолюдный соборъ. Всѣ невольно должны были встать при появленіи московскаго патріарха въ преднесеніи креста, въ мантии и съ посохомъ въ рукахъ. Никонъ прочиталъ вслухъ входную молитву, молитву о здравіи царя и поклонился до земли царю трижды, а патріархамъ дважды и на обѣ стороны,

¹ Эта послѣдняя литургія, совершенная п. Никономъ, была по его приказанію пропѣта пѣвчими на любимомъ имъ греческомъ языкѣ („греческими глаголы, согласіемъ Кіевскимъ“). Шушеринъ. Извѣстіе о жизни п. Никона. М. 1871 г. стр. 54.

гдѣ сидѣли архіерей и бояре. Патриархи пригласили Никона сѣсть и указали ему мѣсто на ряду съ архіереями, но онъ счелъ такое предложеніе униженнымъ для достоинства московскаго патриарха и гордо заявилъ, что онъ мѣста съ собой не принесъ. Взявъ снова посохъ въ руки, онъ простоялъ до конца засѣданія, которое длилось около 10 часовъ.

Извѣстно, что такое представлялъ собою судъ надъ патриархомъ Никономъ¹. Это не было спокойное разбирательство дѣла, это былъ шумный крикливый споръ. Порядка въ допросахъ не было и самые допросы за недостаткомъ серьезныхъ обвиненій часто принимали видъ мелочныхъ упрековъ. Никонъ на одни вопросы презрительно молчалъ, на другіе — давалъ рѣшительные и иногда рѣзкіе отвѣты, не оставаясь въ долгу у своихъ противниковъ. Раздраженный придирками враговъ Никонъ въ концѣ засѣданія сказалъ царю: «только бы ты Бога боялся и ты бы не такъ надо мною дѣлалъ».

3 декабря было второе засѣданіе по дѣлу о Никонѣ. Никона на него не пригласили, а совѣщались о томъ, что необходимо строго судить его за разныя вины и главнымъ образомъ за досадительныя рѣчи о государѣ и архіереяхъ въ письмѣ константинопольскому патриарху Діонисію. Вселепскіе патриархи были уже такъ враждебно настроены противъ Никона, что прямо говорили: «ему-де не подобаешь ни вѣчѣмъ вѣрять».

На третье засѣданіе, состоявшееся 5 декабря, былъ опять приглашенъ Никонъ. Это засѣданіе было еще болѣе безпорядочнымъ и бурнымъ, чѣмъ первое. Никонъ, еще на первомъ засѣданіи съ недовѣріемъ относившійся къ полномочіямъ патриарховъ, пріѣхавшихъ судить его, теперь прямо объявилъ, что по извѣстіямъ, полученнымъ отъ грековъ, пріѣхавшіе патриархи не могутъ назваться истинными патриархами, такъ какъ на ихъ мѣста поставлены другіе. Это заявленіе вызвало бурю негодованія прежде всего въ самихъ патриархахъ. Еще съ большимъ усердіемъ они стали обвинять Никона, повторяя прежнія обвиненія, и за недостаткомъ новыхъ обвиненій ставя ему въ вину даже такія мелочи, какъ ношеніе чернаго

¹ Объ одностороннемъ освященіи обстоятельствъ суда надъ Никономъ въ исторіи Соловьева (XI т.) см. замѣчанія другихъ изслѣдователей—проф. Субботина и Гиббенета. Пользуясь большимъ количествомъ матеріала, послѣдній нерѣдко отмѣчаетъ далеко не безпристрастное отношеніе Соловьева къ Никону.

клубка съ херувимами или двухъ панагій, преднесеніе креста, названіе Воскресенскаго монастыря Новымъ Іерусалимомъ и пр. Никонъ съ презрѣніемъ и ироніей отвѣчалъ

Святѣйшій патріархъ Никонъ.

Съ современнаго портрета, писаннаго царскимъ живописцемъ Іоанномъ Дитерсомъ.

своимъ обвинителямъ, что еще болѣе ихъ раздражало. «Широкъ ты здѣсь, сказалъ онъ антиохійскому патріарху, а какъ отвѣтъ дашь передъ константинопольскимъ патріархомъ?»¹ Бояре,

¹ Записки соборныхъ разсужденій въ разныхъ редакціяхъ — краткой и пространной см. въ изслѣдованіи Н. Глббенета о дѣлѣ п. Никона (СПБ. 1884, часть II, стр. 986—1089).

главные враги Никона, при всемъ желаніи обвинить его, молчали, не зная, что сказать, и боясь попасть подъ острый языкъ патріарха. «Благочестивый царь, съ ироніей говорилъ Никонъ, девять лѣтъ они готовились къ этому дню, а теперь и рта не могутъ открыть. Прикажи ужъ имъ лучше бросать въ меня камни, это они скорѣе могутъ сдѣлать».

Разсказываютъ, что во время этого засѣданія царь, сойдя со своего мѣста, подошелъ къ Никону и перебирая четки, которыя патріархъ держалъ въ рукахъ, началъ тихо говорить ему: «Святѣйшій, зачѣмъ ты положилъ на меня великій зазоръ? Отправляясь на соборъ, ты соборовался и причастился какъ на смерть. Неужели я за все прежнее добро отплачу тебѣ зломъ? И царь началъ клясться, что у него и въ мысли нѣтъ сдѣлать ему зло.

«Благочестивый царь, сказалъ ему Никонъ, не возлагай на себя такихъ клятвъ, повѣрь, что мнѣ готовятся многія бѣды и скорби». Царь заговорилъ было о примиреніи, о желаніи своемъ разрушить «средостѣніе» вражды. «Хорошее дѣло задумалъ ты, царь, съ горькой усмѣшкой сказалъ Никонъ, но знай, что оно не будетъ совершено тобою, и я долженъ буду до конца испытать на себѣ твой гнѣвъ»¹. Это была послѣдняя бесѣда двухъ бывшихъ друзей: больше они уже не видѣли другъ друга.

Не трудно было предвидѣть исходъ соборныхъ разсужденій. Патріархи, раздраженные рѣзкими отвѣтами Никона, говорили: «по нуждѣ и дьяволъ исповѣдуетъ истину, а Никонъ истины не исповѣдуетъ» и признали его достойнымъ лишенія сана. Спустя недѣлю соборный приговоръ былъ торжественно объявленъ Никону и приведенъ въ исполненіе. 12 декабря утромъ члены собора собрались въ небольшой церкви Чудова монастыря. Царь не желалъ присутствовать на низложеніи своего бывшего «собиннаго» друга и послалъ вмѣсто себя бояръ. Нѣкоторые архіереи также желали уклониться отъ тяжелой сцены низложенія Никона и явились на соборъ противъ своей воли. Симонъ, архіепископъ вологодскій, сказался больнымъ, но его все-таки принесли въ церковь на коврѣ и положили въ углу, гдѣ онъ плакалъ горькими слезами. Патріархи и архіереи облачились въ мантии, надѣли омофоры и

¹ Шушеринъ (65—67).

митры, прочее духовенство стояло въ ризахъ. Никонъ, войдя въ церковь, помолился иконамъ и, поклонившись патріархамъ дважды въ поясъ, сталъ у западныхъ дверей. Послѣ краткаго молитвословія патріархи приказали читать соборное опредѣленіе сначала по-гречески, потомъ по-славянски. «Сотворихомъ его всякаго священнодѣйства чюжда, громогласно читалъ архіепископъ рязанскій Иларіонъ, во еже бы ему кому не дѣйствовати архіерейскихъ, ибо его совершенно низложихомъ мы патріарси съ омоюри и съ епитрахили предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ, шзъявляюще отъ нынѣ вмѣняться и именоватися простымъ монахомъ Никону, а не кому патріархомъ московскимъ... Мѣсто паки его пребыванію до кончины житія его назнаменованомъ въ монастырѣ, во еже бы ему безпрепятно и безмолвно плакатися о грѣсѣхъ своихъ. Повелѣхомъ же при немъ быти благоискусному коему мужу архимандриту опасенія ради, да не дерзнетъ кто отъ безчинныхъ ругатися ему и обиду творити; и онъ же самъ впредь да не дерзнетъ коварствъ какихъ составлять. Еще же завѣщаномъ при немъ быти честному мужу дворянину съ малымъ числомъ людей служилыхъ, всякаго опаства ради, дабы къ нему и отъ него мятежнымъ писаніямъ не исходити. ...Аще же кто отъ нынѣ дерзнетъ именовати его впредь патріархомъ, да будетъ повиненъ во епитиміяхъ святыхъ отецъ»¹. Никонъ и здѣсь возражалъ противъ обвиненій, объявленныхъ въ приговорѣ, но патріархи спѣшили приступить къ обряду низложенія. Прочитавъ молитву, они рукою показали Никону и сказали чрезъ толмача, чтобы онъ снялъ съ себя клобукъ. Никонъ отрубъзъ отказался исполнить это требованіе, говоря, что, когда онъ принималъ ишоческій образъ, то клялся сохранить его до конца жизни. «И если я достоинъ низложенія, говорилъ онъ, то почему вы совершаете его тайно въ этой маленькой церкви? Почему нѣтъ здѣсь ни государя, ни народа? Пойдемте въ соборъ, гдѣ я принималъ патріаршество при государѣ и при народѣ». «Тамъ или здѣсь, отвѣчали патріархи, все едино, а что государя здѣсь нѣтъ, въ томъ воля его царскаго величества».

Патріархъ александрійскій, носившій титулъ судіи вселенной, приблизился къ Никону и самъ снялъ съ него кло-

¹ См. Соборное постановленіе у Гиббелета. II, 1093—1097.

букъ съ жемчужнымъ крестомъ и драгоценную панагію. «Бѣдныя вы странники, среди общей тяжелой тишины заговорили низлагаемый патріархъ, приходите вы къ намъ изъ далекихъ странъ не для того, чтобы сдѣлать доброе или устроить миръ, а для того, чтобы получить милостыню. Возьмите себѣ это, сказалъ онъ указывая на клубукъ и панагію, и раздѣлите между собой, достанется вамъ жемчугу золотниковъ пять-шесть, да золотыхъ по десяти: пригодится для уплаты дани султану».

На Никона одѣли простой клубукъ, снятый съ головы стоявшаго тутъ греческаго монаха. Но мантии и посоха не рѣшались теперъ взять у него «страха ради всенароднаго». Патріархъ александрійскій началъ говорить наставленіе Никону, чтобы онъ именовался впредь простымъ монахомъ и въ монастырѣ бы жилъ тихо и безмятежно и о своихъ согрѣшеніяхъ молилъ всемилостиваго Бога. «Знаю я и безъ вашего поученія, какъ жить», сурово обрѣзавъ Никонъ рацею лицемѣрнаго грека¹. Мѣстомъ ссылки Никона назначенъ былъ древній Ферапонтовъ монастырь на Бѣлѣозерѣ.

Никонъ вышелъ изъ церкви въ мантии и съ посохомъ, такъ что толпившійся народъ могъ не подозрѣвать, что патріархъ уже лишенъ сана. «Никонъ, Никонъ», со вздохомъ сказалъ низложенный патріархъ, садясь въ сани. «Отчего это приключилось съ тобой: не говори правды, не теряя дружбы. Если бы ты вечерялъ съ ними за роскошными трапезами, то этого не случилось бы съ тобой». Никонъ отправился на архангельское подворье, гдѣ онъ жилъ. По порученію собора его провожали два архимандрита Павелъ и Сергій, за ними слѣдовали стрѣльцы. По обѣимъ сторонамъ пути стояла густая толпа народа. Архимандритъ Сергій все время злобно ругался надъ низложеннымъ патріархомъ. «Молчи, молчи Никонъ», кричалъ онъ ему всякій разъ, какъ патріархъ вачиналъ говорить съ окружающими. «Скажите ему, замѣтилъ Никонъ, если онъ

¹ Любопытно припомнить судьбу главныхъ судей Никона, клявшіеся въ своемъ нелицепріятіи страшнымъ судомъ Божиимъ. Восточные патріархи по возвращеніи домой были повѣшены султаномъ за то, что безъ его позволенія ѣздили въ Россію. Привезенная ими милостыня была взята турками, а ихъ тѣла подверглись позорному поруганію. Болѣе или мене печальная участь постигла и нѣкоторыхъ другихъ іерарховъ, судившихъ Никона [См. С. Михайловскій]. Жизнь св. п. Никона. М. 1878 г., 280.

Судъ надъ патриархомъ Никономъ.
Рисунокъ Земцова (изъ журнала „Нива“ за 1892 г.).

имѣть власть, то пусть придетъ и зажметъ мнѣ ротъ». Экономъ Никона передалъ эти слова Сергію, причемъ назвалъ Никона святѣйшимъ патріархомъ. Злобно закричалъ на экономъ Сергіи: «зачѣмъ, чернецъ, называешь его патріархомъ, онъ ужъ не патріархъ, а простой монахъ». Въ это время изъ толпы раздавался окрикъ на самого Сергія: «какъ ты смѣешь кричать на патріарха, имя патріаршее дано ему свыше, а не отъ тебя гордаго!» Сергіи обратился къ стрѣльцамъ съ приказаніемъ розыскать дерзкаго обличителя, но ему сказали, что виновный уже схваченъ и отведенъ, куда слѣдуетъ. «Блажени изгнани правды ради», сказалъ при этомъ Никонъ.

Весь этотъ день Никонъ провелъ у себя на архангельскомъ подворьѣ и старался быть спокойнымъ, занявшись чтеніемъ любимыхъ имъ толкованій Златоуста на посланія ап. Павла. Но злобный Сергіи и тутъ не хотѣлъ оставить въ покоѣ злополучнаго патріарха. Снявъ съ себя камилавку и нахально развалившись на скамьѣ противъ Никона, онъ всячески старался досадить ему насмѣшками и издѣвательствами. «Сергіи, сказалъ наконецъ выведенный изъ терпѣнія патріархъ, перестань лаять на насъ какъ наученный этому песь». Но Сергіи не унимался. За вечернимъ богослуженіемъ въ церкви подворья монахи Никона по прежнему поминали его патріархомъ. Сергіи поднималъ шумъ по этому поводу, но монахи его не слушались. Это былъ послѣдній день, проведенный Никонъ въ Москвѣ, наканунѣ отправленія его въ далекую ссылку.

На слѣдующій день, 13 декабря, рано утромъ явился къ Никону царскій окольничій Родіонъ Стрѣшневъ. Царь послалъ съ нимъ бывшему собинному другу денегъ, шубъ собольихъ и лисьихъ на далекій путь и просилъ у него благословенія себѣ и своему семейству. Эта просьба царя ясно показывала, какъ онъ былъ непослѣдователенъ въ своихъ отношеніяхъ къ опальному патріарху. Допустивъ осужденіе Никона на соборѣ и самъ явившись его обвинителемъ, онъ началъ теперь жалѣть Никона и сомнѣваться въ законности его низложенія. Благочестивый и совѣстливый Алексѣи Михайловичъ, прося у Никона благословенія, становился въ противорѣчіе съ соборнымъ приговоромъ. Эту двойственность въ отношеніяхъ царя къ опальному патріарху можно наблюдать во все послѣдующее время ссылки Никона. Недовольный царемъ Никонъ на

отрѣзъ отказался отъ его даровъ и не согласился дать ему благословеніе, не смотря на усиленныя просьбы царскаго чюсла. «Если бы благовѣрный царь желалъ отъ насъ благословенія, то не оказалъ бы намъ такой немилости», говорилъ огорченный патріархъ.

Тотчасъ по уходѣ царскаго посла пришелъ къ Никону стрѣлецкій полковникъ Аггей Шепелевъ съ заявленіемъ, что по указу его царскаго величества онъ долженъ немедленно препроводить патріарха въ назначенное ему мѣсто ссылки—Ферапонтовъ монастырь. Пока полковникъ ходилъ распорядиться насчетъ лошадей для опальнаго патріарха, къ Никону явились посланники отъ вселенскихъ патріарховъ и собора съ приказаніемъ возвратить клубукъ и панагію, которые хотя и были сняты съ него наканунѣ, но не были окончательно отобраны «страха ради всенароднаго». Никонъ безпрекословно приказалъ монахамъ выдать просимое. Между тѣмъ полковникъ успѣлъ добыть лошадей для Никона: они были приведены изъ царской конюшни и поспѣшно запряжены въ возокъ Никона, въ которомъ патріархъ пріѣхалъ изъ Воскресенскаго монастыря.

Было еще темно. На дворѣ стояло морозное декабрьское утро. Не смотря на раннее время, Кремль сталъ наполняться народомъ, который желалъ посмотрѣть, какъ будутъ увозить въ ссылку опальнаго патріарха. Во избѣжаніе замѣшательства и волненій въ народной толпѣ, которая еще наканунѣ выражала свое сочувствіе опальному патріарху, рѣшено было увести Никона тайкомъ отъ народа. Стрѣльцы пустили слухъ, что Никона повезутъ изъ Кремля чрезъ Спасскія ворота, а дальше по Срѣтенской улицѣ. Народъ, повѣривъ этому слуху, побѣжалъ изъ Кремля въ Китай-городъ, рассчитывая, что тамъ удобнѣе будетъ смотрѣть на поѣздъ ссылкинаго патріарха. Между тѣмъ возокъ съ лошадьми стоялъ наготовѣ у келіи Никона. Едва только обманутый народъ очистилъ Кремль, какъ Никона поспѣшно посадили въ возокъ и повезли «съ великой борзостью» не по той дорогѣ, гдѣ стоялъ ожидавшій его народъ, а совершенно въ другую сторону—на Каменный мостъ чрезъ Арбатскія ворота. Но монахамъ Никона и нѣкоторымъ почитателямъ его изъ мірянъ было позволено проводить любимаго патріарха. Во избѣжаніе беспорядковъ были приняты строгія мѣры предосторожности. Во все время слѣ-

дованія Никона по улицамъ Москвы его поѣздъ съ присо-
жавшими его свитой и мірянами былъ окруженъ отрядомъ
изъ 200 стрѣльцовъ подъ начальствомъ четырехъ стрѣлецкихъ
полковниковъ. Въ Земляномъ городѣ Никона встрѣтилъ полкъ
стрѣльцовъ въ 1000 человекъ съ оружіемъ на готовѣ и горя-
щими фитилями. Этотъ многочисленный конвой провожалъ
Никона до Сущевои слободы и потомъ вернулся назадъ. За
Сущевои слободой на Дмитровскои дорогѣ произошло трогательное
прощаніе Никона съ приближенными къ нему лицами, которыя со
слезами разстались съ своимъ владыкой, въ послѣдній разъ
получивъ отъ него благословеніе. Суровый патріархъ, какъ видно,
умѣлъ привязывать къ себѣ сердца людей. Нѣсколько человекъ
монаховъ и служекъ добровольно рѣшились ѣхать съ Никономъ
чтобы раздѣлить его изгнаніе¹. Оставшіеся приверженцы
Никона долго стояли на дорогѣ, смотря на быстро удалявшійся
изъ виду возокъ патріарха, которому уже не суждено было
увидѣть вновь престольный городъ.

Быстро мчали Никона сильныя царскіе кони, увозя опальнаго
патріарха въ далекую ссылку. Никона сопровождали представленные
къ нему архимандритъ Новоспасскаго монастыря Іосифъ и упомянутый
стрѣлецкій полковникъ Аггей Шепелевъ съ отрядомъ изъ 50 стрѣльцовъ.
Стрѣльцы строго охраняли поѣздъ Никона, разгоня попадавшійся по
дорогѣ народъ и никого не пуская близко къ опальному патріарху.
Никона такъ торопили отъѣздомъ изъ Москвы, что ни онъ, ни
его свита не успѣли запастись теплой одеждой, и въ открытомъ
полѣ имъ былъ особенно чувствителенъ холодъ декабрьскаго
морознаго утра. Доѣхавъ до рѣки Клязьмы въ 25 верстахъ отъ
Москвы, приставъ Шепелевъ велѣлъ остановиться въ ожиданіи
дальнѣйшихъ наказовъ относительно ссылаемаго патріарха,
которыхъ правительство не успѣло дать, позаботившись прежде
всего о немедленной высылкѣ Никона изъ Москвы. Въ этомъ
ожиданіи стояли на Клязьмѣ два дня. Наконецъ пріѣхалъ изъ
Москвы архимандритъ нижегородскаго печерскаго монастыря
Іосифъ и привезъ письменныя наказы

¹ „Да съ нимъ Никономъ съ Москвы поѣхали два попа черныхъ Памво да Паладей, да два дьякона черныхъ, Исаія да Маркель да простой старецъ Флавіанъ, да два человека бѣльцовъ: Клинскаго уѣзду села Завидова дьячекъ Тараска Матвѣевъ, да Ярославскаго уѣзду села Вацкаго Ипатко Мпхайловъ“... Дѣло о п. Никонѣ № 77.

отъ царя и отъ патриарховъ съ соборомъ. Въ наказѣ говорилось: «Бхати ему [Иосифу] съ мѣгахомъ Никономъ, что былъ московскій патриархъ, въ Ферапонтовъ монастырь, что на Бѣльозерѣ, и быть тамъ съ нимъ, монахомъ Никономъ, до указа. И дорогою ему, архимандриту, беречь, чтобъ онъ, монахъ Никонъ, писемъ никакихъ не писалъ и никуда не посылалъ, также и въ монастырь. Да и того беречь накрѣпко, чтобъ ему, Никону, никаково оскорбленія никто не чинилъ. А прѣхавъ въ монастырь мантии архіерейскія и посохъ взять, а буде не дастъ, и снять. Мантии снять и посохъ взять и прислать мантию и посохъ къ Москвѣ къ святѣйшимъ патриархомъ и ко освященному собору, да о томъ отписать. А монастырскимъ ему, Никону, владѣть ничѣмъ не велѣтъ. А пищу и всякой келейной покой давати ему, монаху Никону, (зачернено: съ подобающею честью) по ево потребѣ»¹. Новоспаскому архимандриту велѣно было вернуться въ Москву. Разставаясь съ Никономъ, сердобольный архимандритъ далъ ему на дорогу свою шубу и треухъ (теплая шапка съ наушниками) и съѣстныхъ припасовъ.

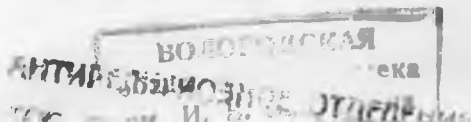
Послѣ двухдневной стоянки Никона повезли далѣе. По присланной изъ Москвы подорожной приставъ Аггей Шепелевъ долженъ былъ везти Никона чрезъ Дмитровъ и Угличъ. Опальнаго патриарха везли съ усиленной скоростью, съ какою ѣздили тогда царскіе гонцы, посылаемые на сѣхъ. По неровнымъ ухабистымъ дорогамъ ѣзда была не удобной и даже опасной. Сани не разъ опрокидывались и однажды патриархъ сильно ушибся, ударившись головой о стоявшее подлѣ дороги дерево².

Подъѣзжая къ Угличу, Никонъ хотѣлъ послать въ городъ своихъ людей для покупки теплой одежды для своей свиты, но приставъ задержалъ посланныхъ. Жители Углича, узнавъ о приближеніи опальнаго патриарха, вышли ему навстрѣчу съ разными приношеніями. Но приставъ приказалъ стрѣльцамъ побоями разогнать угличанъ, выразившихъ сочувствіе Никону, и быстро промчалъ Никона чрезъ городъ, никому не давъ по-

¹ Дѣло о п. Никонѣ. Изд. Арх. Коммиссіи. СПб. 1897. № 74.

² ...и главу его ко оному древу приторгше, рассказываетъ Шуперинъ, и едва особъ не отторгше, и отъ того убо ударенія Святѣйшій Патриархъ пріять вемалую язву". Стр. 79.

1157178

дойти близко. Въ одномъ селѣ въ 15 верстахъ отъ Углича какъ разъ въ день проѣзда Никона было стеченіе народа по случаю торговаго дня. Приставъ послалъ впередъ себя стрѣльцовъ, которые разогнали весь народъ, и патриарха провезли по опустѣлой улицѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда было нужно остановиться для ночлега или для корма лошадей, приставъ посылалъ стрѣльцовъ съ приказаніемъ приготовить дворы для ночлега. При этомъ изгоняли всѣхъ жильцовъ изъ того дому, гдѣ долженъ былъ остановиться Никонъ.

Не смотря на всѣ эти мѣры предосторожности, сторонники Никона находили средства выразить сочувствіе низложенному патриарху. Такъ въ одной деревнѣ Никону со свитой отвели особую избу, изгнавъ оттуда всѣхъ жильцовъ. Ночью, когда всѣ посторонніе вышли и Никонъ оставался наединѣ съ своими людьми, изъ подполья избу вышла спрятавшаяся тамъ старуха. Разказавъ, что наканунѣ она видѣла во снѣ, какъ «мужъ нѣкій благообразенъ» велѣлъ ей помочь Никону патриарху, который «посланъ и идетъ въ заточеніе въ великомъ утѣсненіи и скудости», старуха дала Никону 20 рублей денегъ и теплую одежду и опять скрылась въ подполье. Патриархъ, не задолго передъ тѣмъ отказавшійся отъ подарковъ царя, не отказался принять подношенія деревенской старухи ¹.

Слѣдующій ночлегъ пришлось сдѣлать въ Мологѣ, которая была тогда слободою. Близъ Мологи находился принадлежавшій патриарху Аванасіевскій монастырь. Всего удобнѣе было бы остановиться на ночлегъ въ монастырѣ, но приставъ не согласился на это и велѣлъ ночевать въ слободѣ. Когда утромъ слѣдующаго дня Никона повезли мимо самыхъ воротъ монастыря, и всѣ монахи вышли ему на встрѣчу во главѣ съ строителемъ Сергіемъ, ученикомъ Никона, то полковникъ безъ церемоніи разогналъ всѣхъ «съ великимъ прещеніемъ и яростию».

Однако Никонъ при всей бдительности стрѣleckаго полковника находилъ возможность сноситься съ преданными ему людьми и давать имъ порученія. Въ то время, когда Никонъ стоялъ на ночлегъ въ деревнѣ Березовѣ (въ 30 верстахъ отъ Мологи), чрезъ эту деревню проѣзжалъ обозъ съ рыбой, ко-

¹ Шушеринъ, 80.

торую везъ изъ Крестнаго монастыря въ Воскресенскій поподьяконъ Никона Иванъ Васильевъ, въ сопровожденіи Николая Ольшевскаго и троихъ монаховъ Воскресенскаго монастыря. Служки, бывшіе въ обозѣ, подойдя къ окошку одной избы, попросили напиться квасу и тутъ неожиданно узнали отъ крестьянина, что въ этой деревнѣ стоитъ теперь ихъ владыка «бывшей Никонъ патріархъ», по порученію котораго они и ѣздили за рыбой на Бѣлое море. Стрѣлецкій полковникъ, узнавъ о проѣзжающихъ, велѣлъ привести ихъ къ себѣ, допрашивалъ, «какого они чина люди и откуда ѣдутъ», и отпустилъ, приказавъ сотнику и стрѣльцамъ проводить ихъ за деревню. Но эта предосторожность была уже напрасной: еще въ то время, когда стрѣльцы ходили докладывать полковнику о проѣзжавшихъ, къ нимъ подошелъ «невѣдомо какой человекъ, а казался извощикъ, спросилъ Николая Ольшевскаго и далъ ему, Николаю, письмо; а сказалъ: подалъ де ему то письмо изъ окошка невѣдомо кто, а велѣлъ отдать ему Миколаю». На слѣдующей стоянкѣ письмо это прочитали: эта была роспись, въ которой Никонъ распорядился «чтобы прислать въ Оерапонтовъ монастырь десять бочекъ рыбы семги и сига, а съ достальною рыбою ѣхать въ Ярославль и продать, а деньги прислать въ Оерапонтовъ же монастырь. И что денегъ есть,— прислать въ Оерапонтовъ же монастырь». Но въ Москвѣ все-таки узнали о тайной передачѣ этого порученія Никономъ, и подьяконъ Иванъ Васильевъ былъ подвергнутъ особому допросу ¹.

Путники были уже около рѣки Шексны, когда Никона, страдавшаго отъ ушиба головы, постигло новое несчастье. Однажды ночью при быстрой ѣздѣ сани патріарха наткнулись на какой-то острый колы. Ударъ былъ такъ силенъ, что колы сломался: остріе его прорѣзало сани и войлокъ и тяжело ранило патріарха. Одинъ изъ спутниковъ Никона поднялъ обломокъ кола и спряталъ въ сани, желая сохранить его какъ памятникъ страданій злополучнаго патріарха.

Но вотъ наступилъ конецъ утомительному и опасному путешествію ссыльнаго патріарха. На восьмой день по выѣздѣ изъ Москвы въ ночь на 21 декабря Никонъ, проѣхавъ мимо

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 78. 1666 г. декабря 28. Сказка бывшаго патріаршаго поддіакона Ивана Васильева.

Кириллова монастыря, приближался уже къ мѣсту своей ссылки. Отъ Москвы до Терапонтова монастыря не менѣе 600 верстъ, и весь этотъ путь Никонъ совершилъ въ шесть дней (не считая двухдневной стоянки на Клязьмѣ). Понятно, какую усталость долженъ былъ испытывать патріархъ подѣ ко-нецъ шестидневнаго и несовсѣмъ благополучнаго путешествія.

Еще не доѣзжая до Терапонтова, приставъ послалъ впереди себя стрѣльцовъ съ вѣстью игумену Аонасію и братіи: „веземъ къ вамъ Никона монаха по указу Царскаго Величества: приготовьте для него кельи“. Встревожилось мирное населеніе Терапонтовой обители при видѣ вооруженныхъ стрѣльцовъ, неожиданно появившихся въ монастырѣ въ ночное почти время, когда еще и утро не наступило. Игумень Аонасіій находился въ большемъ затрудненіи, получивъ приказъ приготовить кельи Никону. Дѣло въ томъ, что Терапонтонъ монастырь въ этомъ году былъ разоренъ пожаромъ: сгорѣло много келій и окружавшая ихъ деревянная ограда. Лишнихъ свободныхъ келій не оказалось. Тогда рѣшено было помѣстить ссыльнаго патріарха въ больничныхъ кельяхъ, стоявшихъ за монастыремъ на сѣверной его сторонѣ.

II.

„... Но и въ тиши обители далекой
Развѣнчанный владыка оставался
Все тѣмъ же Никономъ суровымъ,
строгимъ,

Какимъ онъ былъ въ минувши годы,
Во оны дни величья своего...“

А. Навроцкій (Н. А. Вроцкій).

Было раннее зимнее утро. Мракъ долгой сѣверной ночи еще покрывалъ собою Терапонтонъ и его окрестности, когда за нѣсколько часовъ до разсвѣта у воротъ обители остановился возокъ Никона, совершившій далекій путь изъ Москвы. Опальнаго патріарха, согласно наказу пристава, вышелъ встрѣчать одинъ игумень. Никона отвели въ приготовленные для него больничныя кельи. Это были двѣ комнаты „мрачныя и закоптѣлыя, еже и изреци неудобно“¹. Утомленный

¹ Шушеринъ, стр. 81.

далекимъ и труднымъ путешествіемъ, страдая отъ ранъ и ушибовъ, полученныхъ въ дорогѣ, бывшій патріархъ расположился на отдыхъ въ своемъ новомъ неприглядномъ помѣщеніи.

Ферапонтовъ монастырь былъ уже давно извѣстенъ Никону. Ему приходилось не только касаться его въ своихъ указахъ¹, но и самому бывать въ немъ. Теперь, отдыхая въ мрачной больничной кельѣ, весь разбитый и усталый, патріархъ могъ припомнить, что когда-то, лѣтъ 15 тому назадъ, ему случилось быть въ Ферапонтовѣ при обстоятельствахъ, далеко не сходныхъ съ его настоящимъ положеніемъ. Онъ былъ тогда въ санѣ новгородскаго митрополита и возвращался изъ Соловецкаго монастыря, куда ѣздилъ по порученію царя за мощами святителя Филиппа. Это были счастливейшія времена его тѣсной дружбы съ царемъ, которую еще не успѣли охладить интриги завистниковъ-бояръ. Во время этого путешествія Никона царь, соскучившійся по своему другѣ, писалъ къ нему трогательныя по своей простотѣ и задушевности письма. Въ нихъ сказалась вся преданность мягкой и благочестивой души Алексѣя Михайловича Никону, котораго онъ величалъ «собиннымъ другомъ, крѣпко-стоятельнымъ пастыремъ, великимъ солнцемъ, свѣтящимъ по всей вселенной». Онъ писалъ къ Никону какъ самому близкому другу своей царской семьи, просилъ помолиться за свою маленькую дочь («а къ тебѣ она, святителю, крѣпко ласкова») и за царицу («чтобы ради твоихъ молитвъ разнесъ Богъ съ ребеночкомъ, и уже время спѣеть, и какой грѣхъ станется, и мнѣ, ей, пропасти съ кручины. Бога ради моли за нее»)². Извѣщая Никона о дѣлахъ на Москвѣ и о смерти патріарха Юсифа, онъ просилъ его скорѣе возвращаться въ Москву къ выборамъ новаго патріарха: «ожидаемъ тебя великаго святителя къ выбору, а сего мужа (будущаго патріарха) три человекъ вѣ-

¹ См. напр. Дополн. къ Акт. Ист. №№ 1, 118. Последняя грамота была дана имъ изъ Воскресенскаго монастыря въ 1662 году по поводу ссоры ферапонтовскаго келаря Корнилія съ кирилловскими монахами. Никонъ запрещалъ послѣднимъ притѣснять братію и крестьянъ Ферапонтовой обители: „А что старецъ Корнилій своровалъ, писалъ патріархъ, и вамъ до него дѣло—съ нимъ и знайтесь, а мѣсто свято, и игуменъ съ братіей предъ вами ничѣмъ не повинны“.

² См. это письмо царя у арх. Аполлоса въ приложеніи къ его книгѣ „Начертаніе житія и дѣяній Никона. М. 1845, стр. 120, 121.

даютъ: я, да Казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный; тай не въ примѣръ, а сказываютъ святы мужь». Сердце Никона могло подсказывать ему, кого мѣтилъ въ патриархи его царственный другъ. Получая эти письма царя, онъ спѣшилъ въ Москву. 21 іюня онъ былъ въ Каргополѣ, 25 въ Терапонтовѣ¹. Здѣсь, въ Терапонтовѣ, онъ оставилъ свои дорожные запасы, чтобы облегчить себѣ дальнѣйшій путь. 9 іюля онъ торжественно вступилъ въ Москву съ мошами св. Филиппа. Вскорѣ же, 22 іюля, произошло избраніе его на патриаршій престолъ, и затѣмъ наступили времена его полной верховной власти подъ русской церковью и государствомъ при безграничномъ довѣріи кроткаго царя. Бояре, не исключая и первыхъ вельможъ государства, боялись его властнаго слова и нерѣдко по цѣлымъ часамъ стояли на морозѣ у патриаршаго дворца въ ожиданіи пріема². Но интриги многочисленныхъ враговъ, недовольныхъ строгостью и могуществомъ патриарха, сдѣлали свое дѣло: дружба царя и патриарха омрачилась взаимнымъ недовольствомъ, и огорченный Никонъ счелъ за лучшее отказаться отъ патриаршества и удалился въ свой Воскресенскій монастырь.

Уже восемь лѣтъ прошло со времени его разрыва съ царемъ; счастливыя времена стали отдаленнымъ прошлымъ;

¹ См. Расходную книгу митрополита Новгородскаго Никона. Временникъ Импер. Моск. Общества исторіи и древностей русскіихъ 1852, XIII стр. 53. «Іюня въ 25 день въ Терапонтовѣ монастырѣ куплено двѣста ложекъ красныхъ корелчатыхъ съ костми—дано рубль шесть алтынъ четыре деньга, за десять по два алтына».

² См. Путешествіе антиохійскаго патриарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, въ полномъ переводѣ съ арабскаго Г. Муркоса — въ Чт. Я. О. Ист. и Др. за 1897 и 1898 годъ. Здѣсь можно встрѣтить много интересныхъ замѣчаній о блескѣ и могуществѣ патриарха Никона въ періодъ его управленія русскою церковью. «Какъ намъ случалось видать, замѣчаетъ наблюдательный Павелъ, государственные вельможи вообще не чувствуютъ особеннаго страха предъ царемъ и не боятся его, а намѣрно патриарха больше боятся. Предшественники патриарха Никона никогда не занимались государственными дѣлами, но этотъ патриархъ благодаря своему проицательному острому уму и знааніямъ, искусенъ во всѣхъ отрасляхъ дѣлъ духовныхъ, государственныхъ и мірскихъ, такъ какъ онъ былъ женатъ и на опытѣ ознакомился съ мірскими дѣлами»... (выпускъ III, стр. 159). Любовь царя и царицы къ нему неопишима (стр. 48).

свѣтѣйшій патріархъ
ніконъ .

царь Алексѣи Михай
ловичъ

ПАТРИАРХЪ НИКОНЪ И ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Изображеніе въ Сіѣскомъ иконописномъ подлинникѣ XVII вѣка.

„Царь Алексѣй Михайловичъ и свѣтѣйшій патріархъ Никонъ бесѣдуютъ между собою. Царь представлень въ далматикѣ и коронѣ, со скипетромъ; патріархъ въ саккосѣ и омофорѣ съ жезломъ, въ митрѣ-корунѣ, пожалованной ему, по его просьбѣ, Государемъ для возвышенія достоинства патріарха: форма этой митры представляетъ собою подобіе царской короны; отъ нея получила свое начало та форма митры, которая удерживается въ нашей практикѣ доселѣ. Изображенія эти, насколько можно судить по сравненію ихъ съ сохранившимися портретами царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона, имѣютъ портретное сходство съ оригиналами, хотя и исполнены въ сталь иконописномъ: это иконные портреты“. Проф. Н. В. Покровский. Сіѣскій иконописный подлинникъ. Выпускъ III. Памятники древней письменности СХХII. 1897. стр. 136.

но именно теперь, очутившись въ убогой Терапонтовской кельѣ, Никонъ яснѣ всего могъ почувствовать всю громадную пропасть, отдѣлившую Никона „великаго государя и патріарха Московскаго и всея Руси“ отъ ссыльнаго «монаха Никона», какимъ онъ сталъ теперь послѣ соборнаго приговора.

Едва наступилъ день, какъ Никону доложили о приходѣ пріѣхавшихъ съ нимъ архимандрита и пристава вмѣстѣ съ терапонтовскимъ игуменомъ. Никонъ, изнемогая отъ ушибовъ и усталости, сказалъ, что теперь онъ не можетъ ихъ видѣть, и велѣлъ спросить, для чего они пришли. Тѣ отвѣчали, что по указу Царскаго Величества они приглашаютъ его въ церковь. Никонъ, отказавшись туда идти, снова спросилъ, чего же отъ него требуютъ. Тогда они сказали, что по указу царя, патріарховъ и всего собора велѣно взять у него, Никона монаха, архіерейскую мантию и посохъ. Такъ вотъ для чего звали Никона въ церковь: здѣсь хотѣли отобрать у него послѣдніе знаки архіерейскаго достоинства—мантию и посохъ. Быть можетъ, рассчитывали этой сценой сильнѣ подѣйствовать на воображеніе обитателей монастыря, среди которыхъ приходилось отнынѣ жить Никону. Почему въ самомъ дѣлѣ эти вещи не были взяты у Никона еще въ Москвѣ одновременно съ клобукомъ и панагіей? Никонъ избавилъ себя отъ новаго униженія и, не выходя изъ келіи, тотчасъ велѣлъ выдать пришедшимъ мантию и посохъ.

Архимандритъ Іосифъ согласно данному ему наказу, въ тотъ же день отправилъ мантию и посохъ въ Москву съ монахомъ Терапонтова монастыря Варлаамомъ и служкою Ивашкомъ Кривозубовымъ. Въ отпискѣ своей патріархамъ и собору онъ увѣдомлялъ ихъ о прибытіи Никона въ Терапонтовъ и о безпрекословной выдачѣ имъ мантии и посоха. Никонъ просилъ Іосифа не подвергать стѣсненію лицъ, пріѣхавшихъ по доброй волѣ раздѣлить съ нимъ изгнаніе: «чтобы тѣхъ старцовъ и бѣльцовъ пускать по волѣ, куда они похотятъ идти или ѣхать, и воли бъ у нихъ не отымать». Іосифъ, передавая эту просьбу Никона, сообщалъ, что «безъ указа пущать ихъ не смѣетъ»¹. Такимъ образомъ, спутники Никона на первыхъ порахъ лишены были свободы и вмѣстѣ съ нимъ были заключены въ монастырѣ.

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 77

Между тѣмъ братія Оерапонтова монастыря, озадаченная неожиданнымъ прибытіемъ знаменитаго заточника съ многочисленной свитой и конвоемъ, была со своей стороны озабочена вопросомъ о томъ, на какія средства ихъ небогатый монастырь будетъ содержать такое множество гостей, явившихся въ обитель неожиданно, какъ снѣгъ на голову. Въ наказѣ, который привезъ съ собой Іосифъ, сказано было неопредѣленно: «пищу и покой давать ему Никону по его потребѣ». Въ тотъ же день игуменъ Аонасій съ братіей пишутъ челобитную государю: «по твоему указу присланъ къ намъ, богомольцамъ твоимъ, въ Оерапонтовъ монастырь бывшей патріархъ Никонъ монахъ, а указу намъ, богомольцамъ твоимъ, твоего великаго государя нѣтъ, какова пища ему давать. А монастырь, государь, у насъ бѣдной и скудной и погорѣлъ безъ остатку и келейнымъ покоемъ истѣсненіе великое. И хлѣбу, государь, у насъ недорода: вызябъ весь. А крестьянъ, государь, твоего государева жалованья за Оерапонтовымъ монастыремъ триста дватцать одинъ дворъ и то въ разныхъ городѣхъ. И о томъ, государь, о келейныхъ покоехъ и о пищѣ что ты, великій государь, укажешь?»¹ Эта челобитная вмѣстѣ съ отпиской Іосифа была получена въ Москвѣ 27 декабря. Государь внялъ жалобамъ оерапонтовскихъ монаховъ и привлекъ къ расходамъ на содержаніе Никона сосѣдній богатый Кирилло-бѣлозерскій монастырь. 5 января былъ посланъ въ Кирилловъ указъ монастырскимъ властямъ посылать въ Оерапонтовъ монастырь на содержаніе Никона всѣ необходимые припасы и все, чего потребууетъ находившійся при Никонѣ приставъ².

Среди тяжелыхъ обстоятельствъ довелось Никону проводить святки 1666 года. На первыхъ же порахъ онъ испытать всѣ неудобства своего новаго положенія. Приставъ Шепелевъ относился къ опальному патріарху со всей строгостью, которую онъ простиралъ и на лицъ, приближенныхъ къ Никону. Не только самъ патріархъ, но и вся его свита содержались подъ строгимъ карауломъ. Пищу ему приносили изъ монастырской трапезы ту самую, какая полагалась для всей братіи. Шушеринъ сообщаетъ, что по царскому указу велѣно было готовить особый столъ для Никона на царскій

¹ Дѣло о п. Никонѣ. № 76.

² Чт. О. Ист. 1858, III, 149.

счетъ, но патріархъ, не смотря на всѣ просьбы пристава, отказался отъ этой царской милости, говоря: «хотя бы мнѣ пришлось умереть, не соглашусь на это»¹. Въ первое время заточенія Никонъ чувствовалъ себя больнымъ. Отъ ушиба головы, полученнаго въ дорогѣ, онъ долго страдалъ головной болью, которая еще болѣе усиливалась отъ безвыходнаго заключенія въ темной и угарной кельѣ. Впослѣдствіи онъ писалъ царю, жалуясь на пристава Шепелева: «онъ, везя меня, многія напасти мнѣ дѣлалъ и привезши посадилъ меня въ больнишныя кельишки, и я въ нихъ съ угару и нужды едва не умеръ»². Въ это время Никонъ чувствовалъ себя такъ плохо, что у него появлялась мысль о смерти, и онъ написалъ письмо въ Воскресенскій монастырь къ строителю старцу Сергію съ просьбой исходатайствовать у царя позволеніе, въ случаѣ его смерти, похоронить его въ Воскресенскомъ монастырѣ³.

Такъ прошелъ первый мѣсяцъ жизни Никона въ ссылкѣ. 19 января 1667 года прибылъ изъ Москвы въ Отрапонтонъ монастырь новый приставъ, дворянинъ Степанъ Наумовъ, съ 20 стрѣльцами на смѣну прежняго пристава Шепелева. Царь, которому Никонъ при отъѣздѣ изъ Москвы отказалъ въ своемъ благословеніи, теперь снова далъ приставу Наумову словесное порученіе склонять суроваго патріарха къ примиренію и испросить у него прощеніе и благословеніе. Но порученіе это на первыхъ порахъ не имѣло успѣха. «Ты боишься грѣха, отвѣчалъ Никонъ царю, просишь у меня благословенія, примиренія, но я даромъ тебя не благословлю, не помирюсь; возврати изъ заточенія, такъ прощу». Настроеніе Никона въ это время совсѣмъ не отвѣчало желаніямъ государя. «Никонъ патріархъ на государя гнѣвается, говорили жившіе съ нимъ монахи, государь его сослалъ въ ссылку, а не вселенскіе патріархи, и за это намъ государева подаенія принимать и ѣсть нельзя»⁴.

¹ Шушеринъ, 82.

² Письмо Никона къ царю 1673 г. см. П. О. Николаевскій, 15.

³ Объ этомъ письмѣ упоминаетъ Шушеринъ (стр. 82), который могъ имѣть подъ рукою всѣ письма Никона въ Воскресенскій монастырь, когда писалъ свое „Извѣстіе о житіи Никона“.

⁴ Соловьевъ XI, 376. Суровый и неосторожный патріархъ въ это время позволялъ себѣ писать царю въ такомъ рѣзкомъ тонѣ, что легко

18 марта на мѣсто архимандрита печерскаго нижегородскаго монастыря Іосифа пріѣхалъ въ Оерапонтовъ бывшій новоспасскій архимандритъ Іосифъ тотъ самый, который при отъѣздѣ Никона изъ Москвы провожалъ его до Клязьмы ¹. Онъ по внушенію пристава также убѣждалъ Никона написать государю примирительное письмо съ благословеніемъ, обѣщая ему за это всякую милость отъ государя и освобожденіе изъ ссылки. Никонъ по прежнему оставался непреклоннымъ, на отрѣзъ отказавшись мириться съ государемъ. Тогда приставъ сталъ сурово относиться къ несговорчивому патриарху, сдѣлался къ нему «зѣло лють и немилостивъ». Онъ велѣлъ заковать окна его кельи желѣзными рѣшетками, вокругъ кельи и у дверей ея поставилъ караулъ изъ стрѣльцовъ, которые никого не пускали подходить близко къ кельѣ. Мимо монастыря недалеко отъ кельи Никона проходила тогда (какъ проходить и теперь) дорога на Каргополь. Приставъ строго запретилъ всѣмъ ходить и ѣздить мимо монастыря и велѣлъ проложить дорогу въ другомъ мѣстѣ ². Причиняя Никону всѣ эти стѣсненія, приставъ грозилъ, что «перемѣны не будетъ, пока мѣста Никонъ не умретъ». «Я его, Степана, спрашивалъ, рассказывалъ потомъ Никонъ въ письмѣ государю, какъ ему, Степану, указано меня держать и онъ, Степанъ, говорилъ, что де у меня наказу на письмѣ нѣтъ, а весь-де у меня наказъ на языкѣ, и я ему, Степану, говорилъ, да неужто тебѣ приказъ есть, что меня уморить; и онъ, Степанъ, до чего-де дойдешь, не пощажу-де; и въ первомъ году мало не уморилъ... Свѣтъ келейный у меня отнял, окна заковалъ желѣзными крестами, такъ что и днемъ приходилось съ лучиной отправлять келейное правило; и изъ кельи не велѣлъ никуда ни ходить и въ келью и близъ кельи проходить и

могъ накликать на себя жестокою бѣду. Но „тишайшій“ боялся угрозъ патриарха и тѣмъ больше стремился получить отъ него прощеніе.

¹ Печерскій архимандритъ Іосифъ былъ вызванъ изъ Оерапонтова, какъ можно догадываться, вслѣдствіе какой-то челобитной, поданной имъ государю: въ черновомъ отпускѣ грамоты къ нему патриарха Іоасафа первоначально стояли слова: „Въ нынѣшнемъ 175 году билъ ты челомъ великому государю“, но эти слова были потомъ зачернены. См. дѣло о п. Никонѣ № 80. Инструкціи относительно наблюденія за Никономъ, данныя новоспасскому архимандриту Іоасафу, буквально тѣже, какія были даны его предшественнику. См. тамъ же № 81.

² Шушерявъ, 82.

Тераповтовъ упраздненный монастырь
(видъ съ южной стороны).

подавать ¹ никому не велѣлъ и такъ морилъ меня съ моими келейными старцами» ². Келейные старцы и служки не выдержали такой строгости заключенія и четверо изъ нихъ (іеромонахъ Палладій, іеродиаконъ Іоасафъ и два бѣльца Герасимъ Матвѣевъ и Ипать Михайловъ) подали двѣ челобитныя на имя государя, въ которыхъ писали, что, добровольно отправившись съ Никономъ въ Оерапонтовъ монастырь, они лишены свободы и сидятъ подъ строгимъ карауломъ, почему просятъ теперь позволенія возвратиться на прежнія мѣста своего жительства. Получивъ разрѣшеніе выѣхать изъ Оерапонтова, они 10 апрѣля были уже въ Москвѣ и здѣсь на допросѣ дали подробныя свѣдѣнія о тяжелыхъ условіяхъ жизни Никона въ ссылкѣ. Послѣ ихъ ухода жизнь Никона стала еще тяжелѣе: бывшему патріарху самому приходилось теперь носить воду и рубить дрова ³.

Дошли, наконецъ, до государя слухи о бѣдственномъ положеніи Никона въ ссылкѣ. Въ іюль 1667 года онъ послалъ въ Оерапонтовъ своего стряпчаго Ивана Образцова, съ порученіемъ передать ему царскую милостыню ⁴ и, провѣривъ на мѣстѣ слухи о слишкомъ строгомъ заключеніи Никона, облегчить его участь. Пріѣхавъ въ Оерапонтовъ, Образцовъ освободилъ Никона изъ его почти тюремнаго заключенія, позволилъ ему и его старцамъ выходить изъ кельи и принимать постороннихъ лицъ съ вѣдома пристава. При этомъ онъ говорилъ Никону, что приставъ не получалъ отъ царя наказа держать его, Никона, за желѣзными рѣшетками и за самовольство будетъ наказанъ. Дѣйствительно, Образцовъ посадилъ пристава подъ арестъ въ сторожку часа на три. Никонъ, понимая, что это дѣлается только для виду, съ неудовольствіемъ

¹ „Подавать“, т. е. милостыни или приношенія, которыя какъ видно, получалъ опальный патріархъ отъ сочувствовавшихъ ему лицъ.

² Письмо Никона къ царю въ мартѣ 1673 г. См. П. Ф. Николаевскій, 44, 45, 17.

³ См. письмо Никона у Соловьева XI. 386. Ср. Шушеринъ, 83: „самъ дрова носаше и по воду на озеро хождаше“.

⁴ По Шушерину (стр. 85) царь послалъ Никону 1000 рублей, по другимъ даннымъ—700: лично ему 500 р. и 200 р. на живущихъ съ нимъ старцевъ (Соловьевъ, XI. 381). Никонъ, принявъ милостыню, денегъ старцамъ на руки не выдавалъ и когда іером. Палладій, вернувшійся къ этому времени изъ Москвы, сталъ выражать неудовольствіе по этому поводу, Никонъ велѣлъ прогнать его изъ Оерапонтова.

говорилъ: «Степанъ мучилъ меня тридцать недѣль, а его посадили на три часа». Приставъ просилъ прощенія у патріарха за причиненныя ему обиды, говоря: «я человекъ подневольный: какъ мнѣ приказано, такъ и дѣлалъ». Послѣ пріѣзда Образцова, приставъ Наумовъ сталъ дружелюбно относиться къ Никону, часто ходилъ къ нему бесѣдовать о московскихъ новостяхъ и слухахъ. Пріѣздъ въ Оерапонтовъ царскаго стряпчаго съ милостивыми порученіями отъ царя сразу возвысилъ опальнаго патріарха въ глазахъ мѣстнаго населенія. Распространился слухъ, привезенный изъ Москвы людьми Наумова, что Никона хотятъ вызвать въ Москву и сдѣлать папою. Самъ Наумовъ повѣрилъ этому слуху и сдѣлался особенно почитателемъ къ Никону: началъ величать его патріархомъ и водить подъ руки. Вскорѣ въ Оерапонтовъ начинаютъ пріѣзжать разныхъ чиновъ люди на поклонъ патріарху: посадскіе изъ городовъ, староста земской избы да голова кружечнаго двора изъ Бѣлозерска, люди изъ Каргополя, монахи изъ разныхъ монастырей, монахини изъ Горицкаго Воскресенскаго монастыря съ игуменьей. Всѣ эти посѣтители величали Никона патріархомъ, просили его благословенія, цѣловали ему руку. Даже игумень оерапонтовскій Аѳанасій и приставленный къ Никону архимандритъ Іосифъ, забывъ наказы начальства, стали величать Никона святѣйшимъ патріархомъ, подходятъ къ благословенію и поминать на ектеніяхъ. Никонъ почувствовалъ себя свободнѣе, сталъ разсылать своихъ людей въ разныя мѣста съ письмами и порученіями. Изъ Воскресенскаго монастыря и изъ ближнихъ къ Оерапонтову патріаршихъ вотчинъ къ Никону пріѣзжали люди, привозили деньги и припасы и спрашивали его приказаній.

Но въ Москвѣ зорко слѣдили за каждымъ шагомъ оерапонтовскаго заточника и вскорѣ же нашли нужнымъ ограничить его свободу. Въ августѣ полученъ былъ въ Оерапонтовѣ указъ взять служку Яковлева за то, что онъ, не спросясь пристава, разѣзжаетъ всюду по порученію Никона. Никонъ вспылъ, обозвалъ Наумова воромъ и не хотѣлъ вѣрить, что такая грамота прислана царемъ, но наконецъ долженъ былъ уступить. Между тѣмъ приставъ Наумовъ не переставалъ совѣтовать Никону примириться съ царемъ и послать ему благословеніе, увѣряя, что государь не замедлитъ оказать ему милость и освободить изъ заточенія. Онъ рассказывалъ, что,

когда государь посылалъ его въ Оерापонтвъ, то словесно наказывалъ ему просить Никона о прощеніи и благословеніи; онъ, Наумовъ, просилъ было наказа на письмѣ, но государь съ сердцемъ сказалъ ему: «что-жъ мнѣ тебѣ запись давать, чтобъ ты ее съ женою читалъ, а словамъ моимъ не вѣришь». «Дай государю благословеніе и прощеніе, совѣтовалъ Наумовъ Никону, а государь тебѣ ни за что не постоитъ, голова моя въ томъ!»¹ Эти рѣчи возбудили въ Никонѣ надежду на освобожденіе. 7 сентября 1667 года, послѣ одной изъ такихъ бесѣдъ съ Наумовымъ, который съ клятвою ссылался на письмо, полученное изъ Москвы, въ которомъ говорилось о желаніи царя примириться съ Никономъ, опальный патріархъ написалъ государю и всей царской семьѣ слѣдующее письмо, которое цѣликомъ приведено у Шушерина. «Въ нынѣшнемъ 176 (1667) году сентября въ 7 день приходилъ ко мнѣ, богомольцу вашему, Стефанъ Наумовъ и говорилъ мнѣ вашимъ государскимъ словомъ, что повелѣно ему по вашему государскому указу, съ великимъ прошеніемъ молить и просить о умиреніи, чтобы я, богомолецъ вашъ, тебѣ великому государю подалъ благословеніе и прощеніе, а ты Государь богомольца своего милостію своею по своему государскому разсмотрѣнію пожалуешь; и я смиренный тебя, царицу, царевичевъ и царевенъ благословляю и прощаю, а когда я, богомолецъ вашъ, ваши государскія очи увижу и тогда я вамъ, государемъ, со святымъ молитвословіемъ наипаче прощу и разрѣшу, якоже Божественное св. Евангеліе показуеть о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ и Дѣянїе св. апостоль, (которые) всюду съ возложеніемъ рукъ прощеніе и цѣлбы творили. Смиренный Никонъ, милостію Божіею патріархъ, засвидѣтельствую страхомъ Божїимъ и подписалъ своею рукой». Къ этому письму приложилъ руку и Стефанъ Наумовъ, немедленно отправивъ его затѣмъ въ Москву².

Никонъ сталъ теперь ожидать освобожденія изъ ссылки и вызова въ Москву. Царь былъ весьма доволенъ, получивъ отъ Никона прощеніе и благословеніе на письмѣ (письменному прощенію въ тѣ времена придавали особое значеніе), но сдѣлать то, о чемъ просилъ Никонъ, т. е. возвратить его изъ

¹ Соловьевъ XI, 377.

Шушеринъ, 8^е, 84.

смысли, онъ не могъ. Партія враговъ Никона была слишкомъ сильна; нельзя было нарушить соборное опредѣленіе тѣмъ болѣе, что виновники его — восточные патріархи все еще гостили въ Москвѣ. Царь долженъ былъ ограничиться заботами о томъ, чтобы насколько можно улучшить скудную матеріальную обстановку ссыльнаго патріарха. Такъ 11 января 1668 г. онъ послалъ въ Кирилловъ монастырь грамоту съ предписаніемъ послать въ Отрапонтонъ монастырь къ «бывшему патріарху старцу Никону бѣлыхъ и черныхъ оловянныхъ и мѣдныхъ судовъ, сколько пригоже, чтобы у него Никона судами было не скудно»¹. Еще лѣтомъ 1667 году Образцовъ привезъ указъ о постройкѣ для Никона новыхъ келій и о томъ, чтобы для него отвели особую Богоявленскую церковь на св. воротахъ. Тогда же начали строить для Никона новыя кельи близъ больничныхъ келій, въ которыхъ онъ жилъ. Въ началѣ 1668 г. эти кельи были готовы вчернѣ и Никонъ былъ занятъ хлопотами о ихъ отдѣлкѣ и снабженіи необходимой утварью. Въ отведенной для него Богоявленской церкви также не было книгъ и другихъ необходимыхъ принадлежностей богослуженія. Всѣ необходимыя вещи Никонъ согласно царскому указу требовалъ изъ Кириллова монастыря, посылая туда чрезъ пристава подробныя росписи съ показаніемъ, чего именно и сколько ему нужно. Предметы его требованій были очень разнообразны: церковная утварь и книги, разные предметы домашнего обихода, съѣстные припасы, сукно, обувь и одежда для жившихъ съ нимъ людей и пр. Въ своихъ требованіяхъ Никонъ всегда былъ разборчивъ и взыскателенъ, часто добавляя чтобы ему присылали вещи и припасы не какія-нибудь, а «добрыя». Для нѣкоторыхъ вещей онъ давалъ образецъ, по которому должны были ихъ сдѣлать, напр. для креста деревяннаго, для ножей и вилокъ².

Но кирилловскія власти не всегда исполняли требованія Никона, отказывая ему даже въ необходимомъ, такъ что патріарху приходилось временами испытывать нужду. Такъ 1 марта 1668 года приставъ жаловался государю на кирилловскаго строителя старца Ефрема, что онъ указу царскому явился непослушенъ, припасовъ совсѣмъ не присылаетъ, такъ

¹ Чт. Общ. Ист. 1858, III, 150.

² Тамъ же 138, 150—158.

что «старцу Никону съ братією питаться стало нечѣмъ». Братіи съ нимъ жило въ то время десять человекъ: они исполняли въ его кельѣ всѣ необходимыя работы. «А Оерапонтова монастыря слугъ и поваровъ, писалъ Наумовъ, по сіе время въ келью къ себѣ не имывали, тружается самъ съ братією и келейный обиходъ кромѣ хлѣба временемъ покупаючи ѣсть». Никонъ чрезъ пристава просилъ государя, чтобы припасы изъ Кириллова монастыря выдавались ему помѣсячно ¹. Государь поспѣшилъ исполнить желаніе Никона, послалъ въ Кирилловъ новый указъ и распорядился, чтобы изъ его царскихъ ловель доставили Никону живыхъ осетровъ и стерлядей.

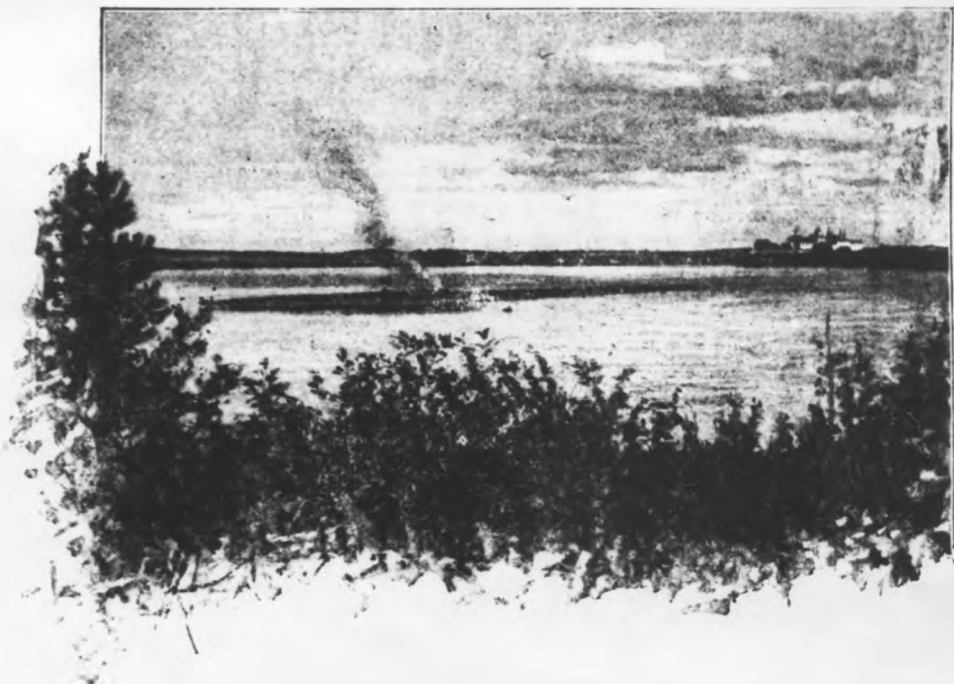
Но всѣ эти знаки вниманія со стороны государя не могли успокоить опальнаго патріарха. Убѣжденный гъ незаконности своего низложенія, онъ испытывалъ горькое чувство обиды за несправедливое униженіе. Въ первые годы ссылки это чувство въ душѣ патріарха было особенно острымъ и оно то располагало его пылкую своенравную натуру къ разнаго рода протестамъ и демонстраціямъ, имѣвшимъ цѣлію внушить всѣмъ мысль о незаконности своего низложенія. Онъ носилъ на груди панагію, которую забыли отобрать у него при низложеніи, и имѣлъ при себѣ двѣ патріаршихъ печати; въ письмахъ къ царю и росписяхъ, посылаемыхъ въ Кирилловъ называлъ себя «Божією милостію патріархомъ» ², принималъ приходившихъ къ нему на благословеніе и производилъ сильное впечатлѣніе на толпу посѣтителей, хлынувшую къ нему со времени пріѣзда Ивана Образцова, когда постороннимъ лицамъ былъ открытъ доступъ въ Оерапонтовъ монастырь.

Не ограничиваясь словами, Никонъ прибѣгалъ къ разнымъ способамъ для выраженія протеста своей безпокойной души. Въ числѣ его свиты жилъ у него старецъ Іона по ремеслу серебрянникъ, хорошо умѣвшій вырѣзывать надписи. Никонъ велѣлъ ему на разныхъ сосудахъ и домашней утвари дѣлать надписи, въ которыхъ называлъ себя патріархомъ, «заточеннымъ за слово Божіе и св. церковь». Онъ приказалъ также надѣлать деревянныхъ крестовъ, вырѣзать на нихъ подобныя же

¹ См. донесеніе Наумова у П. О. Николаевскаго. 25.

² Напр. роспись, посланная имъ въ февралѣ 1668 г., озаглавлена такъ: «Роспись сѣдѣщему во тмѣ и снѣи смертнѣи окованному пищетою и желѣзомъ смиренному Никону, милостію Божією патріарху». Чт. О. Ист. 145.

надписи и разставить ихъ въ разныхъ мѣстахъ около дорогъ. Проходящіе и проѣзжающіе, останавливаясь помолиться предъ придорожнымъ крестомъ по исконному русскому обычаю, должны были видѣть на немъ слѣдующую надпись, четко вырѣзанную серебрякомъ Іоной: «Животворящій крестъ Христовъ поставилъ смиренный Никонъ, Божіею милостію патріархъ, будучи

Каменный островъ, сооруженный патріархомъ Никономъ на Бородавскомъ (иначе оерапонтовскомъ) озерѣ во время заточенія.

въ заточеніи за слово Божіе и за св. Церковь на Бѣлѣозерѣ въ Оерапонтовѣ монастырѣ въ тюрьмѣ»¹.

Но этого мало: опальный патріархъ соорудилъ другой болѣе прочный памятникъ своего заточенія, который и доселѣ существуетъ въ Оерапонтовѣ. Разѣзжая по Бородавскому озеру, которое было предоставлено ему для рыбной ловли по царскому указу еще лѣтомъ 1667 года, онъ выбралъ мѣсто,

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 100 стр. 345, 374. У Шушерина эта надпись приводится въ нѣсколько иномъ видѣ: „Никонъ, Божіею милостію патріархъ, постави сей крестъ Господень и т. д. (стр. 88).

въ которомъ было не болѣе двухъ сажень глубины и рѣшилъ устроить здѣсь островъ. Самъ со своими монахами онъ началъ возить на плотахъ камни съ берега и опускать ихъ на дно въ намѣченномъ мѣстѣ. Среди озера возникъ новый островъ, имѣвшій 12 сажень длины и 5 ширины ¹. Никонъ поставилъ на немъ крестъ съ вышеприведенной надписью. Этотъ островокъ, вновь появившійся среди озера, и стоявшій на немъ крестъ съ надписью, понятно, должны были привлекать вниманіе проѣзжавшихъ, тѣмъ болѣе, что зимой дорога проходила мимо островка. Всѣ эти кресты съ надписями продолжали стоять до 1676 года, когда по приказанію патріарха Іоакима они были убраны. Надписи на нихъ, а равно и на другихъ вещахъ Никона, были уничтожены.

До нашего времени уцѣлѣла только одна такая надпись на креслѣ Никона, которое хранится теперь въ ризницѣ Кирилло-бѣлозерскаго монастыря (см. рис. на 39 стр.) Оно сдѣлано изъ простого дерева, отличается большими размѣрами и простотою отдѣлки: ножки у него точеные, спинка прямая; спинка и ручки обиты зеленымъ выцвѣтшимъ бархатомъ. Ручки снимаются, и на нижней сторонѣ четкой и красивой славянской вязью вырѣзана надпись: 7176 (1668) марта... дня сій стулъ сдѣланъ смиреннымъ Никономъ патріархомъ въ заключеніи за слово Божіе и за святую церковь въ Терапонтовѣ монастырѣ въ тюрьмѣ». Эта надпись потому, вѣроятно, и уцѣлѣла отъ истребленія, что была искусно скрыта подъ ручками кресель.

Однако въ надеждѣ получить въ скоромъ времени освобожденіе отъ ссылки, вслѣдствіе примирительнаго посланія къ царю, Никонъ становился уступчивѣе въ отношеніи къ госу-

¹ Размѣры острова указаны у Шушерина (стр. 88). Въ настоящее время вокругъ острова образовалась отмель, поросшая травой и тростникомъ, благодаря чему островъ увеличился въ размѣрѣ и представляется съ берега въ видѣ длинной узкой мели (см. рис. на стр. 33). На островѣ нѣтъ теперь ни креста, ни какого-либо другаго памятника. Подъѣзжалъ къ нему на лодкѣ, можно чрезъ прозрачную воду разсмотрѣть на днѣ озера гряду камней, которая тянется отъ острова къ берегу. Не хотѣли ли Никонъ соединить свой островокъ съ берегомъ каменной грядой по примѣру подобныхъ сооружений въ Соловецкомъ монастырѣ? Такія сооружения Никонъ могъ задумывать особенно въ послѣдніе годы своей жизни въ Терапонтовѣ, когда онъ располагалъ большими матеріальными средствами и множествомъ рабочихъ.

дарю и теперь самъ шелъ на встрѣчу къ примиренію съ нимъ. Въ томъ же самомъ мѣсяцѣ мартѣ, когда онъ сдѣлалъ свое знаменитое кресло съ надписью, 22-го числа, наступила Пасха. Въ этотъ день въ первый разъ литургія для Никона совершена была въ отведенной для него Богоявленной церкви. Опальный патріархъ былъ въ рѣдкомъ для него благодушно-примирительномъ настроеніи. Послѣ литургіи онъ пригласилъ къ себѣ въ свои новыя келліи архимандрита Іосифа и пристава Наумова, а также игумена Аѳанасія съ келаремъ. Во время трапезы, которую Никонъ угощалъ своихъ гостей, онъ велѣлъ подать вино, присланное ему царемъ еще на Сырной недѣлѣ, и взявъ въ руки бокаль, торжественно провозгласилъ о своемъ примиреніи съ государемъ. «Да не до конца вражда наша со благочестивѣйшимъ царемъ пребудеть», говорилъ между прочимъ патріархъ, и, провозгласивъ здоровье государя, закончилъ свою рѣчь словами: «се нынѣ питіе сіе про здравіе благочестивѣйшаго царя и со всѣми вкушаю и впредь присланнымъ отъ него отрицатися не буду». Услышавъ изъ устъ суроваго патріарха такое заявленіе, присутствовавшіе были удивлены и, вставъ съ своихъ мѣстъ, поклонились патріарху въ ноги. Въ тотъ же день поскакалъ гонецъ въ Москву съ радостной вѣстью къ государю о новомъ примирительномъ поступкѣ Никона ¹. Въ Оеропонтовѣ ждали теперь важныхъ благодѣтельныхъ перемѣлъ въ судьбѣ опальнаго патріарха.

Но враги Никона не дремали. Какъ только они узнали, что Никонъ по прежнему называетъ себя патріархомъ, стремятся къ возвращенію изъ ссылки и своими заявленіями о примиреніи можетъ подѣйствовать на впечатлительную душу государя и, чего добраго, добиться своей цѣли, они рѣшились принять свои мѣры. 9 апрѣля, вскорѣ послѣ полученія царемъ радостной вѣсти о мирѣ съ Никономъ, восточные патріархи, все еще не уѣхавшіе изъ Москвы на свои каюды, съ вновь избраннымъ русскимъ патріархомъ Іоасафомъ и другими случившимися въ Москвѣ архіереями, составили соборъ по дѣлу о Никонѣ, на которомъ рѣшили: «нѣкіихъ ради винъ перевести монаха Никона изъ Оеропонтова монастыря въ иной монастырь, въ дальней», архимандрита Іосифа и иныхъ служивниковъ, которые посланы къ нему, Никону, перемѣнить

¹ Шустеринъ. 87.

и послать взаимѣнъ ихъ другихъ съ строгимъ наказомъ—не позволять Никону имѣть переписку и сношенія съ кѣмъ бы то ни было ¹. Но государь не согласился на столь строгое опредѣленіе собора и оно не было приведено въ исполненіе. Тѣмъ не менѣе эта попытка враговъ Никона ясно показывала, какъ въ дѣйствительности далеки были отъ осуществленія надежды Никона на освобожденіе изъ ссылки, при всемъ сочувствіи царя къ опальному патріарху.

III.

«Иже жьвъ смѣи, привмѣненнѣи съ
нисходящими въ ровъ, сѣдай во тѣмѣ
и сѣви смертѣи, окованъ нищетою
паче желѣзь, богомолецъ вашъ сми-
реннѣи Никонъ, милостію Бо-
жіею патріархъ».

Изъ письма къ царю п. Никона.

Никонъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Его заявленіе о примиреніи съ царемъ не принесло ему желанныхъ результатовъ. Изъ Москвы не было никакихъ извѣстій, какъ будто тамъ совсѣмъ забыли о оерапонтовскомъ заточникѣ. Тогда опальный патріархъ снова рѣшилъ напомнить о себѣ и воспользовался для этого средствомъ, которое въ старину было въ большомъ ходу. Монахъ Палладій, вернувшійся изъ Москвы въ Оерапонтовъ, рассказывалъ, между прочимъ, со словъ іеромонаха Іоилы, что бояринъ Богданъ Хитрово хочетъ при помощи чаръ сдѣлаться первымъ бояриномъ у государя. Этотъ слухъ встревожилъ Никона: возвышеніе боярина, который былъ его злѣйшимъ врагомъ, помѣшало бы его освобожденію изъ ссылки. Вѣра въ силу колдуновъ и чародѣевъ была въ старину общераспространенной, сношеніе съ ними, по Уложенію, было однимъ изъ тяжкихъ преступленій. Обвиненіе въ колдовствѣ, какъ это видно изъ многочисленныхъ примѣровъ, не разъ бывало причиной ссылки самыхъ знатныхъ бояръ. Слухи о томъ, что Богданъ Хитрово знается съ чернокнижниками и ворожеями, давали Никону сильное орудіе противъ враждебнаго ему боярина, и онъ рѣшилъ имъ воспользоваться.

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 87.

7 сентября онъ призвалъ къ себѣ архимандрита Іосифа, стрѣлцаго сотника Саврасова, оерапонтовскаго игумена, келаря и всѣхъ стрѣльцовъ и объявилъ имъ, что знаетъ великое дѣло государево «безголовное», что на Москвѣ измѣнники государевы хотятъ очаровать государя или очаровали и требовалъ подводы и провожатыхъ, чтобы отправить съ этимъ дѣломъ своего человѣка въ Москву. Всѣ согласились, кромѣ келаря Макарія, который не хотѣлъ давать подводъ, и сотникъ рѣшилъ было ѣхать. Приставъ Наумовъ, узнавъ о томъ, что происходитъ въ монастырѣ, сначала прислалъ сказать, чтобы никого не пускали и не давали лошадей, а скоро явился и самъ на конюшій дворъ съ ослопомъ, сотника и стрѣльцовъ хотѣлъ бить, взялъ лошадей подъ узды и кричалъ: «увиджу кто поѣдетъ, что онъ меня страшаетъ: я не малый ребенокъ: у меня есть великое дѣло и на самого патріарха, и мнѣ это дѣло надобно отпустить!» Никонъ хотѣлъ послать сотника и стрѣльцовъ въ Кирилловъ и тамъ взять подводу, но Наумовъ ихъ не пустилъ, крича: «моя въ томъ голова!» Но «слово и дѣло государево» въ тѣ времена имѣло магическую силу, всякій кто слышалъ о немъ и не доносилъ, куда слѣдуетъ, подвергался тяжелой отвѣтственности. Поэтому, какъ ни шумѣлъ приставъ, а все-таки не рѣшился задержать дѣла и на другоѣ же день отправилъ въ Москву своего человѣка съ стрѣльцомъ. Никона онъ велѣлъ заковать и около его кельи поставить семь карауловъ.

Въ октябрѣ Никону удалось послать въ Москву своего старца Флавіана съ письмомъ къ государю, въ которомъ онъ жаловался на поступокъ пристава, помѣшавшаго ему извѣстить въ Москву о великомъ дѣлѣ государевомъ ¹. «Иже живъ смѣи, писалъ здѣсь Никонъ, привѣнненнй съ нисходящими въ ровъ, сѣдай во тмѣ и сѣни смертнѣй, окованъ нищетою паче желѣзъ, богомолецъ вашъ смиренный Никонъ милостію Божіею патріархъ. Извѣщаю вамъ, великимъ государямъ, за собою великое ваше слово, а писать тебѣ нельзя: боюсь измѣнниковъ твоихъ; послыша такое твое большое дѣло, меня изведутъ, а дѣло твое погаснетъ безъ вѣсти». 20 октября чернецъ Флавіанъ былъ допрошенъ въ при-

¹ См. это письмо у Соловьева XI, 379, 380.

судствіи царя и боярь, въ чемъ именно состоитъ заявленное Никономъ дѣло государево.

Недалекій Флавіанъ не оправдалъ довѣрія Никона: на этомъ допросѣ онъ перепуталъ имена и приписалъ тайные происки, вмѣсто Хитрово, Ртищеву. Но вскорѣ получено было другое письмо Никона ¹, въ которомъ онъ уже прямо излагалъ дѣло и на основаніи словъ Палладія обвинялъ въ тайныхъ проискахъ и волшебствѣ боярина Хитрово. Это разногласіе въ разсказѣ Флавіана съ письмомъ Никона подрывало силу обвиненія. Между тѣмъ, Палладій и Юилъ, вызванные на очную ставку, отказались отъ своихъ словъ и утверждали, что никакого разговора о бояринѣ Хитрово у нихъ не было. При этомъ Палладій, сердившійся на Никона за то, что онъ выгналъ его изъ Терапонтова, сдѣлалъ обидное для опальнаго патріарха замѣчаніе: «вольно старцу Никону меня поклепать: онъ затѣвать умѣетъ».

Для того, чтобы разъяснить дѣле и допросить самого Никона, посланъ былъ въ Терапонтовъ стрѣлецкій голова Юрій Лутохинъ. Никонъ разъяснилъ Лутохину непростительную ошибку своего неумѣлаго посла, старца Флавіана, и въ дальнѣйшемъ разговорѣ съ нимъ высказалъ горькое разочарованіе по поводу обманутыхъ надеждъ на освобожденіе. «Сказывалъ мнѣ Наумовъ, что меня великій государь пожалуетъ, велитъ взять въ Москву скоро, выманилъ у меня Наумовъ великому государю и его дому благословеніе и прощеніе тѣмъ, что государь меня пожалуетъ, велитъ изъ Терапонтова освободить и всѣ мои монастыри отдать. Терпѣлъ я послѣ того договора годъ два мѣсяца въ заточеніи и никакихъ клятвенныхъ словъ не говорилъ; впередъ еще мало потерплю, а если по договору ко мнѣ государской милости не будетъ, то я по прежнему ничего государева принимать не стану и передъ Богомъ стану плакать и говорить тѣ же слова, что прежде говорилъ съ клятвою».

Лутохинъ допрашивалъ патріарха, правда-ли что онъ самъ носить воду и рубить дрова, и просилъ дать роспись, чѣго ему не даютъ изъ кушанья. Никонъ отвѣчалъ, что дрова и

¹ Это письмо, вѣроятно, было отправлено Никономъ съ стрѣлецкимъ головою Андреемъ Верпгпнымъ, который приѣзжалъ въ Терапонтовъ „для государевыхъ великихъ и страшныхъ дѣлъ“ и уѣхалъ оттуда до 21 октября, забравъ съ собою въ Москву одного старца. Чт. Общ. Ист. 153.

воду онъ прежде послѣ за безлюдствомъ, а теперь не по-
сидѣть, а насчетъ содержанія жаловался, что ему ничего не
даютъ, кромѣ щей да худого квасу. Приставъ и монастырскія
власти въ свою очередь увѣряли, что у Никона всегда была
свѣжая рыба и пиво, и показывали Лутохину садки съ рыбой.
Никонъ говорилъ, что эта рыба изсидѣлась, такъ что ее и
ѣсть нельзя, а свѣжей ему не привозятъ ¹. Наумовъ послѣ

Кресло опальнаго патріарха Никона, хранящееся въ ризницѣ
Кирилло-бѣлозерскаго монастыря.

этого писалъ кирилловскимъ властямъ, что «старецъ Никонъ
въ ихъ присылкахъ запирается, будто де онъ у ихъ присыл-
щиковъ никакихъ запасовъ не принимавалъ прежь сего» и
просилъ, чтобы впредь съ присылками посылали грамотнаго
человѣка «для рукоприкладства къ роспискѣ» ². Какъ бы то
ни было, но жалобы Никона имѣли основаніе: впоследствии
самъ игумень Аванасій, уличенный Никономъ, сознался, что
онъ давалъ ложныя показанія относительно содержанія Никона.

Лутохину показывали также кресты, поставленные Нико-
номъ, съ надписями, въ которыхъ онъ называлъ себя патріар-
хомъ. Но онъ не сдѣлалъ о нихъ никакого распоряженія. Его

¹ Соловьевъ, XI, 382.

² Чт. Общ. Ист. 158.

вниманіе было теперь привлечено другимъ болѣе важнымъ обвиненіемъ противъ Никона, которое заявилъ ему приставленный къ патріарху архимандритъ Іосифъ. Давно желая обратиться изъ Ферапонтова, гдѣ, по его словамъ, онъ «животъ свой мучить, испытываетъ нужду и болѣзнь», и не получая отъ патріарха Іоасафа отвѣта на свои челобитныя, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ тому же «слову и дѣлу государеву», которымъ такъ неудачно хотѣлъ воспользоваться Никонъ. Онъ подалъ Лутохину челобитную, въ которой объявилъ за собою «страшное государево слово и дѣло, измѣну бывшаго патріарха монаха Никона и пристава Наумова». Принося такой извѣтъ, архимандритъ говорилъ, что ему теперь нельзя уже оставаться въ Ферапонтовѣ «для того, что за такія великія страшныя дѣла погубять занапрасно и отъ того государеву дѣлу спона и поруха будетъ большая»¹. 20 ноября Іосифъ былъ вызванъ въ Москву и доставленъ съ провожатыми въ приказъ тайныхъ дѣлъ. На допросѣ онъ разсказалъ слѣдующее. «Весною 1668 года были у Никона вору, донскіе казаки; я самъ видѣлъ у него двоихъ человѣкъ, и Никонъ мнѣ говорилъ, что это донскіе казаки и про другихъ сказывалъ, что были у него въ монашескомъ платьѣ, говорили ему: «Иѣтъ ли тебѣ какого утѣсненія, мы тебя отсюда опростаемъ». Никонъ говорилъ мнѣ также: «И въ Воскресенскомъ монастырѣ бывали у меня донскіе казаки и говорили: «если захочешь, то мы тебя по прежнему на патріаршество посадимъ, сберемъ вольницу, боярскихъ людей». Никонъ сказывалъ мнѣ также, что будетъ о немъ въ Москвѣ новый соборъ по требованію Цареградскаго патріарха: писалъ ему объ этомъ Аоанасій Иконійскій»². Начались розыски по этому обвиненію. Монахъ Провъ донесъ, что Никонъ хотѣлъ бѣжать изъ Ферапонтова и обратиться къ народу съ жалобой на напрасное заточеніе.

Обвиненіе въ мятежныхъ замыслахъ противъ правительства доставило Никону чрезвычайно много непріятностей и ухудшило его положеніе въ ссылкѣ. Оно было, между прочимъ, причиной того, что не имѣло никакого успѣха полученное въ февралѣ 1669 года посланіе къ царю Алексѣю Михайловичу константинопольскаго патріарха Пароенія, въ

¹ Николаевскій. 31.

² Соловьевъ, XI, 383.

которомъ онъ просилъ царя возвратить Никона изъ ссылки въ свой монастырь ¹. Въмѣсто того Никонъ былъ оставленъ въ Оерапонтѣхъ подь строгимъ карауломъ, который былъ усиленъ вновь присланными изъ Москвы стрѣльцами.

Но справедливо ли было московское правительство въ своихъ подозрѣнiяхъ къ оерапонтскому заточнику? — Въ это время на Руси начиналось социальное движенiе, завершившееся грознымъ разинскимъ бунтомъ. Донскiе казаки, подготавливавшiе смуту, бродили повсюду, заходили и въ бѣлозерскiя края. Для нихъ важно было привлечь на свою сторону низложеннаго патрiарха, которому, какъ они знали, «тошно отъ бояръ» и они, дѣйствительно, дѣлали попытки склонить его къ мятежнымъ замысламъ. Самъ Никонъ рассказывалъ послѣ, что къ нему приходили три казака «сказались, будто они идутъ Богу молиться въ Соловецкiй монастырь, а они не богомольцы, не въ Соловецкiй шли, приходили они для меня, собравшись нарочно, звали меня съ собою, пришло ихъ двѣсти человекъ. Степана Наумова хотѣли убить до смерти, Кирилловъ монастырь разорить и съ казною его, запасами и пушками хотѣли идти на Волгу». «Но я, говорилъ Никонъ, на ту ихъ воровскую прелесть не подался, во всемъ имъ отказалъ, отъ воровства ихъ унялъ и съ клятвою имъ приказывалъ, чтобъ великому государю вины свои принесли, и они пропали, невѣдомо куда».

Не смотря на отказъ Никона принять участiе въ мятежныхъ замыслахъ, казаки все таки потомъ воспользовались его именемъ. Въ своихъ прокламацiяхъ («прелестныхъ листкахъ») они объявляли народу, что съ ними, казаками, идутъ царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ (на самомъ дѣлѣ умершiй), да Никонъ патрiархъ. «И малоумные люди, писалъ Беренскiй воевода, все то ставятъ въ правду, и отъ того пуцая бѣда

¹ См. у Гиббенса II, 1116. „Буди царю совершеннѣйшiй, писалъ патрiархъ, милость имѣй всегда съ тобою... раздамъ къ требующимъ... отъ нихъ же единъ есть и много пренебрегомый Никонъ; довольно, довольно, царю милостивѣйшiй, изгнанiе толикое, и да приведеши его, молимъ тя, въ монастырь свой: довлѣтъ едину наказанiю сосланiе, не стужай вѣще, молю; Бога, оставляя такого достойнаго человека въ толикое великое пренебреженiе, приведи, царю, крещаго благословенныхъ отрасли твоихъ, ни ни лѣнися, молю тя, о царю, вѣще токмо елико скорость подай свободженiе Никону, да приндетъ въ монастырь свой, яко да радуется п вся вселенная, яже скорбитъ о немъ“.

и поколебание въ людяхъ»¹. На знаменахъ мятежниковъ были изображенія царевича Алексѣя и патріарха Никона². Сочувствіе казаковъ къ низложенному Никону обнаружилось, между прочимъ, въ характерномъ эпизодѣ убійства ими астраханскаго митрополита Іосифа: казаки не преминули тутъ вспомнить, что Іосифъ «снялъ санъ съ Никона патріарха».

Впослѣдствіи когда Стенька Разинъ былъ схваченъ, то «въ распросѣ у пытки и со многихъ пытокъ и съ огня» сказалъ, что къ нему въ Симбирскъ пріѣзжалъ старецъ отъ Никона и приглашалъ его идти вверхъ Волгою, куда навстрѣчу ему будто бы выйдетъ и Никонъ, потому что ему «тошно отъ бояръ, которые переводятъ государскіе сѣмена». Старецъ говорилъ, что у Никона есть готовыхъ людей съ 5000 человекъ; «а тѣ де люди у него готовы на Бѣлѣозерѣ». Этотъ старецъ, яко бы присланный Никономъ, былъ и въ бою и на глазахъ Стеньки «исколочилъ своими руками сына боярскаго» и потомъ ушелъ изъ Симбирска. Если и придавать вѣру этимъ вынужденнымъ пыткой показаніямъ, то и въ этомъ случаѣ всего вѣроятнѣе предположить, что тутъ было просто злоупотребленіе именемъ опальнаго патріарха со стороны лихаго старца, разбойника въ монашеской рясѣ. Самъ Никонъ рѣшительно отрицалъ какія бы то ни было сношенія съ Разинымъ. Но именемъ Никона злоупотребляли мятежники, и этого было достаточно, чтобы при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ московское правительство съ подозрѣніемъ отнеслось къ опальному патріарху и усилило надъ нимъ надзоръ.

Предосторожность была не излишня: самъ патріархъ говорилъ, что «въ Терапонтовѣ ему жить страшно, ибо монастырь не огороженъ»³. Донскіе казаки и воровскіе люди, которые тогда не только свободно разгуливали на Бѣлѣозерѣ, но даже нерѣдко появлялись въ монастыряхъ подъ видомъ монастырскихъ служекъ⁴, могли силой взять патріарха и увести

¹ Соловьевъ XI, 434.

² По сообщенію Виркгарта. См. Руцинскій. Религіозный бытъ рус. XVI—XVIII в. М. 1871, стр. 158.

³ См. Николаевскій, 42.

⁴ Въгъ напр. характерный для того времени случай. Въ 1672 году черныи попъ Кириллобѣлѣозерскаго монастыря Иванъ подаль архіепископу Симону павѣтную челобитную на старца Виталія въ томъ, что этотъ старецъ служилъ на Волгѣ въ шайкѣ Разина и, прѣидя оттуда въ

его съ собою. По крайней мѣрѣ въ Терапонтовѣ въ это смутное время далеко не все было благополучно и иногда случались довольно загадочныя событія. Такъ 22 января 1669 г. приставъ Наумовъ доносилъ въ Кирилловъ монастырь, что келарь Терапонтова монастыря Макарій «учинился государеву указу силенъ и ему, Наумову, непослушенъ и нынѣшней ночи умысля и собрався наряднымъ дѣломъ съ монастырскими служками, да съ приходящими ворами, пьянымъ обычаемъ разбилъ государевъ караулъ: и сотника и стрѣльцевъ побилъ на голову»¹. Въ іюнѣ стрѣлецкій сотникъ доносилъ, что въ ночь на 26 число «отъ старца Никона ушелъ изъ кельи пришлой дьячекъ Сенька, жившій у него безъ указу государева больше года, а ушелъ, выломавъ доску въ выходѣ». За дьячкомъ была послана погоня, и приставъ Наумовъ говорилъ, что дьячекъ отпущенъ Никономъ съ какимъ-то умысломъ². Въ это время охрана Никона была усилена вновь присланными изъ Москвы стрѣльцами. Стрѣлецкіе караулы были разставлены не только у кельи Никона, но и въ разныхъ мѣстахъ вокругъ монастыря и вдали отъ него «версть на пять и на шесть и на семь ч больше». Всѣхъ приближавшихся къ монастырю задерживали и приводили къ приставу для обыска и допроса. У пристава была приказная изба, и онъ не разъ требовалъ изъ Кириллова монастыря «подъячихъ добрыхъ для письма государевыхъ дѣлъ Московскаго отпуску». Лицъ, казавшихся подозрительными, брали подъ арестъ и отправляли въ Москву въ приказъ тайныхъ дѣлъ. Начиная съ 1668 по 1670 годъ изъ Терапонтова монастыря, то и дѣло, отправляютъ въ Москву колодниковъ и разныхъ оговоренныхъ по розыску лицъ. Приставъ Наумовъ постоянно требовалъ изъ Кириллова монастыря подводъ и провожатыхъ людей для отсылки арестованныхъ лицъ въ Москву³.

Можно себѣ представить, сколько безпокойства и нравственныхъ мученій доставило впечатлительной душѣ Никона подозрѣніе въ государственной измѣнѣ, сопровождавшееся стро-

Кирилловъ, завалъ съ собою на Вологду его, попа Ивана. См. Лѣтопись занятій Археогр. Комиссіи 1861, вып. I, Протоколы стр. 32.

¹ Чт. Общ. Ист. 154.

² Тамъ же, 155, 156.

³ Тамъ же, 153—157.

гимъ заключеніемъ его самаго, а также арестами и допросами разныхъ лицъ. Приставъ сталъ обращаться съ нимъ съ прежней грубостью: «почаль, какъ писалъ потомъ Никонъ, всякою нуждою нудить голодомъ и холодомъ, о чомъ ни пошлю ково, и онъ Степанъ къ себѣ не пустилъ; а коли и выглянетъ въ окно и на нашего посланника кричить, вопить и матерны лаеть и бить хочеть и ходить къ себѣ не велить; а говорить: «полно-де, прихотей тѣхъ пора-де покинуть; ѣшь-де что дадутъ»; а мнѣ не даютъ ничего, и тѣ посланные отъ насъ приходятъ отъ него плачучи и впредь ходить къ нему Степану для нашихъ нуждъ не хотять; а у насъ ни хлѣба, ни соли, ни дровъ во многія времена не было» ¹. Тяжелыя условія жизни въ связи съ нравственными потрясеніями распатали крѣпкое здоровье патріарха. Отъ недостатка движенія онъ заболѣлъ цыггой, въ лѣвой рукѣ сдѣлался параличъ. «А я богомолецъ вашъ, жаловался потомъ царю Никонъ, за тѣ ево Степановы караулы одва со всякія нужды не умерь, а съ тѣхъ мѣсть оцѣнжалъ и одряхлѣлъ и своимъ нуждамъ не могу спострадать» ². Одно время Никонъ такъ сильно занемогъ, что приставъ Наумовъ писалъ въ Кирилловъ монастырь, что «старецъ Никонъ волею Божіею заскорбѣлъ гораздо» и желаетъ исповѣдаться и пріобщиться, и приглашалъ архимандрита Никиту, который былъ духовникомъ опальнаго патріарха, немедленно пріѣхать въ Оерапонтовъ. Но эта болѣзнь Никона была непродолжительна: спустя 5—6 дней онъ снова дѣлаеть хозяйственныя распоряженія ³.

Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, повидимому, не хотѣлъ вѣрить слухамъ объ измѣнѣ бывшаго «собиннаго» друга и продолжалъ относиться къ нему съ уваженіемъ и мягкостью. 3 марта 1669 скончалась царица Марья Ильинична. Разсылая по монастырямъ и церквамъ милостыни за упокой души любимой супруги, царь не забылъ и опальнаго патріарха, бывшаго когда-то близкимъ другомъ царской семьи, спасшимъ ее отъ моровой язвы. Въ Оерапонтовъ былъ посланъ окольникій

¹ Письмо Никона царю въ мартѣ 1672 года, см. у Николаевского 45, примѣч.

² Тамъ же.

³ Эту болѣзнь Никона арх. Варлаамъ отнесъ къ 10 дек. 1670 года (Чт. Общ. Ист. 148), между тѣмъ какъ изъ другого мѣста его статьи ясно, что отписка Наумова отычана была 10 дек. 7178 (1669) г. ср. 156.

Родіонъ Стрѣшневъ съ милостыней Никону въ 500 рублей. Въ это время Никонъ находился уже подъ строгимъ карауломъ, разочарованный въ своихъ надеждахъ на освобожденіе. Недовольный царемъ, онъ не принялъ царской милостыни, говоря, что онъ и безъ денегъ долженъ поминать почившую царицу ¹. Стрѣшневъ «упорно» просилъ его принять деньги, но патріархъ настоялъ на своемъ и при этомъ, многозначительно прибавилъ: «послѣ смерти царицы будетъ другая бѣда не меньше, а послѣ этой еще хуже будетъ: мнѣ это объяв-

Видъ Тераонтова монастыря со стороны Бородавскаго озера.

лено отъ Господа Бога». «А говорилъ я эти слова сердито, сознавался послѣ Никонъ, досаждая великому государю» ². Какъ бы то ни было, слова Никона оказались пророческими: черезъ три мѣсяца послѣ смерти царицы умеръ царевичъ Симеонъ, и въ томъ же году нѣсколько мѣсяцевъ спустя другой

¹ «Я у васъ государей не наемникъ, писалъ послѣ Никонъ царю, за вашу милость долженъ и такъ Бога молить, какъ и молю... по государымъ царицѣ во всю Четырдесятницу псалтырь и канонъ пѣлъ и поминанъ до днесь не забытъ». Письмо Никона царю въ декабрѣ 1671 г. см. у Соловьева XI, 887.

² Соловьевъ, XI, 890.

царевичъ Алексѣй, а въ слѣдующемъ году разразился страшный казацкій бунтъ.

Смерть наслѣдника престола Алексѣя Алексѣевича была печальнымъ обстоятельствомъ для опальнаго патріарха, который возлагалъ на царевича надежды на освобожденіе. «Когда къ Степану (Наумову) вѣсть пришла, что сына твоего царевича Алексѣя не стало, писалъ потомъ царю Никонъ. то дѣвка его пришла въ другую избу и говорила: «пынѣ на Москвѣ кручина, а у нашего боярина радость, говоритъ: теперь нашего колодника надежда вся погибла, на кого надѣялся, и того не стало, кротче будетъ»¹.

Спустя почти два года послѣ смерти своей первой супруги, Алексѣй Михайловичъ вступилъ во второй бракъ съ Натальей Кирилловной Нарышкиной (22-го января 1671 года). Привыкшій дѣлать съ Никономъ скорби и радости своей семейной жизни царь и на этотъ разъ не обошелъ вниманіемъ своего бывшаго «собиннаго» друга. Онъ отправилъ въ Оерапонтовъ своего стольника Ларіона Абрамовича Лопухина и послалъ съ нимъ свадебные подарки опальному патріарху: «700 рублей денегъ, три мѣха — соболій, лисій и бѣличій, сукно и тафту черныя, 15 штукъ полотень добрыхъ тонкихъ, 20 полотенець»². На этотъ разъ царскіе подарки встрѣтили благосклонный пріемъ со стороны оерапонтовскаго заточника. Никонъ съ благодарностью принялъ дары, велѣлъ пѣть молебень о царскомъ многолѣтнемъ здравіи и тотчасъ послалъ письмо государю, въ которомъ благодарилъ за присланную богатую милостыню и высказывалъ разныя благожеланія царской семьѣ³.

Но вотъ окончилась и самая смута, въ тайномъ содѣйствіи которой враги обвиняли Никона. 24 апрѣля 1671 года Степка Разинъ былъ схваченъ и увезенъ въ Москву для пытокъ и казни. Вездѣ по указу государя служили благодарственные молебствія Богу за прекращеніе смуты. Оерапонтовскій заточникъ не представлялъ уже теперь опасности для московскаго правительства и могъ падѣяться на облегченіе своей участи. Въ юнѣ 1671 года на смѣну Степана Наумова

¹ Тамъ же 387.

² Шушеринъ. 90.

³ См. Николаевскій 36, 37.

прибыль въ Оерапонтовъ новый приставъ — стольникъ князь Самойло Никитичъ Шайсуповъ съ новыми стрѣльцами. Но указа объ облегченіи участи патріарха онъ не привезъ: Никонъ по прежнему содержался въ строгомъ заключеніи. Въ своихъ бесѣдахъ съ новымъ приставомъ Никонъ указывалъ на то, что недавнія бѣдствія—смерть царевича Алексѣя и казачья смута были имъ предсказаны еще въ разговорѣ съ царскимъ посломъ Родіономъ Стрѣшневымъ. «Да и впредь, добавлялъ онъ, если вселенскихъ и московскаго патріарховъ на весь православный російскій народъ безразсудная запретительная клятва не спимется, добра ждать нечего». Опальный патріархъ подчеркивалъ также свою вѣрность государю, выразившуюся въ томъ, что онъ не подался на воровскую прелесть казаковъ, во всемъ отказалъ, отъ воровства ихъ унялъ и съ клятвою имъ приказывалъ, чтобы великому государю вины свои принесли. Жалуясь приставу на тяжесть своего заключенія, Никонъ просилъ его написать государю. Шайсуповъ писалъ въ Москву въ приказъ тайныхъ дѣлъ, просилъ себѣ указа, но отвѣта ему не было.

Прошло полгода. Никонъ рѣшился опять напомнить о себѣ государю и въ самый день Рождества, 25-го декабря 1671 г., послалъ въ Москву своего іеродіакона Мардарія съ письмомъ къ государю ¹. Письмо это замѣчательно по своему кроткому примирительному тону: суровый патріархъ, утомленный долгимъ заточеніемъ, уже не грозитъ царю, а смиренно проситъ у него прощенія за свои дерзкіе рѣчи и поступки. Онъ напоминаетъ въ письмѣ свои отношенія къ царю, начиная со времени возведенія на патріаршество и въ послѣдующее время, когда между ними «по навѣтамъ враговъ возросла великая смута». Чистосердечно сознаваясь въ томъ, что онъ много разъ досаждалъ государю, говорилъ ему на соборѣ прекословно и досадно, не принималъ присланныхъ отъ царя даровъ и тѣмъ его безчестилъ, Никонъ просилъ государя простить его «ради роднагося Христа». вмѣстѣ съ тѣмъ онъ описываетъ свое бѣдственное положеніе въ ссылкѣ слѣдующими словами «Ради всѣхъ этихъ моихъ винъ отверженъ я въ Оерапонтовъ монастырь шестой годъ, а какъ въ кельѣ затворенъ — тому четвертый годъ. Теперь я боленъ, нагъ и босъ, и креста на

¹ См. это письмо у Соловьева XI, 384—387.

мнѣ нѣтъ третій годъ, стыдно и въ другую келью выйти, гдѣ хлѣбы пекутъ и кушанье готовятъ, потому что многія части зазорныя непокрыты; со всякой нужды келейной и недостатковъ оцѣнжалъ, руки больны, лѣвая не подымается, на глазахъ бѣлзма отъ чада и дыма, изъ зубовъ кровь идетъ смердящая и [они] не терпятъ ни горячаго, ни холоднаго, ни кислаго, ноги пухнуть, и потому не могу церковнаго правила править, а попъ одинъ и тотъ слѣпъ, говорить по книгамъ не видитъ; приставы ничего ни продать, ни купить не дадутъ, никто ко мнѣ не ходитъ и милостыни просить не у кого». Жалуюсь на суровое отношеніе къ себѣ прежняго пристава Наумова и новаго — Шайсупова, Никонъ просить государя облегчить тяжесть заключенія. «Прошу тебя, заканчиваетъ свое письмо Никонъ, ослаби ми мало, да почию, преже даже не отъиду, прошу еже жити ми въ дому Господни во вся дни живота моего».

Письмо, написанное въ такомъ кроткомъ и примирительномъ тонѣ, не могло остаться безъ злѣянія на впечатлительнаго государя. Тотчасъ по полученіи его царь отправилъ въ Оеранпонтвъ двухъ пословъ къ Никону стрѣлецкаго голову Иларіона Лопухина и подъячаго приказа тайныхъ дѣлъ Артемія Степанова. Послы пріѣхали въ Оеранпонтвъ 18 января 1672 года и, явившись къ Никону, привѣтствовали его отъ имени государя, называя опальнаго патріарха «святѣмъ и великимъ отцемъ», и поднесли ему государеву милостыню—деньги, мѣха, рыбу. Согласно царскому наказу Лопухинъ держалъ предъ Никономъ рѣчь, которая была отвѣтомъ на письмо послѣдняго къ государю. «Государь, говорилъ между прочимъ царскій посолъ, съ самаго начала желалъ умиренія, а теперь всякія враждотворенія паче прежняго разрушить и во всемъ примиренія съ любовію желаетъ и самъ прощенія просить. Досадныхъ словъ отъ тебя къ государю никакихъ не бывало: изволь помятовать. Посланъ ты въ Оеранпонтвъ монастырь вселенскими патріархами и соборомъ, а не государемъ; дворянинъ и стрѣльцы посланы съ тобою для твоего береженья, а не для утѣсненья; если же Степанъ Наумовъ какое тебѣ утѣсненіе чинилъ, то онъ дѣлалъ собою, а не по государеву указу, и про это приказалъ государь сыскать». Посолъ коснулся въ своей рѣчи и подозрѣній, лежавшихъ на Никонѣ въ сношеніяхъ его съ воровскими казаками и Стенькою Разинимъ. «Пророчества, какія ты говорилъ князю Шайсупову,

узналъ ты не отъ Господа Бога, а отъ воровскихъ людей, которые къ тебѣ прѣзжали; надобно думать, что то смятеніе и кровопролитіе сдѣлалось отъ нихъ. Если бы ты хотѣлъ всякаго добра по Христовой заповѣди, то ты бы про такое великое дѣло не умолчалъ, и тѣхъ воровскихъ казаковъ велѣлъ переловить, а трехъ человекъ можно было тебѣ поймать. Ты объяви теперь обо всемъ подлинно, а то, просишь у государя всякой милости и прощенія, а самъ къ нему никакой правды не объявишь».

На эту рѣчь царскаго посла Никонъ отвѣчалъ своей рѣчью, въ которой возражалъ по порядку на сдѣланныя ему замѣчанія. Въ началѣ онъ благодарилъ государя за милость, заявлялъ, что желаетъ прощенія отъ государя и самъ его во всемъ прощаетъ и просилъ не вѣрить навѣтамъ враговъ. «Престолъ я свой оставилъ, говорилъ патріархъ, и паки было возвратился — дѣло не новое: и прежніе вселенскіе патріархи престолы свои оставляли и назадъ возвращались. Я своего прежняго сана не взыскую, только желаю великаго государя милости. Соборъ патріарховъ Писсія и Макарія ставлю я ни во что, потому что они престоловъ своихъ отбыли и на ихъ мѣста поставлены другіе; повинуюсь я константинопольскому патріарху и прочимъ вселенскимъ, которые на престолахъ своихъ». Добродушный государь, какъ мы видѣли, хотѣлъ предать забвенію досадительныя слова Никона и говорилъ, что ихъ и не было. Никонъ не хочетъ воспользоваться этимъ заявленіемъ государя. «О томъ, что говорено было на соборѣ, я писалъ правду, снова подтвердилъ прямодушный патріархъ; государю это извѣстно; да и послѣ, при Степанѣ Наумовѣ и присмльщикахъ много разъ я досадительныя слова говорилъ и къ государю писывалъ, въ томъ милости и прощенія прошу; а что великій государь за многія мои досадительства мнѣ не мстилъ, за то великую мзду отъ Бога воспріиметь». По поводу обвиненій въ сношеніи съ мятежными казаками Никонъ объявилъ, что о смутѣ на Вологдѣ и о Разинѣ онъ ничего не знаетъ, троиъ же казаковъ, приходившихъ къ нему, онъ не велѣлъ схватить потому что «боялся какъ бы смуты не учинить: они сказывали про свое многолюдство, а оборониться отъ нихъ было не кѣмъ. Къ государю же о казакахъ этихъ я тогда писалъ и архимандриту Іосифу сказывалъ». Относительно пророчествъ своихъ Никонъ счелъ нужнымъ заявить, что онъ говорилъ Стрѣшневу вообще объ имѣющихъ быть

бѣдствіяхъ, а не говорилъ именно о смерти царевича и о казацкомъ раззореніи. Въ заключеніе опальный патріархъ просилъ передать его просьбу государю, нельзя ли перевести его изъ Терапонтова монастыря въ Воскресенскій или Иверскій и дать ему довѣренныхъ людей для услугъ. «Худаго у меня намѣренія нѣтъ, говорилъ Никонъ, да и лѣта мои не малыя, постигло увѣче, а призрѣть меня стадо некому; да пожаловаль бы государь, простилъ всѣхъ, кто наказанъ изъ-за меня»¹.

Послы обѣщали Никону о всѣхъ этихъ просьбахъ доложить государю и испросить указъ, а пока словесно распорядились, чтобы приставъ не дѣлалъ патріарху стѣсненія и позволилъ ему свободный выходъ изъ кельи. Для улучшенія его содержанія они велѣли брать запасы не только съ Кирилловскаго, но и съ другихъ бѣлозерскихъ монастырей — съ Троицкаго, что на устьѣ рѣки Шексны, Новоезерскаго и еще съ двухъ вологодскихъ: Спасокаменнаго и Прилуцкаго.

Послы уѣхали. Никонъ, согласно ихъ обѣщанію, сталъ ждать отъ государя указа относительно облегченія своей участи. Проходитъ мѣсяць, а указа все нѣтъ. Въ это время на Москвѣ происходили выборы новаго патріарха на мѣсто умершаго Іоасафа II († 17 февраля 1672) и правительство, конечно, не безъ вліянія недоброжелателей Никона не спѣшило исполненіемъ просьбъ опальнаго патріарха. Прождавъ до марта, Никонъ отправилъ къ государю письмо², въ которомъ снова описывалъ бѣдственное положеніе свое въ ссылкѣ, указывалъ на отсутствіе у приставовъ письменныхъ наказовъ относительно надзора за нимъ, вслѣдствіе чего они, какъ напр. Наумовъ, ссылаясь на словесные указы, часто дѣлали ему обиды и притѣсненія. Теперь онъ совсѣмъ далекъ отъ того настроенія, въ какомъ, бывало, отвергалъ присылаемые царемъ дары. Напротивъ, онъ самъ проситъ теперь о томъ, нельзя ли прислать къ нему ту самую милостыню, которую привозилъ ему Стрѣшневъ на поминъ царицы и которую онъ тогда отказался принять. «А что твоя великаго государя милостыня прислана съ Ларіономъ Лопухинымъ и то все изошло, потому долженъ былъ многимъ, а иное олихоимствованнымъ и разоренымъ отъ Степана Наумова съ тѣми подѣлился». Такимъ

¹ См. рѣчь посла и отвѣтъ Никона у Соловьева XI, 388 — 390, ср. Николаевскій 39—43.

² Оно сполна приведено у П. Θ. Николаевскаго. 44—46 примѣч.

образомъ, суровыя условія жизни въ концѣ концовъ взяли верхъ надъ непреклоннымъ характеромъ опальнаго патріарха. «А нынѣ я богомолецъ вашъ отъ многія злобы немилостиваго пристава Степана Наумова смирихся до конца, а се за грѣхи мои рука лѣвая больна стала и дѣйствовать нисколько не можетъ, пристроити пити и ясти и принести некому». Старцы, жившіе съ Никономъ опять всѣ разошлись, нѣкоторые — по порученіямъ самого Никона: «со мною остался одинъ черной попъ Варлаамъ, а тотъ попъ слѣпъ (я же около ево ходилъ), и по се число я богомолецъ на себя и на попа хлѣбы печь и варилъ самъ... Сотвори Господа ради, великій государь, со мною милость, (вели) служащимъ единому или двумъ послужити нужнымъ нашимъ потребамъ, кто бѣ принесъ пити и ясти, да чѣмъ и имъ сытымъ и одѣтымъ быти; а азъ же зѣло взнемогъ отъ многихъ скорбей моихъ, некому ясти сварить... да и церковныхъ людей, съ кѣмъ бы церковный обиходъ исправить, а я нынѣ одинъ не могу исправлять. Господа ради милостивъ буди».

По полученіи этого письма Никона государь тотчасъ же послалъ въ Отрапонтѣвъ указъ на имя пристава Шайсупова: «дать Никону для службы изъ тутошнихъ работныхъ людей челоуѣкъ двухъ или трехъ, чтобъ у него въ томъ никогда скудости не было». 27 марта царскій указъ былъ полученъ въ Отрапонтѣвъ и приставъ сообщилъ о немъ Никону. Никонъ заявилъ, что «ему черные попъ и дьяконъ не его постриженники ненадобны и въ келью къ себѣ ихъ не возьметъ», тутошнихъ работниковъ для услуженія онъ тоже не хочетъ, «потому что, отъ тутошнихъ людей въ кельѣ у него въ денежной его казнѣ и въ судахъ многая поруха чинится и пропажа, и вѣреть здѣшнимъ людемъ будучи у него въ кельѣ не мочно». Онъ просилъ у государя позволенія быть у него «для всякой службы ево же людемъ, которые у него были прежде въ Воскресенскомъ монастырѣ». Тогда государь послалъ въ Отрапонтѣвъ стряпчаго конюха Степана Веригина спросить Никона, какихъ именно лицъ онъ желаетъ имѣть при себѣ. Никонъ отвѣчалъ, что онъ теперь не знаетъ, кто изъ его монаховъ и людей живъ, да еслибы и зналъ, то все равно не захотѣлъ бы насильно вводить ихъ въ неволю, потому и нынѣ живущій у него черной попъ Варлаамъ сучаетъ отъ великой нужды и хочетъ идти отъ него. Посылать къ нему, если это угодно государю, нужно только такихъ лицъ, которые сами того пожелаютъ, нужно при этомъ дать

имъ средства къ пропитанію, свободу отъ караула и возможность уйти изъ Оерапонтова, когда захотятъ ¹. Желаніе Никона было исполнено: въ іюнѣ «по указу великого государя» пріѣхали въ Оерапонтовъ «старцы монаха Никона—Олавіанъ съ товарищи самъ четверть» ².

IV.

„Ослабимъ мало, да почию, преже даже не отъяду“.

Изъ письма къ царю п. Никона.

Опальный патріархъ дождался наконецъ облегченія своей участи. Съ лѣта 1672 года наступила лучшая пора его жизни въ Оерапонтовѣ, которая продолжается до времени перевода его въ Кирилловъ монастырь въ 1676 году. Теперь не только жившимъ у Никона старцамъ, но и ему самому разрѣшенъ свободный выходъ изъ кельи. Насидѣвшійся въ заключеніи патріархъ спѣшитъ теперь воспользоваться предоставленной ему свободой. Онъ ходитъ гулять въ окрестностяхъ монастыря, удить рыбу на озерѣ. Для разнообразія, а, можетъ быть, и вслѣдствіе болѣзни ногъ, патріархъ нерѣдко совершаетъ свои прогулки не пѣшкомъ, а верхомъ на лошади. Въ іюнѣ онъ потребовалъ чрезъ пристава, чтобы ему прислали изъ Кириллова монастыря лошадь для верховой ѣзды «добрую съ ходью ступистую, не шараху, не спотычиву да сѣдло сафьянное съ приборомъ властелинское доброе на чемъ ему самому ѣздить, и сукна на полный снимальникъ». Изъ Кириллова прислали Никону мерина сѣраго прозвищемъ «щеголь», сафьянное сѣдло съ уздой и прочія принадлежности. Но патріарху не понравилась «цвѣтная» масть этой лошади: онъ отослалъ ее назадъ и велѣлъ прислать другую лошадь «добрую карюю или гнѣдую или вороную или бурую изтемна, да конюха, который бы умѣлъ стряпать около той лошади». Тогда кирилловскіе власти прислали «мерина вороно-каряго прозвищемъ «Москва» и съ нею конюха. Никонъ эту лошадь велѣлъ принять ³. Съ того времени окрестнымъ жителямъ часто прихо-

¹ Николевскій. 47.

² Чт. Общ. Ист. 160.

³ Чт. Общ. Ист. 157, 158.

дилось встрѣчать на дорогахъ, ведущихъ къ Терапонтону, богатырскую фигуру опальнаго патріарха на ворономъ конѣ. Никонъ, повидимому, любилъ верховую ѣзду и въ августѣ того же года вытребовалъ себѣ другую верховую лошадь. Неизвѣстно, сопровождалъ ли его конвой стрѣльцовъ во время

Св. ворота Терапонтонскаго монастыря съ находящеюся надъ ними Богоявленскою церковью патріарха Никона.

недалекихъ прогулокъ, но въ болѣе отдаленныхъ поѣздкахъ, какъ напр. на рѣку Шексну для осмотра рыбной ловли, должны были сопровождать его приставъ, сотникъ и стрѣльцы. Подъ такимъ конвоемъ онъ еще при Наумовѣ ѣздилъ на богомолье въ Ниловъ скитъ (въ 15 верстахъ отъ Терапонтонскаго монастыря).

При наступившемъ облегченіи своей участи, патріархъ Никонъ имѣлъ больше возможности распредѣлять свое время и занятія согласно своему желанію. Бросимъ теперь общій взглядъ на то, какъ и въ чемъ проводилъ свое время опальный патріархъ.

Первый годъ своего заточенія Никонъ, какъ было выше сказано, жилъ въ тѣсныхъ и закоптѣлыхъ больничныхъ кельяхъ на сѣверной сторонѣ монастыря, а потомъ помѣстился въ новыхъ кельяхъ, выстроенныхъ для него въ томъ же мѣстѣ «подлѣ тѣхъ больнишныхъ кельишекъ». Съ самаго начала заточенія ежедневнымъ неопустительнымъ занятіемъ патріарха было исполненіе иноческаго келейнаго правила и слушаніе положенныхъ по уставу службъ. Когда Степанъ Наумовъ забилъ желѣзными рѣшетками окна и безъ того мрачныхъ больничныхъ келій, то келейное правило даже днемъ приходилось отправлять съ лучиной. Въ новыхъ кельяхъ у Никона была особая крестовая или моленная комната: «а у меня въ новой кельишкѣ, писалъ онъ царю, и трапеза и церковь, въ ней отправляемъ полунощницу, утреню, молебны, часы, вечерню и повечерню»¹. Для устройства этой крестовой Никонъ вытребовалъ себѣ въ февралѣ 1668 года «крестъ воздвизальный, шестеры деисусы келейныя, чему поклоняться братіи, паникадило келейное о шести перахъ, шесть подсвѣчниковъ, что предъ образами свѣщи ставятъ, кадильницу мѣдную добрую, ладоницу добрую»². Всѣ нужныя богослужебныя книги присылались изъ Кириллова монастыря по его требованію и перемѣнялись имъ соотвѣтственно церковному кругу времени, откуда можно заключать, что церковныя службы совершались у него ежедневно³. Съ 1668 года въ распоряженіе Никона была предоставлена Богоявленская церковь надъ св. воротами монастыря: въ день Пасхи, 22 марта, здѣсь въ первый разъ была совершена для него литургія. Всѣ келейныя и церковныя службы отправлялись для Никона жившими съ нимъ монахами. Но въ періодъ тяжкаго заключенія, когда монахи разошлись, патріарху самому приходилось «церковное правило править», потому что оставшіяся у него «черный попъ Варлаамъ ослѣпъ и говорить по книгамъ не видитъ». Бого-

¹ Николаевскій 69.

² Чт. Общ. Ист. 150.

³ Тамъ же 142.

служенія въ Богоявленской церкви на долгое время прекратились, такъ какъ некому стало «церковный обиходъ править». Въ монастырскія церкви, гдѣ совершались службы для братіи, Никонъ считалъ неудобнымъ ходить по разнымъ причинамъ: зимой — «за стужей и дализною», а кромѣ того строго слѣдившій за исправностью богослуженія бывшій патріархъ находилъ, что служба въ Терапонтовѣ совершается «неисправно, поютъ не по уставу» ¹. Когда патріархъ шелъ въ церковь, то его сопровождалъ караулъ изъ 6—8 стрѣльцовъ. По разсказу Шушерина, «по обычаю» провожали его при этомъ архимандритъ, приставъ и игумень монастыря, которые во время благовѣста приходили къ нему въ келью ². Съ 1673 г. Никонъ сталъ хлопотать о томъ, «чтобы ему построили кельи подлѣ Богоявленской церкви, чтобы изъ тѣхъ его келій въ ту церковь былъ ему ходъ для службы литургіи беззасоренъ». Впослѣдствіи изъ новыхъ келлій, выстроенныхъ для него въ 1674—75 году, былъ сдѣланъ особый ходъ въ Богоявленскую церковь въ видѣ крытой галлерей съ окнами по обѣ стороны, ганушейся по монастырской оградѣ на разстояніи 30 сажень ³. Государь прислалъ для этой церкви серебряные сосуды, покровы, ризы и полный кругъ новопечатныхъ богослужебныхъ книгъ. Но присланная царемъ роскошная утварь не соотвѣтствовала прочей скудной обстановкѣ церкви: «а въ той церкви, писалъ царю Никонъ, благодаря его за присылку утвари, срачица на престолѣ и покровъ на жертвенникѣ крашенинные, а у царскихъ дверей нѣтъ завѣсы, нѣтъ у мѣстныхъ иконъ пелень, а у дьякона стихаря, нѣтъ паникадила и колоколовъ, а царскіе двери и мѣстныя иконы письма самого плохаго» ⁴. Царь въ январѣ 1676 года, уже не задолго до своей смерти, прислалъ ему недостающую утварь и три небольшихъ колокола (вѣсомъ всѣ въ 2¹/₄ пуда) ⁵. Самъ Никонъ никогда не служилъ, а только присутствовалъ

¹ Николаевскій, 55.

² Шушеринъ, 86.

³ Дѣло о п. Никонѣ № 94 стр. 349.

⁴ Николаевскій, 82, 83.

⁵ Опись утвари, пожалованной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для Богоявленской церкви, см. въ Чг. Общ. Ист. 167, ср. «Дѣло о п. Никонѣ» № 112, стр. 147. Здѣсь упоминаются серебряные золоченые сосуды и дорогія облаченія изъ золотнаго бархату съ серебрянными пуговицами. Въ 1688 году вся эта утварь была увезена въ Воскресенскій монастырь въ церковь Іоанна Предтечи, гдѣ погребенъ Никонъ.

при богослуженіи. Но причащался онъ въ алтарѣ вмѣстѣ съ служившимъ іеромонахомъ ¹. За богослуженіемъ на ектеніяхъ и пр. его поминали «святѣйшимъ патріархомъ» ². Въ Богоявленскую церковь, по приказу Никона, не допускался никто изъ постороннихъ.

Вынужденный проводить большую часть своего времени въ кельѣ, особенно въ первые годы своего заточенія, патрі-

Внутренній видъ Богоявленской церкви, отведенной патріарху Никону въ Терапонтовъ монастырь.

архъ Никонъ, большой любитель книгъ, уже раньше извѣстный своей обширной начитанностью, не могъ конечно обойтись безъ книгъ при томительномъ однообразіи своей затворнической жизни. Чтеніе книгъ занимало не послѣднее мѣсто

¹ „Дѣло о п. Никонѣ“ № 100, стр. 371.

² Тамъ же № 94 стр. 350. Ср. Шушеринъ, 83.

въ ряду его обыденныхъ занятій. Книги доставлялись по его требованію изъ богатой бібліотеки Кириллова монастыря: онъ требовалъ по нѣскольку книгъ за разъ и часто мѣнялъ ихъ на новыя ¹. Во время великаго поста Никонъ, по разсказу Шушерина, особенно любилъ заниматься «почитаніемъ книгъ святыхъ», яко же бѣ ему обычай въ Воскресенской отхожей пустынѣ ².

Не мало времени удѣлялъ патріархъ и на хозяйственныя хлопоты. Иногда необходимость заставляла его своими руками исполнять домашнія работы: носить дрова и воду, печь хлѣбы и пр. Всѣ подобныя работы хорошо были знакомы Никону еще во времена его отшельнической жизни въ Анзерскомъ скиту. Въ лучшую пору своего заточенія патріархъ не только не оставлялъ хозяйственныхъ занятій и хлопотъ, но съ охотой посвящалъ имъ свое время. Въ этихъ занятіяхъ находила себѣ исходъ его энергичная натура, обреченная на вынужденное бездѣйствіе. Самымъ любимымъ его занятіемъ была рыбная ловля на Бородавскомъ озерѣ, предоставленномъ въ его распоряженіе еще съ лѣта 1667 года. Патріархъ часто ходилъ удить на это живописное озеро, разстилавшееся къ западу отъ монастыря недалеко отъ его келій. Въ 1672 году на присланныя царемъ деньги онъ заказалъ три невода и ими ловили рыбу для его обихода ловцы Ферапонтова монастыря, а также Кириллова и Троицкаго попеременно ³. Зимой онъ требовалъ не менѣе 12 ловцовъ, лѣтомъ—не менѣе шести ⁴. Мелкую рыбу Никонъ отдавалъ въ монастырскую трапезу. Но вообще онъ былъ недоволенъ ферапонтовской рыбой: «а

¹ Вотъ наиболѣе замѣчательныя книги, которыя въ разное время требовалъ себѣ Никонъ для домашняго чтенія: „Евангеліе воскресное толковое, торжественникъ постный, Ефремъ съ Лѣствицею, Григорій Богословъ, лѣтописцы: греческій, кievскій и русскій, Библия, Бесѣды евангельскія, Апостолъ толковый, Псалтирь толковый большой „перевода Максима Грека“, Хронографъ, Никонъ великій, Сборникъ цвѣтныи, Маргаритъ“. См. Чт. Общ. Ист. 142, 143. При описи имущества Никона въ 1676 году у него оказалось не менѣе 50 равныхъ богослужебныхъ и другихъ книгъ. Между прочимъ упоминаются книги: „Григорія Анзизанна, Григорія Чюдотворца, Исаака Сирина, Василія Великаго, двѣ книги Жезель Правленія, Библия литовской печати и какаѣ-то „книжица въ кожѣ, на греческомъ языкѣ, въ четверть“. См. Дѣло о п. Никонѣ № 106, стр. 887, 888.

² Шушеринъ, 87.

³ Донесеніе царю пристава Шайсупова 1674 года. См. Николаевскій, 72.

⁴ Соловьевъ XI, 471.

рыбенка когда и уловится на братію, писалъ онъ царю, и то самая худая, — ершишка да сорожка»¹. Ему была дана еще топя на рѣкѣ Шекснѣ подъ селомъ Бородавой, гдѣ подъ наблюденіемъ довѣреннаго старца Ферапонтовскіе ловцы ловили для патріарха стерлядей, язей, лещей разными способами: переметами (иногда по 600 удъ), ботальными сѣтями, мережами и пр.². Рыболовныя принадлежности большею частію заготовлялись у него въ Ферапонтовѣ, матеріалъ для нихъ иногда присылался изъ Кириллова, иногда покупался имъ на свой счетъ³. Для храненія ихъ былъ устроенъ особый «онбаръ неводной и сарай». По описи 1676 года у Никона было нѣсколько неводовъ, мережь, вершъ и 11 лодокъ большихъ и малыхъ⁴. Никонъ устроилъ также два пруда, въ которыхъ онъ разводилъ карасей⁵. Хорошую рыбу — стерлядей, осетровъ — привозили ему изъ Шексны и изъ царскихъ тоней живую въ бочкахъ, при чемъ приставъ наказывалъ провожатымъ «беречь на крѣпко, чтобы та рыба у Ферапонтова монастыря не послула»⁶. Для этой рыбы былъ устроенъ особый деревянный садокъ подъ монастырской мельницей.

Кромѣ рыбной ловли Никонъ любилъ еще заниматься сельскимъ хозяйствомъ — хлѣбопашествомъ и огородничествомъ — недаромъ онъ былъ сынъ крестьянина-земледѣльца. Въ двухъ верстахъ отъ Ферапонтова въ монастырской пустоши Лещево онъ разчистилъ лѣсъ подъ пашню, поставилъ тамъ дворъ и сѣялъ рожь и пшеницу⁷. Извѣстно также, что онъ бралъ у монастыря въ аренду пустошь Rogozinino⁸. Въ 1676 году

¹ Письмо Никона царю въ маѣ 1672 г. См. Николаевскій, 51.

² Чт. О. Ист. 148.

³ Приходо-расходныя книги Ферапонтова монастыря за 1673—4 годъ: «июня въ 19 день святѣйшему Никону патріарху продано десять концовъ мережь неводныхъ—взято два рубли тридцать алтынь денги платилъ келейной ево черной дьяконъ Марьдарей» Рк. л. 9; «августа въ 6 день продано изъ казны святѣйшему Никону патріарху три мережи переводимыя—взято тридцать три алтына», л. 10.

⁴ Дѣло о п. Никонѣ № 102.

⁵ Тамъ же № 118.

⁶ Чт. Общ. Ист. 154.

⁷ Осенью 1676 года въ пустоши Лещевѣ было вымолочено 7 четвертей съ осьминою ржи и 8 четв. пшеницы. Дѣло о п. Никонѣ № 113.

⁸ Приходо-расходныя книги Ф. м. за 1678—4 г.; «апрѣля въ 24 день пожаловалъ святѣйшій Никонъ патріархъ: прислалъ въ казну три рубли денегъ съ слугой Гавриломъ Никнеоровымъ за пустошь Rogozinino, что отдана ему на четыре года, въ томъ і даная дана». Ркп. л. 7.

еще до уборки хлѣба въ житницахъ Никона оказалось 480 четвертей всякаго хлѣба, ржи и яроваго, сухаго и молотаго, между прочимъ ржи 200 четвертей, овса—113, ячменя—84, пшеницы—24 и пр. ¹. Нельзя впрочемъ думать, чтобы весь этотъ хлѣбъ вырощъ на поляхъ Никона: большая часть его, вѣроятно, была доставлена изъ окрестныхъ монастырей.

Огородничествомъ Никонъ занимался въ довольно широкихъ размѣрахъ. У него было въ Терапонтовѣ три огорода: одинъ находился, какъ можно думать, на берегу озера, судя потому, что за нимъ стоялъ онбаръ неводной съ лодками, сѣтями и прочими рыболовными принадлежностями, другой — тамъ же «у устья рѣки», третій — «подлѣ монастыря у полаты» т. е. на южной сторонѣ монастыря. Въ этомъ послѣднемъ небольшомъ саду росла только малина да смородина. Въ двухъ другихъ огородахъ посажены были разные овощи въ большомъ количествѣ: въ обоихъ огородахъ вмѣстѣ было, напримѣръ, 43 гряды капусты, 37 грядъ луку, 24 чесноку, были также огурцы и дыни въ ящикахъ и грядкахъ, тыквы, салатъ, свекла, рѣдька, рѣпа, морковь, а также лѣкарственные травы: мята, зоря, девятисиль. Никонъ хотѣлъ также развести въ Терапонтовѣ яблони, которыхъ здѣсь прежде не было: послѣ него осталась цѣлая гряда яблочныхъ саженцовъ ². Когда Никона перевели въ Кирилловъ монастырь, то изъ собранныхъ въ его огородахъ овощей ему выслали только «небольшое», а именно 101 тыкву, 14 дынь, 1350 огурцовъ, нѣсколько пудовъ луку и чесноку, сѣмени маковаго ведерко и т. п. Уже по этой «небольшой» части всего урожая можно судить о томъ, какъ успѣшно процвѣтала въ хозяйственныхъ рукахъ Никона эта отрасль сельскаго хозяйства, которая и донинѣ такъ слабо развита на сѣверѣ Россіи.

Для успѣшнаго занятія хлѣбопашествомъ и садоводствомъ патріархъ долженъ былъ держать лошадей и рогатый скотъ. Въ 1676 году у него было 8 лошадей, 9 коровъ дойныхъ и около 20 «бычковъ и телушечекъ», а также козелъ съ 3 козами и 4 малюнькими козликами ³. У него былъ за монастыремъ особый скотный дворъ, который онъ задумалъ строить еще въ августѣ 1672 года. Держалъ патріархъ и домашнихъ

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 104, 110.

² Тамъ же № 102.

³ Дѣло о п. Никонѣ № 105, стр. 403, 404.

птиць. Всѣхъ этихъ животныхъ онъ частію бралъ изъ окрестныхъ монастырей, частію покупалъ на собственные деньги ¹.

Хозяйственные заботы и хлопоты чередовались у Никона съ занятіями благотворительностью. Благотворительность всегда была отличительнымъ свойствомъ патріарха Никона. Онъ не любилъ копить деньги и широко благодѣтельствовалъ нуждающемуся люду, чѣмъ пріобрѣлъ большую любовь къ себѣ въ народѣ. Въ Воскресенскомъ и другихъ патріаршихъ монастыряхъ, по его приказу, радушно принимали всѣхъ прохожихъ путниковъ и бесплатно содержали по нѣскольку дней ². Живя въ заточеніи и нерѣдко самъ испытывая нужду, Никонъ не могъ уже заниматься благотворительностью въ прежнихъ широкихъ размѣрахъ, тѣмъ болѣе что доступъ къ нему окрестнаго населенія временами былъ совсѣмъ запрещенъ. Съ 1672 года, когда онъ получилъ больше свободы и матеріальныхъ средствъ, онъ помогаетъ окрестному нуждающемуся населенію, раздаетъ деньги изъ присылаемой царской милостыни. Многіе берутъ у него деньги въ долгъ ³. Нищимъ, сиротамъ и всякимъ скуднымъ людямъ онъ раздавалъ милостыню хлѣбомъ и деньгами. Бѣднымъ невѣстамъ давалъ на приданое и свадьбу по рублю и по два. Одна бѣдная дѣвица хотѣла постричься въ монахини и не имѣла средствъ уплатить вкладъ, требовавшійся при поступленіи въ монастырь: Никонъ внесъ за нее этотъ вкладъ въ размѣрѣ 17 рублей. Иногда бѣдные— «всякихъ чиновъ люди» исправляли у него разныя работы

¹ Тамъ же № 100, стр. 375—376. Ср. записи въ приходо-расходныхъ книгахъ Ф. м. за 1674 г. «Юня въ 20 день игумень Авонасей (и) келарь старецъ Паонотей з братією, приговоря на соборе, продали с конюшеннаго двора мерина новочищена вороново святѣйшему Никону патріарху. взято за него десять рублевъ. Въ 26 день продано ему ж(ъ) святѣйшему Никону патріарху два жеребчика пѣгне да кобылка, все три лонцаны (ср. мѣстное доселѣ употребляемое слово лонишный = прошлогодній), взято десять рублевъ». Ркп. л. 9.

² Шушеринъ, 49—50. Даже ожесточенные противники Никона признавали его выдающуюся щедрость, хотя, конечно, толковали ее по своему. «...Въ окно изъ палаты нищимъ деньги бросаетъ, пишетъ о немъ протопопъ Аввакумъ, ѣдучи по пути нищимъ золотые мечеть А міръ-отъ слѣпой хвалить: государь, такой-сякой, миленкой, не бывалъ такой отъ вѣка!.. Слово въ слово таковъ-то и антихристъ будетъ». См. П. С. Смирновъ. Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. Спб. 1896, стр. 27.

³ См. восемь заемныхъ росписокъ (кабалъ) въ описи его имущества въ 1676 г. Дѣло о п. Никонѣ № 106, стр. 897.

по хозяйству, и за это онъ кормилъ ихъ обѣдомъ особенно на Господскіе праздники ¹.

Кромѣ раздачи денегъ и хлѣба Никонъ, живя въ заточеніи, обратился къ новому способу благотворительности — леченію больныхъ. Приставу Шайсупову, царскимъ посламъ, а потомъ на допросѣ у слѣдователей онъ рассказывалъ о слѣдующемъ бывшемъ ему видѣніи; «явился ему Христосъ часто въ церквѣ тѣмъ образомъ какъ пишется на иконѣ и подаль ему благодать чаши лекарственной. «Отнято у тебя патріаршество, было сказано ему въ этомъ видѣніи, и тебѣ за то дана чаша лекарственная: лечи болящихъ» ². Никонъ еще до своего заточенія въ Терапонтовъ интересовался медициной. Въ 1658 году ученый монахъ Епифаній Славинецкій перевелъ для него «дохтурскую книгу» и за это получилъ отъ него 10 рублей ³. Живя въ Воскресенскомъ монастырѣ, патріархъ находился въ сношеніяхъ съ врачами иностранцами — «дохтуромъ Самойломъ и Томасомъ агличениномъ» и пользовался ихъ совѣтами ⁴.

Леченію своему Никонъ, какъ «врачъ духовный», придалъ религиозный характеръ. Пріѣзжавшихъ къ нему въ Терапонтовъ больныхъ келейникъ его дьяконъ Мардарій проводилъ въ крестовую келью, куда приносилъ кадило и свѣчи. Здѣсь патріархъ читалъ надъ болящими молитвы по потребнику, помазывалъ ихъ освященнымъ масломъ, кропилъ святою водою и давалъ разныя лекарства. Тотъ же Мардарій, исправлявшій у Никона должность казначея, покупалъ для него въ Москвѣ кромѣ масла деревяннаго и ладону роснаго, «скипидаръ, траву чечюй, цѣлибоху, траву зѣробойную, ношатырь, квасцы, купоросъ, канфару да камень безуй». Но Мардарій, какъ онъ послѣ самъ заявилъ на допросѣ, «не видалъ, какъ Никонъ тѣ травы спускалъ» т. е. приготовлялъ изъ нихъ лекарства ⁵).

¹ Тамъ же № 100, стр. 372.

² Дѣло о п. Никонѣ № 100, стр. 373; № 94, стр. 348.

³ Николаевскій, 110 прим. Въ библиотекѣ Никона были и другіе учебники. «Дохтурская книга» — это переводъ Анатоміи извѣстнаго Андрея Вессалия. См. Иконниковъ, 97.

⁴ Никонъ посылалъ къ Самойлу „травы добыты изъ аптеки чечюйныя... и какъ строятъ роспись взять“, Самойло посылалъ къ патріарху своего человека Томаса „съ бѣлою малиною, да съ разными сѣмены, да съ душистымъ деревомъ“. См. Гиббенетъ, ч. II, стр. 980.

⁵ Дѣло о п. Никонѣ № 100, стр. 377, 378.

Въ этомъ дѣлѣ помогали Никону другіе его старцы. Одинъ изъ такихъ помощниковъ Никона по леченію — старецъ Савинъ, научившись у Никона, послѣ самъ сталъ заниматься леченіемъ. Въ 1694 году онъ былъ привлеченъ къ допросу въ Преображенскій приказъ по обвиненію въ чародѣйствѣ и здѣсь, оправдываясь отъ обвиненій, далъ показанія, интересныя для насъ, поскольку они касаются жизни Никона въ Ферапонтовѣ и его лечебной практики.

Родомъ старецъ Савинъ былъ изъ костромскихъ мѣщанъ, назывался Семеномъ Галкинымъ. Однажды, возвращаясь съ богомоля изъ Соловецкаго монастыря, онъ по пути зашелъ въ Ферапонтовъ, гдѣ въ то время жилъ Никонъ, который знавалъ его раньше въ Воскресенскомъ монастырѣ. «И по тому знакомству, рассказывалъ Савинъ, будучи въ Ферапонтовѣ монастырѣ, святѣйшій патріархъ его постригъ для того, что онъ не былъ женатъ, и постригшись жилъ онъ у него, святѣйшаго патріарха, всего 9 лѣтъ, да у него же, св. патріарха, съ нимъ же Савинимъ жили черные дьяконы Питиримъ да Рувимъ. И живучи въ томъ Ферапонтовѣ монастырѣ, онъ, святѣйшій патріархъ, лечивалъ у многихъ людей всякія болѣзни по травнику и по лечебнику, а для того леченія пострѣлъ изъ разныхъ травъ и изъ кореня водки, а тѣ травы сбирывалъ, ѣздя съ нимъ Савинимъ, и съ вышеозначенными дьяконами, съ Питиримомъ и съ Рувимомъ, по рѣкамъ, озерамъ и по лѣсамъ, и по полямъ, и тому леченію онъ, святѣйшій патріархъ, научилъ и его, Савина, и для того леченія съ того лечебника и съ травника далъ имъ списывать, а ему, святѣйшему патріарху, тотъ лечебникъ и травникъ на римскомъ языкѣ вывезъ изъ Персиды и перевелъ на греческій, а съ греческаго на русскій языкъ, греченинъ, старецъ Мелетій». Послѣ взятія Никона «подъ карауль» въ Кирилловъ монастырь старецъ Савинъ ушелъ изъ Ферапонтова и, переходя по разнымъ монастырямъ, лечилъ всякихъ чиновъ людей отъ многихъ болѣзней «безъ наговоровъ и шептаній», а съ помощью лекарствъ и травъ, указанныхъ въ лечебникѣ, который списанъ имъ у патріарха. На этотъ-то лечебникъ старецъ Савинъ ссылался въ оправданіе страннаго способа леченія падучей болѣзни у малолѣтняго сына князя Хилкова посредствомъ закапыванья корней молодой березки въ землю, «чтобы та болѣзнь впредь не отпрыгнула». Предусмотрительный старецъ добавилъ при этомъ, что упомянутый лечебникъ сгорѣлъ вмѣстѣ

съ его кельей, и онъ «нигдѣ никого не лечить и отъ того всего отстать, потому что лечить стало не почему»¹.

Старцу Савину удалось прикрыться авторитетомъ сгорѣвшаго Никонова лечебника. Сомнительно однако, чтобы подобныя средства русской народной медицины, какъ лечение «березкой», находились въ лечебникѣ, переведенномъ съ греческаго. Самъ Никонъ, повидимому, былъ склоненъ слѣдовать

Видъ съ волоколкии Терапонтова монастыря на Бородавское озеро, гдѣ ловить рыбу опальный патріархъ Никонъ.

болѣе рациональной медициной. При осмотрѣ его келій въ 1676 году въ нихъ нашли много лекарствъ: «коренья и травы и водки и мази въ скляницахъ и въ кувшинахъ и въ пузыряхъ и въ ставикахъ и въ иныхъ разныхъ судахъ»². Нѣ-

¹ Г. Есиповъ. Люди стараго вѣка. Разказы изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцеляріи. Спб. 1880. „Березка и Корабликъ“, стр. 94—125.

² Дѣло о п. Никонѣ № 100, стр. 376.

которыхъ больныхъ Никонъ оставлялъ въ Терапонтовѣ на нѣсколько дней и даже на недѣлю «до исцѣленія». Въ 1673 году онъ просилъ игумена Аванасія дать особую келью для болящихъ, «гдѣ имъ пребывать и ему, Никону, къ нимъ приходитъ», но игумень отказалъ ему въ этой просьбѣ¹.

Между тѣмъ слухъ о томъ, что опальный патріархъ съ успѣхомъ исцѣляетъ отъ всѣхъ болѣзней, успѣлъ широко распространиться въ народѣ. И вотъ со всѣхъ сторонъ потянулся въ Терапонтовъ монастырь бѣдный страдающій людъ, привлеченный молвой о добромъ цѣлителѣ. Приходили и пріѣзжали сюда не только изъ Бѣлозерскаго края, но и изъ другихъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ: Вологды, Новгорода, Заонежья, Ярославля, Костромы, Твери, Москвы. Патріарха осаждали цѣлыя толпы болящихъ съ просьбами о помощи. Подъ окнами его келій стояло иногда человѣкъ сорокъ и болѣе больныхъ разнаго возраста и полу. Разнообразны были болѣзни, на которыя жаловались эти больные: одни изъ нихъ страдали падучей, другіе страхованіемъ отъ демоновъ, иные разслабленіемъ. Встрѣчались также болѣзни: «черная, галичская, волосатикъ, трясовица и гнетеница», слѣпота, кровотеченія, килы, запоры, зубная боль, «зыбашникъ» у младенцевъ и пр. Никонъ старался помочь каждому, какъ могъ: читалъ молитвы, мазалъ священнымъ масломъ, давалъ разныя лекарства. «И онъ по тому явленію и по благодати неисчерпаемой чаши лекарства исцѣлялъ. И отъ того ево лекарства Богъ отъ болѣзни многихъ людей избавлялъ», говорилъ онъ своимъ судьямъ на допросѣ².

О своихъ запятіяхъ леченіемъ Никонъ писалъ царю Алексію Михайловичу и даже послалъ ему «ропись что онъ излечилъ мужеска полу и женска и дѣвокъ многое число». Эта роспись хранится теперь въ государственномъ архивѣ³. Записи объ исцѣленіяхъ, совершенныхъ Никономъ въ Терапонтовѣ монастырѣ извѣстны въ нѣсколькихъ спискахъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Дѣла святѣйшаго Никона патріарха, паче же рѣщи чудеса врачевная, яже содѣлающе живъ сый, бѣ во изгнаніи въ Терапонтовѣ и Кирилловѣ монастыряхъ»⁴.

¹ Донесеніе пристава Шайсупова. См. Николаевскій, 54.

² Дѣло о п. Никонѣ № 100, стр. 373.

³ См. Николаевскій, 109.

⁴ Записи эти изданы г. Бѣлокуровымъ въ „Чтеніяхъ Имп. Общ. Исторіи и Древностей“ за 1887 г. кн. I.

Въ этихъ записяхъ обозначено: откуда происходилъ исцѣленный, какой болѣзнью страдалъ и когда исцѣлился ¹. Записи начинаются съ 1673 года (записано только 4 случая) и оканчиваются 1676. Всѣхъ исцѣленныхъ записано здѣсь 132 человѣка: изъ нихъ 68 мужчинъ, 53 женщины и 11 младенцевъ. Большинство исцѣленныхъ принадлежало къ крестьянскому сословію, но были между ними лица духовнаго званія (даже два священника), дворяне и боярскіе дѣти, купцы и посадскіе люди.

Врагамъ Никона, конечно, не по сердцу была эта дѣятельность опальнаго патріарха, привлекавшая къ нему сочувствіе народа, и они, какъ увидимъ ниже, при первой же возможности постѣснились прекратить ее, не постѣснившись прибѣгнуть къ наглому лжи и низкой клеветѣ, чтобы опорочить доброе имя ненавистнаго имъ патріарха.

V.

„Приспѣло, государь, время къ его, монаха Никона, древней старости и къ скорбямъ“.

Изъ донесенія царю представана Шайсупова.

„Милостивый, милостивый, милостивый, великій государь, сотвори Господа ради со мною милость, не вели Кириллова монастыря старцамъ меня заморить“.

Изъ письма къ царю п. Никона.

Патріархъ Никонъ даже въ наиболѣе суровыя времена своего заточенія не переставалъ называть себя патріархомъ, пострадавшимъ за Слово Божіе и св. Церковь. Со времени же облегченія своей участи въ 1672 году и до конца своего пребыванія въ Өерапонтовѣ онѣ, конечно, еще менѣе былъ склоненъ ми-

¹ Вотъ для примѣра одна такая записъ: „(184 года) генваря въ 20 день. Бѣлозерскаго уѣзду с устья Шексны рѣки Кириллова монастыря села Великоселья христіанитъ (крестьянинъ) Тарасій Юсифовъ болѣвъ былъ трысавицею, роспухъ что бочка; молитвы говорены, сталъ здравъ“.

риться съ положеніемъ ссыльнаго монаха. Онъ смотрѣлъ на себя какъ на патріарха, жившаго на покоѣ, и согласно этому взгляду (котораго, повидимому, держался и самъ царь Алексѣй Михайловичъ) онъ хотѣлъ создать вокругъ себя обстановку, приличную его высокому сану, хотѣлъ жить на широкую ногу, какъ подобало бывшему патріарху, а не простому «старцу». Расширеніе круга его дѣятельности, занятія благотворительностью, леченіемъ больныхъ, хозяйствомъ, увеличеніе числа свиты и рабочихъ — все это требовало лишнихъ расходовъ и естественно вызывало съ его стороны новые увеличенные запросы за свое содержаніе. Вотъ почему, не смотря на облегченіе участи патріарха съ лѣта 1672 года, мы видимъ его въ постоянныхъ хлопотахъ и жалобахъ на разныя нужды и недостатки своего содержанія. Но уже во многихъ его просьбахъ и жалобныхъ посланіяхъ государю слышится немощь старца, удрученнаго годами, болѣзнями и суровыми превратностями судьбы.

Царь Алексѣй Михайловичъ, приказавъ облегчить участь Никона, томившагося въ строгомъ заключеніи до весны 1672 года, хотѣлъ также, чтобы улучшены были обстановка и содержаніе опальнаго патріарха. Онъ распорядился, чтобы запасы на содержаніе Никона, его свиты и стражи доставлялись изъ пяти окрестныхъ монастырей. Такимъ образомъ, кромѣ Кириллобѣлозерскаго монастыря къ расходамъ на содержаніе опальнаго патріарха были привлечены еще монастыри Новозерскій, Троицкій, что на устьѣ Шексны (упраздненъ въ 1764 г.) и два вологодскихъ монастыря: Спасокаменный и Прилуцкій. При наступившей тогда скудости и всеобщемъ обѣдненіи монастыри тяготились этой новой возложенной на нихъ повинностью и иногда даже отказывались высылать припасы въ Оеропонтовъ, отговариваясь бѣдностью. Кириллобѣлозерскій монастырь, какъ самый богатый и притомъ ближайшій къ Оеропонтову, чаще другихъ посылалъ запасы Никону, но и онъ доставлялъ ихъ не всегда своевременно и въ достаточномъ количествѣ. Вслѣд-

„Изъ Суждана Покровскаго девичья монастыря вотчины Бѣлозерскаго уѣзду села Ухтомы крестьянина Семена Емельянова жена Дарья Артемьева дочь больна была тридцать пять лѣтъ галицкою болѣзнію, всякими голасы кричала: молитвы говорены и елѣмъ святымъ помазана, здравъ стала“. Тамъ же стр. 98, 99.

ствіе неоднократныхъ жалобъ Никона и донесеній пристава Шайсупова государь въ апрѣлѣ 1673 года послалъ въ Оерапонтѣ своего стряпчаго Косьму Абрамовича Лопухина для того, чтобы на мѣстѣ провѣрить справедливость жалобъ патріарха и собрать справки о расходахъ, какіе были сдѣланы на его содержаніе. Лопухинъ исполнилъ это порученіе, причемъ игумень еерапонтскій Аоанасій представилъ ему счетъ расходовъ своего монастыря на содержаніе Никона съ 21 декабря 1666 года. Никонъ уже только послѣ отъѣзда Лопухина узналъ, какія записи далъ ему игумень. Онъ тотчасъ заявилъ приставу, что эти записи совсѣмъ невѣрны, что въ нихъ расходы показаны вдвое и втрое больше настоящихъ. Въ маѣ объ этомъ заявленіи было доложено государю. Игумень испугался и, чувствуя за собой много другихъ грѣшковъ въ управленіи монастырскимъ хозяйствомъ, отказался отъ игуменства, а на его мѣсто былъ выбранъ другой по имени тоже Аоанасій. При сдачѣ ему монастыря была произведена подробная опись всего монастырскаго имущества, результаты которой оказались не совсѣмъ благопріятны для бывшего игумена¹. Никонъ, съ своей стороны, возмущенный несправедливымъ поступкомъ игумена, съ неумолимой настойчивостью продолжалъ раскрывать его злоупотребленія. 18 іюля онъ пришелъ въ монастырскую трапезу и здѣсь въ присутствіи обоихъ игуменовъ, бывшего и настоящаго, и всей братіи подаль приставу челобитную на имя государя, которую тутъ же велѣлъ прочитать. Въ ней онъ подробно описывалъ злоупотребленія бывшего игумена и, ссылаясь на записи пристава доказывалъ, какъ много лишняго насчиталъ на него въ своихъ записяхъ игумень Аоанасій. Изобличенный игумень тутъ же при всѣхъ просилъ прощенія у патріарха и во многомъ винилъ казначея и прислужниковъ. Приставъ началъ производить слѣдствіе по дѣлу о всѣхъ этихъ злоупотребленіяхъ. Расходившійся патріархъ припомнилъ тутъ о своихъ «немалыхъ» запасахъ,

¹ См. П. О. Николаевскій, 58. Опись была сдѣлана 17 іюня строителемъ Кириллова монастыря Исаею по указу архіепископа вологодскаго Симона. Экземпляръ ея сохранился въ архивѣ Кириллобѣлозерскаго монастыря (№ 108 по нумераціи Н. П. Успенскаго) и, по нашему мнѣнію, заслуживалъ бы изданія въ качествѣ церковно-археологическаго матеріала.

оставленныхъ имъ въ Оерапонтовѣ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ въ 1652 году возвращался изъ Соловковъ съ мощами св. Филиппа. Въ своей челобитной на имя государя Никонъ не шутя требоваль, чтобы допросили бывшего игумена, куда онъ подѣваль эти запасы. Не предвидя себѣ ничего добраго, Аонасій однажды ночью бѣжалъ изъ Оерапонтова, а въ слѣдующую ночь его примѣру послѣдоваль житенный старецъ Іовъ, также замѣченный въ злоупотребленіяхъ. Оерапонтовскіе монахи подали государю челобитную на бѣжавшаго игумена, въ которой обвиняли его и келаря Макарія Злобина въ растратѣ монастырскаго имущества и раззореніи монастыря. Злополучный игуменъ, скрываясь отъ розысковъ, пропаль безъ вѣсти.

Въ это время Никонъ, положившій начало раскрытію злоупотребленій, продолжалъ писать государю челобитныя одну за другою, защищаль въ нихъ интересы Пверскаго и Оерапонтова монастыря, писалъ о разныхъ своихъ нуждахъ. «Пришли и яблочковъ, пишеть между прочимъ старый патріархъ царю въ одной своей челобитной, сколько Господь возвѣститъ тебѣ, а я того благословенія Божія седьмой годъ не ѣдаль, потому что здѣсь они не родятся, да и купить негдѣ и не на что: я все прежнее жалованье твое роздалъ по заповѣди Божіей немущимъ, да и въ память царевича Алексѣя Алексѣевича мнѣ милостыни не было, сотвори ее мнѣ»¹.

Государь внимательно относился ко всѣмъ заявленіямъ и просьбамъ Никона и видимо старался удовлетворить нуждамъ и желаніямъ престарѣлаго патріарха, хотя нѣкоторыя его просьбы долженъ былъ оставить безъ исполненія. 18 ноября 1673 года онъ снова прислаль въ Оерапонтовъ того же Косьму Лопухина. По порученію царя, Лопухинъ величаль Никона «святымъ и великимъ отцомъ», справиль ему поклонъ отъ всѣхъ лицъ царскаго семейства поименно и поднесъ патріарху присланныя ими подарки. Царь и царица Наталья Кирилловна послали ему для рожденія царевича Петра Алексѣевича неприсланныя въ свое время гостинцы — древо сахарное, ковришку на орелъ², хлѣбецъ черный а также заупокой-

¹ Николевскій, 62.

² Коврижки съ орлами (гербами), лѣтныя сахарныя фигуры и разныя

ную милостыню по царевичъ Алексѣѣ 200 рублей: отъ царевны Натальи Алексѣевны прислано было: 200 рублей денегъ, ковришка сахарная, ковришка пряничная, хлѣбецъ черный. Не забыты были и яблочки, о которыхъ писалъ патриархъ: царскій посоль поднесъ ему отъ царя и царицы по 10 арбузовъ тамбовскихъ и бѣлгородскихъ и по 600 яблоковъ изъ нѣжинскихъ и московскихъ садовъ. Вмѣстѣ съ этими подарками

Колокольня, соборная церковь Рождества Пр. Богородицы и церковь пр. Мартина въ Терапонтовѣ монастырѣ.

сласти были въ старину необходимою принадлежностью царскихъ родивныхъ столовъ и тѣмъ знатымъ лицамъ, которые почему-либо не могли быть на пиру, присылались на домъ. См. И. Е. Забѣлинъ. Опыты изучения русскихъ древностей, ч. I, стр. 5—6. Такъ какъ эти издѣлія тогдашняго кондитерскаго искусства могли при пересылкѣ ихъ въ Терапонтовъ наломаться и зачерствѣть, то ихъ вѣдно было приготовить предъ самымъ Терапонтовымъ монастыремъ, не доѣжая версты 5—6. Для этого посланъ былъ изъ Москвы особый поварь со всѣми необходимыми принадлежностями. отпущеннымъ изъ аптекарскаго приказа Николаевскій, 63.

Лопухинъ привезъ Никону роспись запасовъ, которые по указу государя ежегодно должны были доставляться на содержаніе Никона и его свиты изъ бѣлозерскихъ и вологодскихъ монастырей. Годовые запасы были назначены въ такомъ изобиліи, что самъ Никонъ нашель, что нѣкоторыхъ запасовъ «преизлишне написано» и, переговора съ посломъ, сократилъ ихъ количество въ иныхъ случаяхъ на треть и даже на половину, вставивъ вмѣсто того въ роспись нѣкоторые пропущенные въ ней припасы ¹.

Никонъ особымъ письмомъ благодарилъ царя за милость. Но зная по опыту неисправность и упорство монастырскихъ властей, онъ не возлагалъ большихъ надеждъ на присланную царемъ роспись годовыхъ запасовъ. «Чаю мѣста будетъ велика въ монастыряхъ о тѣхъ запасахъ, писалъ онъ государю; и въ прошлыхъ годахъ велѣно давать мнѣ изъ монастырей, но они давали малые запасы и то съ великими брюзгами, а въ выписи писали впятеро, всдесятеро во сто и тысячу разъ больше, оболгали меня тебѣ, великому государю». Дѣйствительно, новая роспись, хотя и представляла большой шагъ впередъ въ дѣлѣ обезпеченія опальнаго патріарха, но не устранила на дѣлѣ многихъ затрудненій въ его содержаніи. Натянутыя отношенія патріарха и монастырскихъ властей уже тогда были на лицо, а при такихъ отношеніяхъ доставка припасовъ натурой неизбежно давала поводъ къ взаимнымъ недоразумѣніямъ и неудовольствіямъ. Только впоследствии, по обоюдному желанію какъ патріарха, такъ и монаховъ, правительство пришло къ мысли обложить монастыри опредѣленнымъ денежнымъ оброкомъ на содержаніе патріарха. Но плодами этой слишкомъ поздно проведенной мѣры не пришлось

¹ См. эту роспись у Соловьева, XI, 472 прим. Велѣно было давать въ годъ, между прочимъ, 15 ведеръ вина церковнаго, 10 ведеръ романел, 10 ведеръ реискаго, 10 пудъ патоки на медь, 30 пудъ меду сырцу, 20 ведеръ малины на медь, 10 ведеръ вишенъ на медь и разныхъ състныхъ запасовъ въ большомъ количествѣ. напр. рыбы разнаго рода, пкры 30 пудовъ, по 50 п. масла коноплянаго и коровьяго, 100 п. соли, 10.000 яицъ, чесноку, грибовъ, рѣпы по 10 четвертей, 300 лимоновъ и мн. др. Значительно убавивъ количество нѣкоторыхъ припасовъ, Никонъ включилъ въ роспись слѣдующіе припасы: 4 п. воску, ¹/₂ п. ладону, 1 пудъ семги, 6 четв. сметковъ, 20 п. хмѣлю, 150 судаковъ и язей, 500 свѣчей сальничъ.

уже воспользоваться Никону. До самого конца пребыванія своего въ Оерапонтовѣ патріархъ велъ упорную, иногда мелочную борьбу чаще всего съ монахами Кириллова монастыря, обвиняя ихъ въ намѣренномъ пренебреженіи къ его требованіямъ и несправной доставкѣ припасовъ.

Патріархъ Никонъ, какъ извѣстно, былъ чрезвычайно взыскателенъ и не терпѣлъ несправности даже въ мелочахъ — это свойство онъ сохранилъ и въ заточеніи. Непоправившіеся ему припасы онъ безъ церемоніи отсылалъ назадъ, жалуюсь потомъ государю, что за непригодностью ихъ онъ принужденъ покупать другіе на свой счетъ. Особенно не легко было угодить требовательному патріарху въ выборѣ людей для домашнихъ работъ, что также лежало на обязанности монастырей. Между тѣмъ присылаемые монастырями служки какъ на зло оказывались или неумѣющими или негодными людьми. Вотъ для примѣра довольно характерный случай въ этомъ родѣ. Въ февралѣ 1675 года царскимъ указомъ велѣно было дать Никону изъ Спасоприлуцкаго монастыря «повара добраго». Оттуда прислали Ваську Ильина, который оказался никуда негоднымъ поваромъ: «не умѣетъ ничего сварить и даже рыбы чистить». Никонъ продержалъ его до 29 марта и отправилъ назадъ, требуя прислать новаго повара, именно, Ивашку Евтиѣева или Ваську Агаонова. Присланный на этотъ разъ поваръ оказался знающимъ, но, проживъ полгода, былъ уличенъ въ воровствѣ, наказанъ батогами и отправленъ обратно въ Прилуцкій монастырь съ требованіемъ дать новаго повара «добраго, а не вора». Монастырскія власти прислали извѣстнаго уже Никону Ваську Ильина. Патріархъ, наконецъ, началъ уже сердиться и въ январѣ 1676 года писалъ въ монастырь, чтобы прислали повара «добраго цѣломудреннаго, а не безумнаго». «А будетъ не пришлете, грозилъ патріархъ, нарощнаго гонца пошлемъ къ Москвѣ да съ нимъ и повара безумнаго для ради подлиннаго свидѣтельства и въ томъ вамъ впредь будетъ каяться». Но угроза, повидимому, мало подѣйствовала: вновь присланный поваръ Васька Измайловъ оказался большимъ падучей болѣзнью и Никонъ, заявивъ, что такому человѣку въ поварахъ быть не пристойно, требовалъ себѣ повара добраго здороваго, именно Ивашку Евтиѣева. Однако монастырскія власти прислали въ февралѣ не его, а Моську Семенова, который тоже не могъ угодить патріарху

и, проживъ около двухъ недѣль, сбѣжалъ изъ Оерапонтова въ свой монастырь. Власти тотчасъ же вернули его обратно, но патріархъ его не принялъ «за его плутовство и неумѣвство» и велѣлъ учинить ему наказаніе и отпустить обратно. Такимъ образомъ, всѣ четыре повара, присланные монастыремъ въ теченіи одного года, оказались негодными. Эта исторія съ поварами кончилась тѣмъ, что патріархъ написалъ монастырскимъ властямъ: если они сами не могутъ нанять повара, который бы умѣлъ ѣствы варить и рыбу чистить, то пусть присылаютъ вмѣсто того наемныя деньги «по полтинѣ на мѣсяцъ да хлѣба, по осминѣ ржи да по сѣмипѣ овса». Власти согласились на это и тотчасъ прислали въ Оерапонтовъ деньги на наемъ повара 6 рублей на цѣлый годъ, обѣщаясь высылать и хлѣбные запасы¹. Никонъ требовалъ также изъ монастырей, согласно указу, рабочихъ для разныхъ работъ: для возки бревенъ, для сѣнокосу, для отправки судовъ въ Архангельскъ за покупками и пр. Всѣхъ этихъ людей монастыри должны были нанимать сами и содержать на свой счетъ.

Неумолимо требовательный къ монахамъ бѣлозерскихъ и вологодскихъ монастырей, которыхъ онъ постоянно упрекалъ въ неисправности и упорствѣ, патріархъ иначе относился къ Оерапонтову монастырю, гдѣ онъ жилъ. Эта небогатая обитель не въ примѣръ прочимъ монастырямъ несла неизбѣжные и обременительные для нея расходы вслѣдствіе пребыванія въ ней опальнаго патріарха со свитой и стрѣльцами. Но главная тяжесть для нея заключалась въ доставкѣ подводъ для нуждъ патріарха и пристава, для отправленія въ Москву отписокъ, а иногда арестованныхъ лицъ. По словамъ самого Никона, «на монастырскихъ и крестьянскихъ подводахъ постоянно гонцы гоняютъ и по городамъ для нашихъ покупокъ и по монастырямъ для нашихъ запасовъ на оерапонтовскихъ подводахъ безпрестанно ѣздить и для твоей приказной избы и караула и нашихъ келей и пристава и сотникова стоялыхъ дворовъ и стрѣлецкихъ стоялыхъ избъ и монастырскаго оби-

¹ См. „Вологодскія Еп. Вѣдомости“ 1867 г. № 4 прибавл. стр. 100—119. „Нѣчто для біографіи п. Никона“ на основаніи документовъ изъ архива Спасоприлуцкаго монастыря (сообщеніе Н. И. Суворова).

Опальный патриархъ Никонъ въ Воскресенскомъ монастырѣ.
Съ картины академика Шварца въ Третьяковской галлерей въ Москвѣ).

хода берутъ всякія подводы» ¹. Монахи оерапонтовскіе ворчали: «шестой годъ ихъ раззоряютъ и имъ отъ того раззоренія придется изъ монастыря идти вонъ». Никонъ замѣчалъ эту несправедливость въ излишнемъ обремененіи монастыря сравнительно съ другими болѣе богатыми монастырями и со своей стороны старался облегчить его положеніе. Такъ онъ далъ монастырю вкладъ въ 500 рублей на содержаніе жившихъ у него старцевъ, отдавалъ въ монастырскую трапезу запасы, оставшіеся у него за обиходомъ, какъ заявили потомъ сами монахи ², ссужалъ казначея деньгами въ трудныя времена ³. Въ то же время онъ хлопоталъ предъ царемъ объ освобожденіи монастыря отъ нѣкоторыхъ государственныхъ повинностей, напр. отъ доставки 256 подводъ для отправленія казеннаго хлѣба въ Москву, отъ доставки работниковъ на бѣлозерскій рыбный дворъ, жалуюсь при этомъ на бѣлозерскихъ воеводъ. Наконецъ, Никонъ сталъ просто запрещать приставу Шайсупову брать оерапонтовскихъ людей и лошадей для отсылки отписокъ, приказывая требовать ихъ съ другихъ монастырей. Въ 1675 году съ Оерапонтова монастыря стали требовать доимочныхъ денегъ на жалованье ратнымъ людямъ 283 рубля 23 алтына 2 деньги. Никонъ тотчасъ написалъ государю челобитную о нуждахъ и бѣдности монастыря и послалъ въ уплату монастырскаго долга своихъ 200 рублей изъ царской жалованной милостыни. Но эти деньги тогда же были возвращены Никону обратно ⁴.

Жизнѣ въ Оерапонтовѣ монастырѣ, патріархъ Никонъ со своими монахами и многочисленнымъ штатомъ прислуги образовалъ въ немъ какъ бы свой особый монастырь, въ которомъ былъ полновластнымъ настоятелемъ. Въ послѣдніе годы его пребыванія въ Оерапонтовѣ у него было не меньше 10 человекъ братіи, а число служекъ и работниковъ увеличилось до 25—28 человекъ. Монахи исполняли у него разныя должности: іеродіаконъ Мардарій былъ казначеемъ, іеромонахъ Варлаамъ — духовникомъ ⁵, одни ежедневно отправляли для

¹ Николаевскій, 56.

² Тамъ же, 61, 66.

³ Приходорасходныя кн. О. м. за 1673 — 74 г. (рк.). См. очеркъ „Оерапонтовъ монастырь“ „Странникъ“ 1898, ноябрь, стр. 478 прим. и отд. отпискъ стр. 95 прим.

⁴ Николаевскій, стр. 56, 70, 72, 83.

⁵ См. Шушеринъ. 88: „вже послѣди бысть ему духовникъ“ Соб-

него богослуженіе въ крестовой кельѣ или Богоявленской церкви, другихъ — онъ посмалъ съ разными порученіями. Монаховъ и служекъ своихъ патріархъ держалъ строго и потачки имъ не давалъ. Иеромонаха Палладія, какъ уже выше было сказано, онъ велѣлъ прогнать изъ монастыря «дубьемъ» за переговоры и смуту. Строго преслѣдовалъ онъ среди своихъ монаховъ всякую неисправность и особенно пьянство. неумолимымъ врагомъ котораго онъ былъ и во времена своего патріаршества. Въ іюнѣ 1672 года келейный старецъ его Якимъ былъ посланъ имъ подъ село Бородаву на рѣку Шексну для наблюденія за работниками, которые ловили тамъ рыбу, красную и бѣлую, на его обиходъ. Старецъ Якимъ, какъ видно, не прочь былъ зашибиться хмѣльнымъ, и эта слабость привела его къ бѣдѣ. Кирилловскій служка Тихонъ Волковъ, остановившійся здѣсь проѣздомъ, оказался для слабаго старца демономъ-искусителемъ. Онъ «искусомъ» заповилъ старца виномъ» до пьяна, а ловцамъ велѣлъ ловить рыбу на себя. Нѣсколько времени пировалъ онъ здѣсь съ захмѣлѣвшимъ старцемъ, при чемъ «двукратно» приказалъ про себя «стола готовить» изъ лучшей рыбы—стерлядей, лещей и язей, а уѣзжая взялъ съ собою стерлядь въ аршинъ, 8 стерлядей поменьше и 20 язей. Никонъ, узнавъ объ этомъ нахальномъ поступкѣ кирилловскаго служки, тотчасъ приказывалъ кирилловскимъ властямъ, чтобы они всю рыбу, взятую Волковымъ, прислали къ нему живою, и дали на него «оборону», чтобы впредь старцамъ и служкамъ кирилловскимъ было неповадно брать рыбу изъ его тоней, въ случаѣ же неисполненія своего требованія грозилъ пожаловаться великому государю. Старецъ Якимъ также поплатился за свою слабость: строгій патріархъ «велѣлъ учинить ему за его неистовство жестокое наказаніе»¹. Въ тѣ суровыя времена тѣлесныя наказанія — смиреніе плетями и батогами были самымъ обыкновеннымъ средствомъ въ рукахъ монастырскихъ настоятелей, которые иначе не могли справляться съ грубымъ и невоздержнымъ нравомъ нѣкоторыхъ пасомыхъ.

ственно духовникомъ Никона былъ назначенъ кирилловскій архимандритъ Никита, но въ послѣдніе годы онъ, по словамъ Никона, пересталъ къ нему ѣздить. Дѣло о п. Никонѣ № 100, стр. 373.

¹ Чт. О. Ист. 158, 159.

Много хлопотъ причинилъ Никону тотъ самый монахъ серебрякъ Іона, который вырѣзывалъ ему надписи на крестахъ и утвари. Искусный мастеръ своего дѣла, онъ былъ въ тоже время горькимъ пьяницей и къ тому же отличался сварливымъ неуживчивымъ нравомъ. Строгость патріарха не въ силахъ была обуздать его несчастной привычки къ гьянству и сплетнямъ. Тайкомъ отъ патріарха онъ часто ходилъ къ приставу, который подпоивъ его виномъ, охотно выслушивалъ отъ пьянаго монаха всякія сплетни о своемъ патріархѣ, который подчасъ былъ тяжелъ и для самого пристава. Однажды сильно угостившись у пристава, онъ вернулся къ себѣ въ гьяномъ видѣ, здѣсь нагрубилъ патріарху и учинилъ даже буйство, начавъ колотить окружающихъ ¹. Патріархъ хотѣлъ за это сослать его на смиреніе въ пекарню, но онъ совсѣмъ ушелъ изъ монастыря сначала къ приставу, а потомъ въ Москву. Желая отмстить строгому патріарху, Іона дорогою по разнымъ городамъ и монастырямъ разглашалъ всюду о надписяхъ, которыя онъ вырѣзывалъ въ Ферапонтовѣ по приказанію Никона и одну изъ нихъ даже захватилъ съ собою. Утверждая, что Никонъ «самовольно затѣваетъ, будто онъ терпитъ въ заточеніи за слово Божіе», онъ въ черныхъ краскахъ изображалъ жизнь опальнаго патріарха въ заточеніи. И какого только вздору не болталъ мстительный монахъ о своемъ бывшемъ патріархѣ, благо находились охотники слушать его вздорную болтовню. На воображеніе суевѣрныхъ раскольниковъ особенно сильно дѣйствовалъ рассказъ Іоны о томъ, какъ Никонъ бесѣдовалъ съ дьяволомъ на устроенномъ имъ каменномъ островѣ. Часто вечеромъ по закатѣ солнца, рассказывалъ Іона, Никонъ выѣзжалъ на лодкѣ къ этому острову. Здѣсь волшебными заклинаніями онъ вызывалъ діавола, который выходилъ къ нему въ образѣ страшнаго змія. Никонъ обнималъ змія и цѣловалъ, потомъ по обычаю спрашивалъ и узнавалъ отъ него, что говорятъ въ пародѣ о немъ, Никонѣ ². Клеветы Іоны, подхваченныя врагами Никона, принесли потомъ большой вредъ опальному

¹ Шушеринъ, 89. „и въ нѣкое убо время по обычаю своему упився у приставника и учини досажденіе велие святѣйшему патріарху и братіи онымъ досадительнымъ и пещскимъ своимъ бреханіемъ, овыхъ же дерзновеніемъ рукъ своихъ оскорби“.

² П. С. Смирновъ. Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. СПб. 1898, стр. СХІV, 21.

патріарху. Шушеринъ называетъ Іону «вторымъ Іудой» и сообщаетъ, что онъ погибъ ужасной смертью: въ городѣ Переяславлѣ онъ зашелъ на винокурню, и напившись здѣсь до-пьяна, упалъ въ большой котель съ кипящей водою и тамъ сварился.

Съ увеличеніемъ свиты и штата прислуги прежнія кельи Никона стали ему тѣсны и онъ еще съ весны 1673 года началъ хлопотать о постройкѣ ему новыхъ келій подлѣ Бого-явленской церкви. Не одинъ разъ повторялъ онъ эту просьбу: въ одной челобитной онъ указывалъ, между прочимъ, на непріятное сосѣдство его теперешнихъ келій съ братской поварней: «а изъ той поварни зимою и лѣтомъ всегда помои и всякое скаредіе льютъ къ той кельи, и отъ того зимою и лѣтомъ великой смрадъ бываетъ» ¹. Наконецъ въ апрѣлѣ 1674 года Косьма Лопухинъ привезъ въ Оерапонтовъ указъ о постройкѣ патріарху новыхъ келій на счетъ бѣлозерскихъ и вологодскихъ монастырей. Велѣно было построить для Никона жилья кельи а также «служебную, поваренную и приспѣшню съ сѣнями на погребахъ и съ сушиломъ въ одной связи, да два хлѣбные амбара». Оерапонтовскій игумень съ братіей, по желанію Никона, подрядились строить всѣ эти зданія, взявъ съ монастырей подрядной платы 672 рубля 26 алтынъ 4 деньги ². Бревна для постройки возили изъ Жалобинскаго лѣсу крестьяне Кириллова монастыря ³. Плотники работали кирилловскіе подъ наблюденіемъ нарядчиковъ и монастырскихъ слугъ и вологодскіе подъ наблюденіемъ келаря Спасоприлуцкаго монастыря. Патріархъ, имѣвшій страсть къ постройкамъ и много на своемъ вѣку построившій, самъ слѣдилъ за работой. Замѣтивъ что-нибудь неладное, онъ тотчасъ же приказывалъ ломать и дѣлать вновь сообразно своему требовательному вкусу. Эти передѣлки, конечно, задерживали ходъ работы и не нравились строившимъ. Всѣ втайнѣ жаловались и роптали, но никто не смѣлъ перечить строгому патріарху. Спасоприлуцкій келарь, жившій тогда въ Оерапонтовѣ для наблюденія за рабочими, писалъ своему архимандриту, что онъ

¹ Николаевскій, 69.

² Дѣло о п. Никонѣ № 109 стр. 408.

³ Сообщение Н. П. Успенскаго на основаніи документовъ въ архивѣ Кириллобѣлозерскаго монастыря.

и его люди живутъ въ кручинѣ, а житью своему не вѣдаютъ конца, что указу отъ патріарха не могутъ добиться (т. е. насчетъ того, какъ нужно строить), что прилуцкимъ плотникамъ «отнюдь не управить по его мыслѣ», что Кирилловскихъ плотниковъ забито человекъ съ 60 и они всѣ мученики—пятую недѣлю дѣлаютъ, а семи рядовъ не могутъ сдѣлать: прїѣзжалъ самъ Кирилловскій архимандритъ Никита и билъ челомъ—ино ничто нейметъ»¹. Никонъ жаловался потомъ государю, что кирилловскіе плотники недостроивъ ушли.

Постройка закончилась только къ концу слѣдующаго года: въ сентябрѣ кельи вчернѣ были готовы—«я кельи ему, Никону монаху, и анбаръ у келей ево построили, какъ ему годно». Уже по суммѣ денегъ, собранной съ монастырей на постройку этихъ келій (672 рубля), весьма значительной по тогдашнему времени, когда московскій рубль равнялся 17 нынѣшнимъ рублямъ, можно судить о величинѣ и просторѣ новыхъ помѣщеній оерапонтовскаго заточника. Это были большія хоромы съ крыльцами и переходами, рѣзко отличавшіяся отъ скромныхъ построекъ монастыря. Внѣшній видъ этихъ келій приставъ Одруровъ (въ 1676 году) описывалъ слѣдующимъ образомъ: «у Никона монаха построены кельи многіе, житей съ дватцать пять; а изъ тѣхъ келей подѣланы сходы и всходы и окна большіе въ монастырь и за монастырь. Да у него же сдѣланы переходы по монастырской стѣнѣ, черезъ сушильные палаты, къ церквамъ, что на святыхъ воротѣхъ, на тридцети саженьяхъ: а по тѣмъ переходамъ подѣланы окна большіе же на монастырь и за монастырь»². Особенно внушительный видъ должна была имѣть тридцатисаженная галерея съ окнами, соединявшая кельи Никона съ Богоявленской церковью. Жилыя кельи имѣли 13 оконъ большихъ и 10 волоковыхъ.

Внутреннее устройство этихъ хоромъ также стоило не малыхъ хлопотъ Никону. Въ октябрѣ 1675 года онъ призывалъ къ себѣ настоятелей четырехъ окрестныхъ монастырей для доподлинной смѣты и досмотру келій, что еще нужно сдѣлать для ихъ окончательнаго устройства. По смѣтѣ требовалось

¹ Вологодскія Еп. Вѣд. № 1867, № 4, стр. 119.

² Дѣло о п. Никонѣ № 94, стр. 349. Мѣсто этихъ келій Никона въ настоящее время трудно указать съ точностью. См. объ этомъ очеркъ „Оерапонтовъ монастырь“ „Странникъ“ 1898, декабрь, стр. 693, 694 в отд. оттискъ стр. 115, 116.

еще расходовъ на 73 р. 12 алт 4 деньги ¹. По небрежности монастырей дѣло и тутъ замедлилось. Особенно долго почему-то не дѣлали въ кельяхъ печей. Между тѣмъ въ старыхъ кельяхъ печи и трубы были разломаны еще весной, и Никонъ заявлялъ настоятелямъ, что онъ съ братіею «все на холоду и помирають холодною смертью» ². О постройкѣ печей онъ не одинъ разъ писалъ и государю: «Господа ради вели печи сдѣлать, а не велишь, братія разбредутся розно, и я останусь одинъ. Охъ, увы мнѣ, что буду!» ³.

Такимъ образомъ, устройство обстановки и обезпеченіе своего содержанія стоило опальному патриарху большихъ хлопотъ. Недостаточно было выхлопотать указъ государя объ удовлетвореніи той или другой нужды. И по полученіи указа часто приходилось бороться съ упрямствомъ, косностью, а подчасъ и недобросовѣстностью монаховъ, недовольныхъ излишними расходами, съ небрежностью и неумѣньемъ лицъ, исполнявшихъ его работы. Вообще можно сказать, что опальный патриархъ самъ завоевалъ свое обезпеченное положеніе, будучи обязанъ имъ, сколько благосклонности государя, столько же и самому себѣ, своему неугомонному праву и неутомимой энергіи, съ какою онъ преслѣдовалъ всякую небрежность и злоупотребленіе въ отношеніи къ себѣ. Въ этомъ отношеніи Никонъ заточникъ напоминаетъ Никона—администратора по настойчивости въ достиженіи цѣлей и неутомимой защитѣ того, что онъ считалъ своимъ законнымъ правомъ. Эта борьба за свое положеніе, неизбежно переходившая иногда въ мелочные споры и пререканія, вполне соответствовала практическому складу характера Никона. Но она, наконецъ, стала утомлять его. Съ лѣтами развились въ опальномъ патриархѣ старческаая мнительность и недовольство окружающимъ. Старый патриархъ испыталъ на своемъ вѣку слишкомъ много тяжелыхъ душевныхъ волненій, которыя, быть можетъ, оказались бы даже не подъ силу иной менѣе могучей натурѣ. Безпощадная травля враговъ, подстроившихъ разрывъ его съ царемъ, добившихся его низложенія и не перестававшихъ вредить ему даже въ ссылкѣ, естественно повліяла на его характеръ неблагоприятнымъ

¹ „Вол. Еп. Вѣд.“ стр. 116.

² Тамъ же 115.

³ Николаевскій 82, 86.

образомъ, сдѣлала его мнительнымъ и усилила свойственную ему и прежде раздражительность. Столкновѣнія съ окружающими становятся чаще и принимаютъ болѣе рѣзкій характеръ. Еще въ первые годы своего заточенія Никонъ, привыкшій властвовать, не особенно чинился съ своимъ приставомъ дворяниномъ Наумовымъ и не стѣснялся при случаѣ честить его нелестными эпитетами — «вора, лихоимца и дневнаго разбойника». Новый приставъ князь Шайсуповъ не стѣснялъ свободы Никона, исключая первыхъ мѣсяцевъ по своему прїѣздѣ, и потому патріархъ долгое время не имѣлъ повода ссориться съ нимъ. Князь, жившій съ женою въ особомъ домѣ, выстроенномъ для него за монастыремъ, иногда приглашалъ къ себѣ патріарха и однажды напр. зазвалъ его къ себѣ, когда тотъ шелъ на озеро ловить рыбу. Но поводы къ взаимному неудовольствію не замедлили явиться, такъ какъ Никонъ посыпалъ свои требованія монастырямъ чрезъ пристава, и пристава первому приходилось выслушивать претензіи и гнѣвныя жалобы требовательнаго патріарха.

Въ началѣ 1674 года бывшій патріархъ уже рѣшительно поссорился съ своимъ приставомъ, такъ что послѣдній счелъ нужнымъ донести объ этомъ государю. Поводъ къ ссорѣ, по словамъ пристава, былъ слѣдующій. 16 апрѣля въ великій четвергъ Никонъ пошелъ было къ обѣднѣ въ соборную монастырскую церковь Рождества Богородицы. По обычаю пошли провожать его стрѣльцы. Стрѣлецкій караулъ, какъ сами царскіе послы объяснили Никону, былъ данъ ему «не для утѣшенія, а для береженія», а потому патріархъ имѣлъ нѣкоторое основаніе смотрѣть на него какъ на свой почетный караулъ. Сопровождая Никона какъ бы для почета, стрѣльцы обыкновенно ходили впереди патріарха, а не позади его ¹. На этотъ разъ они почему-то (и, можно думать, не слу-

¹ Примемъ, что еще въ 1663 году, когда опальный патріархъ жилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, стрѣльцы Савина монастыря, представленные къ нему «для обереганья», во время его выходовъ въ церковь шли впереди его «съ батожками противъ царскаго чину». Бояре, присланные къ Никону, не безъ злорадства объявили ему тогда, отъ имени царя, что «дѣлать такъ ему не довелось» и велѣли перемѣнить стрѣльцовъ. Никонъ отвѣчалъ, что онъ стрѣльцовъ «съ батожками предъ собою ходить не заставлявалъ, а ходили они передъ нимъ собою, почитая его архіерейство». Гиббенетъ II, 626.

чайно), змінили своєму обмк-новенію: только двое стрѣльцовъ пошли впереди патріарха, а другіе шестеро съ сотникомъ пошли сзади. Патріархъ тотчасъ же замѣтилъ измѣненіе обычнаго порядка и заключилъ, что это сдѣлано не спроста. Въ тогдaшнее время всѣмъ мелочамъ этикета, которыя теперь кажутся намъ странными, придавалось большое значеніе. Нервный патріархъ тотчасъ обидѣлся, совсѣмъ разстроился и «не дойдя до папертнаго рундука», вернулся къ себѣ въ келью, заявивъ, что онъ «за приставствомъ въ церковь идти не хочетъ». Въ случившейся неприємности онъ винилъ пристава, хотя его и не было на лицо во время этой сцены. Когда князь Шайсуповъ въ день Пасхи пришелъ поздравить патріарха съ праздникомъ и похристосоваться съ нимъ, то Никонъ его не принялъ и выслалъ къ нему своего іеродьякона Мардарія сказать, зачѣмъ онъ его, Никона, въ великій четвергъ отъ причастія отлучилъ. Приставъ объяснялъ Мардарію, что неприємность патріарху случилась безъ его вѣдома, что о выходѣ патріарха къ обѣднѣ онъ не былъ извѣщенъ и находился въ то время у обѣдни въ Благовѣщенской церкви, гдѣ приобщался. Но патріархъ не удовлетворился этими объ-

Кирилло-Бѣлозерскій монастирь (видъ съ Сиверскаго озера).

ясненіями «и съ того времени, писалъ приставъ, Никонъ, яко отъ огня съ кручины разгорѣлся и видѣться со мною и хрстосоваться не похотѣлъ» и не пускалъ къ себѣ двѣ недѣли ¹. Все чаще и чаще повторяются недоразумѣнія Никона съ приставомъ, который со своей стороны жаловался на него государю, сталъ держать сторону кирилловскихъ монаховъ въ ихъ пререканіяхъ съ Никономъ, принималъ у себя и подпайвалъ Никонова монаха Іону, выслушивая у него разныя сплетни о тяжеломъ и непокладистомъ патріархѣ. Никонъ сердился на пристава и иногда не видался съ нимъ по цѣлому году «за напраснымъ гнѣвомъ и за ссорами», какъ доносилъ приставъ государю, а сношенія съ нимъ велъ чрезъ келейныхъ своихъ людей и монастырскихъ служекъ. Недовольный неприяностями своей службы въ Оераснентовѣ приставъ просилъ государя уволить его оттуда, потому что ему здѣсь «для береженія Никона быть не мочно». Никонъ съ своей стороны тоже писалъ царю о перемѣнѣ пристава: «умилосердись надо мною грѣшнымъ и надъ приставомъ Самойломъ, вели перемѣнить его; онъ со всякія нужды помираетъ да и меня уморилъ, потому что никто ни въ чемъ его не слушаетъ» ².

Кромѣ недоразумѣній и столкновеій, происходившихъ у стараго патріарха съ окружающими его лицами, были и другія причины, поддерживавшія въ немъ тревожное настроеніе. До него время отъ времени доходили слухи о торжествѣ враждебной ему партіи, его бывшіе противники и недоброжелатели одинъ за другимъ возводились на патріаршій престолъ. Такъ послѣ смерти патріарха Іоасафа на его мѣсто въ іюлѣ 1672 года возведенъ былъ Питиримъ, одинъ изъ дѣятельныхъ виновниковъ низложенія Никона. Впрочемъ, онъ пробылъ на каедрѣ менѣе года († 19 апр. 1673). Послѣ его смерти патріаршій престолъ по невыясненнымъ доселѣ причинамъ оставался не занятымъ болѣе года. Въ концѣ іюля 1674 года патріархомъ московскимъ сдѣланъ былъ новгородскій митрополитъ Іоакимъ. Старый патріархъ имѣлъ причины встревожиться этимъ извѣстіемъ. Іоакимъ принадлежалъ къ числу давнихъ недоброжелателей патріарха Никона, хотя ему

¹ Николаевскій. 78.

² Тамъ же, 87.

именно обязанъ былъ началомъ своей карьеры. Поставленный Никономъ въ строители Валдайскаго Иверскаго монастыря, онъ послѣ удаленія Никона съ патриаршаго престола, примкнулъ къ партіи его враговъ, сдѣланъ былъ чудовскимъ архимандритомъ и былъ дѣятельнымъ пособникомъ царя и бояръ въ дѣлѣ низложенія Никона ¹. Отъ новаго патриарха Никонъ не могъ ожидать себѣ добра. Дѣйствительно, съ вступленіемъ Іоакима на патриаршій престолъ началась перемѣна въ отношеніяхъ правительства къ еерапонтовскому заточнику, который въ отвѣтъ на свои просьбы и жалобы не рѣдко получаетъ теперь выговоры. Такъ въ январѣ 1675 года былъ посланъ въ Еерапонтовъ тотъ же Лопухинъ съ выговорами Никону, зачѣмъ онъ держитъ у себя лишнихъ людей въ кельяхъ и на службахъ, отъ того рождается молва и разные переговоры, и съ упреками за излишнюю требовательность къ кирилловскимъ монахамъ, согласно ихъ жалобамъ. Лопухину кромѣ того, поручено было „тайно осмотрѣть и на чертежъ начертить“ строеніе, начатое Никономъ ². Никону, конечно, было непріятно выслушивать выговоры и замѣчанія, хотя царь со своей стороны смягчилъ ихъ присылкою ему денежной милостыни, церковной утвари и порученіемъ Лопухину составить новую роспись нѣкоторыхъ запасовъ и служебныхъ людей, которыхъ должны были доставлять патриарху окрестные монастыри.

Уже въ этихъ выговорахъ Никонъ могъ чувствовать неблагоприятное вліяніе на свою судьбу враждебной ему партіи во главѣ съ новымъ патриархомъ. Но патриархъ Іоакимъ тогда же прямо обнаружилъ свое неблагоприятное отношеніе къ опальному патриарху. Въ это же время Лопухинъ привезъ отъ него наказъ кирилловскому архимандриту Никитѣ вызвать въ Кирилловъ изъ Еерапонтова монастыря игумена, келаря, казна-

¹ „Быль онъ у меня, писалъ Никонъ царю объ Іоакимѣ въ 1671 г., въ Воскресенскомъ и въ Иверскомъ монастыряхъ строителемъ долгое время и не считанъ, а какъ захотѣлъ я его счтать, то онъ ушелъ въ Москву, добрыми людьми тебѣ одобренъ и ты началъ жаловать его знать“. Соловьевъ, XI, 885. Въ 1673 году Никонъ просилъ государя о томъ, чтобы „новгородскому митрополиту (которымъ былъ тогда Іоакимъ) Иверскаго монастыря не вѣдать“, въ виду расхищенія монастырской казны и имущества. Николаевскій 62.

² Соловьевъ, XI, 470, Николаевскій 77, 78.

чая, конюшаго и нарочитыхъ первыхъ старцевъ человекъ съ 10 и подвергнуть ихъ строгому допросу, зачѣмъ они монаха Никона въ разговорахъ и отпискахъ называютъ святѣйшимъ патріархомъ⁴. Архимандритъ Никита, получивъ этотъ наказъ, послалъ въ Оерапонтовъ службу Андрея Гостинщикова съ отпискою къ властямъ, въ которой вызывалъ ихъ къ себѣ на допросъ. Игумень оерапонтовскій съ казначеемъ и конюшимъ испугались и не зная, что дѣлать, пришли съ этой отпискою къ Никону. Узнавъ въ чемъ дѣло, опальный патріархъ закипѣлъ негодованіемъ; при завѣдомо милостивомъ отношеніи къ себѣ государя, который приказывалъ посламъ величать Никона святымъ и великимъ отцемъ, онъ не могъ объяснить приказа патріарха Іоакима иначе какъ личной враждой къ себѣ. Горькое чувство обиды съ новой силой подступило къ его наболѣвшему сердцу. Въ раздраженіи онъ послалъ сказать пристава, чтобы не пускалъ игумена съ братіей въ Кирилловъ для допросу. Подозвавъ за тѣмъ подъ окно своей кельи Андрюшку Гостинщикова, расходившійся патріархъ жестоко разбилъ неповиннаго служку, грамоту Іоакима назвалъ «воровскою», потому что Оерапонтовъ монастырь приказано вѣдать въ приказѣ великаго государя тайныхъ дѣлъ, а не патріарху, а самого Іоакима называлъ «патріаршишкомъ и своимъ чернецомъ и чернонедушнымъ». Въ заключеніе разгнѣванный Никонъ приказалъ стрѣльцамъ, стоявшимъ у окна съ дубинами, бить Андрюшку. Тотъ хотѣлъ было записать въ свидѣтели бывшихъ тутъ лицъ, но стрѣльцы отбили его отъ келій Никона. Вся эта сцена разыгралась въ присутствіи толпы больныхъ (не менѣе 40 человекъ), собравшихся къ Никону изъ разныхъ волостей для леченія.

Но оерапонтовскіе монахи всетаки, хотя и не въ тотъ же день, явились въ Кирилловъ, были подвергнуты здѣсь допросу порознь и «со всякимъ пристрастіемъ» и наконецъ выслушали строгій указъ Іоакима, запрещавшій впредь называть Никона патріархомъ¹. Отвѣты допрошенныхъ лицъ за ихъ подписью были отправлены въ Москву къ патріарху, причемъ кирилловскія власти донесли Іоакиму и о томъ, что монахъ Никонъ говорилъ про него «неистовыя слова» и даже прислали къ нему упомянутаго служку Гостинщикова². Патріархъ Іоакимъ

¹ См. этотъ указъ въ Акт. Арх. Эксп. IV, № 201.

² Чт. Общ. Ист. 164, 165.

самъ по себѣ, конечно, не простилъ бы опальному патриарху его раздражительной выходки. Но Алексѣй Михайловичъ заступился за своего бывшего друга, и дѣло, грозившее неприятными послѣдствіями для Никона, было замято. Царь Алексѣй Михайловичъ до конца своей жизни былъ добрымъ покровителемъ стараго патриарха, сдерживавшимъ намѣренія его враговъ, которымъ хотѣлось построже расправиться съ Никономъ. Напротивъ, онъ старается успокоить разстроеннаго патриарха и устранить въ окружающей его обстановкѣ поводы къ его волненіямъ и раздражительности. Въ мартѣ того же 1675 года была послана въ Терапонтовъ особая коммиссія, состоявшая изъ думнаго дьяка и трехъ подьячихъ, для собранія новыхъ справокъ по вопросу о содержаніи опальнаго патриарха. Предполагалось перевести его содержаніе на деньги и нужное количество денегъ разложить на окрестные монастыри соотвѣтственно числу крестьянскихъ дворовъ cadaго. Эта мѣра одинаково была желательна какъ для Никона, такъ и для монаховъ и, если бы она была примѣнена съ самаго начала, то это устранило бы поводъ къ взаимнымъ пререканіямъ. Но еще прошелъ почти цѣлый годъ, пока въ Москвѣ разрабатывали и разсматривали новую смѣту на содержаніе патриарха. За это время пререканія между Никономъ и Кирилловымъ монастыремъ не только не прекратились, но даже усилились. Послѣ того, какъ Іоакимъ сдѣлался патриархомъ, кирилловскіе монахи, повидимому, стали болѣе смѣлы въ борьбѣ съ Никономъ и не стѣснялись при случаѣ отвѣчать на его требованія дерзостями. Такъ въ отвѣтъ на требованія Никона относительно начатой имъ постройки дворецкій Кириллова монастыря отпустилъ такую фразу: „что онъ съ Кирилловымъ монастыремъ заѣдается? Кому онъ хоромы строить? чертямъ что-ли въ нихъ жить? Впечатлительный Никонъ былъ глубоко оскорбленъ этой грубостью и пожаловался на нее государю. «Не вели, государь, Кирилловскому архимандриту съ братьею въ мою кельишку чертей напускать! Того же вечера (когда дворецкій сказалъ неосторожное слово) птица, невѣдомо откуда взявшись, яко вранъ черна пролетѣла сквозь кельи во всѣ двери и исчезла, невѣдомо куда, и въ ту ночь демоны не дали мнѣ уснуть, одѣялишко съ меня дважды сволочили долой и бѣды всякія неподобныя многія творили»¹. До Никона доходили

¹ Соловьевъ, XI, 891.

иногда насмѣшки и пересуды о немъ кирилловскихъ монаховъ. «Кушаетъ вашъ батька насъ», говорили кирилловскіе монахи еерапонтовскимъ. «Я благодатию Божіею не челоувѣкоядецъ», пишетъ обиженный Никонъ царю. Въ другой разъ онъ жалуется царю на насмѣшки кирилловскихъ монаховъ, будто онъ у нихъ въ монастырѣ всѣхъ коровъ пріѣлъ¹. При своей старческой мнительности, Никонъ, наконецъ, не могъ равнодушно видѣть опротивѣвшихъ ему кирилловскихъ монаховъ и служекъ: они стали казаться ему бѣсовскимъ навожденіемъ. «По многіе дни, пишетъ онъ царю, великія бѣды бѣсы мнѣ творили, являясь овогда служками кирилловскими, овогда старцами, грозяся всякими злобами и въ окна теперь пако-стятъ, овогда звѣрьми страшными являются грозяся, овогда птицами нечистыми».

Въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Оерапонтовѣ Никонъ усиленно жалуется государю на неисправность Кириллова монастыря въ доставкѣ ему припасовъ. «Кирилловъ монастырь, богатъ, пишетъ онъ царю въ апрѣлѣ 1675 года, а столовыхъ запасовъ не посылаетъ, грибовъ и прислали, только такихъ скаредныхъ и съ мухоморами, что и свиньи ихъ не стануть ѣсть, вмѣсто осетровъ прислали чалбыши и то сухой, только голова да хвостъ, хмѣль съ листомъ, что и въ квасъ класть не годится»². Отдѣливши небольшую часть присланныхъ запасовъ, Никонъ тутъ же ихъ запечаталъ и отправилъ въ Москву съ чернымъ дьякономъ Мардаріемъ для подлиннаго свидѣтельства. Въ іюнѣ онъ снова пишетъ челобитную государю, что ему изъ Кириллова десятый мѣсяць столовыхъ запасовъ не присылаютъ: «помилуй меня богомольца своего не вели, государь, меня гладною смертию уморить, вели, государь, свой милостивый указъ учинить, чѣмъ мнѣ бѣдному безмятежно питатися; десятый мѣсяць гладною смертію помираемъ: купить ненашто, а взять негдѣ, и чтобъ мнѣ богомольцу твоему для ради моей бѣдности къ Господу Богу моленія на ты не сотворить»³.

Кирилловскія власти старались оправдаться предъ государемъ, обвиняя Никона въ чрезмѣрной требовательности.

¹ Николаевскій, 86.

² Соловьевъ, XI, 471, Николаевскій, 82.

³ Николаевскій, 84.

Никонъ опровергаетъ челобитныя Кирилловскихъ властей, заявляя, что за неприсылкою припасовъ ему приходится покупать ихъ на государево жалованье. «Бьютъ тебѣ челомъ Кириллова монастыря старцы, будто посылаютъ они на Украину покупать для меня вишни и то тебѣ буди вѣдомо, что ни одна мнѣ отъ нихъ по се число не бывала вишня... Они бьютъ тебѣ челомъ, что отъ меня Кирилловъ монастырь разоряется, но мнѣ разорять его нечѣмъ: я мало могу и ходить отъ старости»¹. Въ декабрѣ Никонъ снова доносилъ государю объ упорствѣ Кирилловскихъ властей, которые будто бы заявляли его старцамъ, что «безъ братскаго приговора они не смѣютъ давать ему, Никону, никакихъ запасовъ, а братія давать не велѣтъ». Среди Кирилловскихъ монаховъ Никонъ указывалъ на двухъ зачинщиковъ: Корнилія Затворникова и Іосифа Собакина: «они то и бунтуютъ»².

Государь по-прежнему снисходительно относился ко всѣмъ жалобамъ престарѣлаго патріарха, стараясь успокоить его болѣзненную раздражительность. Между тѣмъ смѣта на содержаніе Никона была разсмотрѣна и утверждена правительствомъ. 26 января 1676 года государь послалъ къ Никону Косьму Лопухина съ милостивымъ указомъ, которымъ повелѣвалось брать на его содержаніе вмѣсто столовыхъ запасовъ, сѣна и дровъ, деньгами ежегодно 839 рублей съ девяти монастырей³. Государь велѣлъ при этомъ сказать, что если положенныхъ денегъ окажется мало, то онъ будетъ присы-

¹ Соловьевъ XI, 474.

² Дѣло о патріархѣ Никонѣ № 91. Кирилловскій архимандритъ Никита, по словамъ Никона, говорилъ такъ же его старцамъ, „что де Никонъ къ великому государю ни пишетъ, и у нихъ Кирилловскихъ про то про все есть вѣдомость“. Патріархъ Іоаннъ въ январѣ 1676 г. поручилъ архимандриту Прилуцкаго монастыря Исаи допросить Кирилловскихъ властей по этой жалобѣ Никона. Последніе на допросѣ показывали, что никому такихъ рѣчей они не говорили и никакого бунту не было, а монахи Никонъ гнѣвались на нихъ за то, что они «сверхъ великаго государя улазу и росписей, по опискамъ его, потребъ давать и многого хоромнаго строенія строятъ у него не учали». См. Дѣло о патріархѣ Никонѣ № 92.

³ См. Соловьевъ. XI, 475. Съ Кириллова было положено брать 819 рублей, съ Прилуцкаго 108, Каменнаго 88, Устьшексинскаго 94, Новозерскаго 61, Никитскаго и Благовѣщенскаго по 81, Корнильева 55 Павлова 54.

латъ по 100 рублей изъ своей казны, только-бъ у него съ монастырей запросовъ больше того не было. Лопухинъ поднесъ Никону милостыню и подарки отъ царя и царскаго семейства. Царь послалъ 100 рублей денегъ, царица — мѣхъ соболій и мѣхъ бѣличій хребтовый, 10 полотентъ, 15 полотенецъ, царевичи — 100 рублей денегъ. Послано было также рыбы, шкры и разныхъ сластей.

Никонъ могъ теперь спокойно жить въ Оерапонтовѣ, обнаженный милостью къ нему царя, при полномъ и даже роскошномъ матеріальномъ обезпеченіи. Но вслѣдъ за минутной радостью беспощадная судьба готовила опальному патріарху новый жестокий ударъ.

VI.

„На блаженнаго Никона наки диаволь бурю вооставляетъ чрезъ свое орудіе — злыхъ человѣкъ“.

Ш у ш е р и н ъ.

Старый патріархъ находился подъ радостнымъ впечатлѣніемъ отъ только что объявленной ему царской милости. Но не успѣлъ еще уѣхать изъ Оерапонтова царскій посоль Косьма Лопухинъ, какъ туда прибылъ другой посоль изъ Москвы — братъ Косьмы Θεодоръ Абрамовичъ Лопухинъ ¹. Печальную новость сообщилъ патріарху этотъ вѣстникъ: «благочестивѣйшій царь Алексѣй Михайловичъ преставился отъ сего свѣта къ вѣчному блаженству» († 29 января 1676 года) ². Заплакалъ старый патріархъ при неожиданномъ извѣстіи о смерти царя, много чувствъ и воспоминаній пробудило оно въ его душѣ; но вскорѣ онъ поборолъ смущеніе и, глубоко

¹ Будущій тестъ Петра Великаго, отецъ первой его супруги Евдокии Θεодоровны.

² Въ своей такъ называемой духовной грамотѣ, которая по тогдашнему обычаю читалась при погребеніи, царь Алексѣй Михайловичъ писалъ: „отъ отца моего духовнаго великаго господина святѣйшаго Никона іерарха и блаженнаго пастыря — и аще и не есть нынѣ на престолѣ — прощенья прошу и разрѣшенія“. Нужно однако замѣтить, что подлинность этой грамоты подвергается сомнѣнію учеными исследователями. См. у Иконникова, 87.

вдохнувь, сказалъ: «да будетъ воля Господня! хотя царь здѣсь (на землѣ) не получилъ прощенія съ нами, но мы будемъ судиться съ нимъ въ страшное прішествіе Господне». Посоль, согласно данному порученію, сталъ просить Никона дать письменное разрѣшеніе почившему государю. Но Никонъ, отожествлявшій свое дѣло съ интересами церкви, не могъ простить своего униженія, которое, дѣйствительно, причинило большой вредъ русской церкви. Своимъ отказомъ дать прощеніе покойному государю Никонъ, очевидно, рисковалъ навлечь на себя новыя бѣды, но онъ и тутъ не хотѣлъ по-

„Кузнечная“ башня и южная часть стѣны Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

ступиться своими убѣжденіями. «Подражая учителю своему Христу, твердо отвѣчалъ Никонъ на просьбы посла, по сказанному въ св. Евангеліи: оставляйте и оставится вамъ, и я говорю: Богъ его проститъ, а на письмѣ прощенія не учиню, такъ какъ онъ при жизни своей не освободилъ насъ изъ заточенія». Молиться о душѣ покойнаго государя Никонъ, конечно, не отказался и милостыню на поминъ его души (100 рублей денегъ и мѣхъ песцовый черный) отъ посла принялъ¹.

¹ Шушеринъ, 91.

Царь Алексѣй Михайловичъ, въ глубинѣ души сознававшій себя отчасти виновнымъ въ паденіи Никона, до конца своей жизни покровительствовалъ опальному патріарху и не любилъ даже, когда въ его присутствіи вспоминали о проступкахъ, за которые Никонъ подвергся соборному изложению¹. Со смертію его обстоятельства для Никона измѣнились къ худшему. На престолъ вступилъ двадцатилѣтній сынъ царя Алексѣя — Ѳеодоръ Алексѣевичъ, отъ природы слабый и болѣзненный. При немъ тотчасъ забрали силу его родственники по матери Милославскіе и съ ними бояринъ Хитрово — алѣйшіе враги Никона. Нарышкины и бояринъ Матвѣевъ, давній другъ Никона, были удалены отъ двора и отправлены въ ссылку. Смерть царя Алексѣя Михайловича развязала руки и патріарху Іоакиму, давно ожидавшему случая расправиться съ нелюбимыми имъ духовными особами, которымъ покровительствовалъ покойный царь. Прежде всего пострадалъ царскій духовникъ протопопъ Андрей Савиновъ, который принадлежалъ къ сторонникамъ опальнаго Никона и служилъ посредникомъ при передачѣ царю его писемъ и челобитныхъ, привозимыхъ изъ Ѳерапонтова дьякономъ Мардаріемъ. Съ патріархомъ Іоакимомъ онъ находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Іоакимъ еще при жизни царя хотѣлъ погубить ненавистнаго протопопа, обвиняя его въ безнравственной жизни и неуваженіи къ нему, патріарху, но не имѣлъ успѣха. На похоронахъ царя между ними произошло новое столкновение, но защищать духовника теперь было некому. 14 марта 1676 года патріархъ созвалъ соборъ и осудилъ протопопа за разныя вины къ лишенію сана и ссылкѣ въ Кожезерскій монастырь.

Любопытно, что Іоакимъ, между прочимъ, обвинялъ духовника въ томъ, что онъ «вражду положилъ между нимъ, патріархомъ, и царемъ и привелъ царя на то, что не хотѣлъ ходить въ соборную церковь и къ нашему благословенію»². Это заявленіе Іоакима имѣетъ значеніе для характеристики отношеній его къ опальному патріарху Никону. Замѣчая въ царѣ явное нерасположеніе къ себѣ на ряду съ милостивымъ

1 Свѣд. П. Смирновъ. Іоакимъ патріархъ Московскій. Москва. 1881, стр. 52.

2 См. Соловьевъ, XIII, стр. 244.

отношеніемъ къ прежнему «собинному» другу — опальному Никону, Іоакимъ, ревниво оберегавшій свою власть, естественно долженъ былъ встревожиться и смотрѣть на Никона, какъ на соперника, который при случаѣ можетъ быть опаснымъ. Ему памятно было, какъ упрямый Никонъ отнесся къ его запрещенію называться патріархомъ, и уже за одно это онъ не могъ оставить его въ покоѣ.

И дѣйствительно, въ то время какъ восторжествовавшая придворная партія по своему раздѣлывалась съ нелюбыми ей лицами, скоро дошла очередь и до стараго патріарха, жившаго въ своемъ заточеніи. Прежде всего нашли нужнымъ смѣнить прежняго пристава Шайсупова. 29 марта 1676 года на его мѣсто былъ посланъ новый приставъ Иванъ Ивановъ Одоуровъ, которому данъ былъ наказъ строже наблюдать за Никономъ. Одоуровъ сразу же стѣснилъ свободу Никона, запретилъ ему и его монахамъ свободный выходъ изъ келлій, поставивъ кругомъ караулъ изъ стрѣльцовъ. Въ донесеніи своемъ въ Москву (18 апрѣля) онъ описывалъ внѣшній видъ келлій Никона, совсѣмъ не похожихъ на кельи ссыльнаго монаха, и говорилъ, что «стрѣльцовъ съ нимъ послано мало и въ такомъ великомъ мѣстѣ карауловъ тѣми стрѣльцы обнять невозможно». Постороннимъ лицамъ былъ снова запрещенъ доступъ къ Никону, и онъ долженъ былъ теперь прекратить свои занятія леченіемъ больныхъ. Словомъ, для Никона какъ бы вернулись первые годы суроваго заточенія ¹.

Но его ожидали еще новыя непріятности. Еще до пріѣзда Одоурова, возмущенный грязными сплетнями по поводу своей благотворительности, онъ подалъ Шайсупову челобитную на распространявшаго эти сплетни служку Игнатія Башковскаго и заявляя, что знаетъ за нимъ слово и дѣло государево, требовалъ, чтобы взяли Игнатія на допросъ въ Москву вмѣстѣ съ его дворовой женщиной Киликейкой. Въ своей челобитной Никонъ по обыкновенію подписался патріархомъ. 13 апрѣля эта челобитная была доложена молодому государю съ его совѣтниками боярами, а потомъ сообщена Іоакиму, которому было особенно непріятно, что Никонъ не смотря на его запрещеніе, по прежнему продолжаетъ писаться патріархомъ. Требуя вызова Башковскаго въ Москву, Никонъ надѣялся,

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 94, стр. 849; № 100, стр. 872.

что нелѣпость его сплетень обнаружится на допросѣ. Но онъ весьма ошибался въ этомъ случаѣ и поступилъ довольно опре-метчиво. Дѣло попало въ руки его недоброжелателей, кото-рымъ не было расчета заботиться о его добромъ имени. На-противъ, они рады были слушать всякія сплетни о Никонѣ и старались не подавить, а еще болѣе раздуть ихъ. Башков-скій на допросѣ рассказывалъ, будто одинъ крестьянинъ умеръ отъ лекарства Никона (добавивъ потомъ, что отъ его лекарства «помирали многіе, а никого не объявилось, чтобъ излечились») доносилъ также, что Никонъ стрѣляетъ изъ пи-щали и изъ кельи застрѣлилъ птицу баклана, что къ нему пріѣзжали въ гости родственники изъ Курмыша ¹.

Всѣ эти показанія давали врагамъ Никона поводъ воз-будить дѣло о его жизни въ заточеніи. Осудить его имъ теперь было не трудно, стоило только побольше собрать всякихъ слуховъ и сплетень о жизни Никона въ Оерапон-товѣ. За этимъ дѣло не стало: Никонъ и въ заточеніи за свой строгій и тяжелый характеръ пріобрѣлъ себѣ недобро-желателей, которые при возникшей надобности могли доста-вить цѣлый ворохъ всякихъ былей и небылицъ о жизни опального патріарха въ Оерапонтовѣ. Притянули къ допросу бывшего тогда въ Москвѣ пристава Шайсупова: «зачѣмъ онъ ево, Никона монаха, попустилъ такія вольности чинить», о которыхъ рассказывалъ Игнатій. Шайсуповъ далъ письменное показаніе за своею подписью. Мы уже видѣли, что отноше-нія между нимъ и опальнымъ патріархомъ стали подъ конецъ далеко не дружелюбными. Вызванный къ допросу хитрый князекъ татарскаго роду смекнулъ, куда дуетъ вѣтеръ, и въ своихъ показаніяхъ черными красками изобразилъ жизнь Никона въ заточеніи. Онъ объяснилъ, что Никонъ его ни въ чемъ не слушалъ и никому слушать его, князь Самойла, не велѣлъ, приказывалъ называть себя патріархомъ, ставилъ кресты съ надписями о своемъ заточеніи. Ссылаясь на слова сотника Андрея Есипова, бывшій приставъ рассказывалъ, что Никонъ, дѣйствительно, стрѣлялъ въ птицу баклана изъ своей кельи «и тое птицу обранилъ и велѣлъ у нее крылье и голову и ноги обѣчь за то что она поѣдала у него рыбу», что осердясь приказывалъ бить провинившихся людей палками

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 94, стр. 344.

и плетью Шайсуповъ разсказывалъ также о леченіи Никономъ больныхъ, о раздачѣ бѣднымъ милостыни. но при этомъ не удержался отъ гнусныхъ клеветъ на престарѣлаго патріарха, обвиняя его на основаніи слышанныхъ сплетенъ въ нетрезвой и нечистой жизни ¹.

Между тѣмъ и въ Оеропонтовѣ стало всемъ ясно, что отношеніе правительства къ Никону круто измѣнилось и что на Москвѣ теперь охотно повѣряютъ всемъ обвиненіямъ на Никона. Люди, желавшіе отомстить Никону, не замедлили воспользоваться благоприятнымъ случаемъ. Оеропонтовскій служба

Видъ галлерей во второмъ ярусѣ крѣпостной стѣны Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

Ивашко Кривозубъ, незадолго передъ тѣмъ жестоко наказанный «за воровство» по приказу Никона и общему приговору монастырскихъ властей, явился теперь въ Москву съ извѣтомъ на Никона. Онъ доносилъ, что Никонъ однажды въ монастырскій праздникъ Рождества Богородицы не принялъ къ себѣ въ келью иконы, гдѣ на поляхъ были написаны пр. Оеропонтъ и Мартиніанъ, говоря, «что за мужики напи-

¹ Тамъ же, 345—348, 350.

самы» и приказывая ихъ сскрестъ»; что по смерти государя онъ напивался пьянъ и приказывалъ бить служекъ и крестьянъ, причеиъ сильно пострадалъ и самъ избѣтчикъ, будто бы избитый стрѣльцами и келейниками замертво; что въ Пасху и другіе праздники игуменъ со всѣми монахами и служками приходять къ нему на поклонъ и онъ даетъ имъ цѣловать руку; что, распоряжаясь всѣмъ самовластно, онъ учинилъ у себя приказъ и губу; что, наконецъ, отъ его лекарства умерла крестьянская дѣвица.

Въ это же время извѣстный уже намъ Іона Серебрякъ, неоднократно подвергавшійся отъ Никона «смиренію» за пьянство, объявилъ за собою дѣло государево и былъ отправленъ приставомъ въ Москву. На допросѣ онъ обвинилъ бывшаго патріарха въ томъ, что тотъ живетъ не жо-монашески, въ церковь ходитъ мало, за государя и патріарха Бога не молить и своимъ священникамъ не велить, а себя велить поминать патріархомъ московскимъ, «государево жалованье, присланное къ нему, ни во что ставить и ногами топчетъ и всякими неистовыми словами великаго государя злословить, о чемъ и поммыслить страшно». Послѣднее обвиненіе было явнымъ преувеличеніемъ: извѣстно, что Никонъ только въ началѣ заточенія рѣзко обнаруживалъ свое недовольство царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, потомъ же отчасти примирился съ нимъ и сталъ принимать его присылки.

Но всего этого показалось мало. Изъ приказа тайныхъ дѣлъ извлечено было прежнее, казалось бы, уже оконченное дѣло по обвиненію Никона въ сношеніяхъ съ казаками и Стенькою Разинымъ. Врагамъ Никона было понятно, что политическое обвиненіе, хотя бы и не доказанное, скорѣе всего можетъ отягчить судьбу Никона.

Такимъ образомъ матеріаль для обвиненія Никона былъ набранъ въ достаточномъ количествѣ. Правда матеріаль этотъ былъ ненадежный и непровѣренный, но объ этомъ немного заботились. Патріархъ Іоакимъ приказалъ на основаніи собранныхъ обвиненій составить докладъ по дѣлу о Никонѣ и представилъ его на соборъ, состоявшійся въ Духовъ день 14 мая 1676 года въ присутствіи царя и бояръ ¹. На соборѣ этомъ безъ суда и слѣдствія порѣшили перевести Никона изъ Оеро-

¹ См. П. О. Николаевскій, 93.

понта монастыря въ Кирилловъ и держать его тамъ подъ строгимъ надзоромъ «для того что онъ жилъ въ Оерапонтовѣ монастырѣ своевольно въ небреженіи о душѣ своей». Для исполненія этого приговора рѣшено было послать въ Оерапонтовъ чудовскаго архимандрита Павла и думнаго дворянина Ивана Желябужскаго съ дьякомъ Семеномъ Румянцевымъ. Имъ данъ былъ подробный наказъ, точно опредѣлявшій, что они должны были говорить Никону и какъ поступить съ нимъ и его имуществомъ. Въ наказѣ все до мелочей предусмотрѣно было заранѣе, даже то напр., въ какихъ кельяхъ помѣстить Никона въ Кирилловѣ монастырѣ. Слѣдователямъ велѣно было допросить Никона по всѣмъ пунктамъ ввѣденныхъ на него обвиненій, но этотъ допросъ долженъ былъ остаться пустой формальностью, потому что судьба опальнаго патріарха была уже заранѣе предрѣшена въ наказѣ. Въ случаѣ, если Никонъ обнаружитъ упрство и неповиновеніе присланнымъ слѣдователямъ, наказъ предписывалъ имъ сначала увѣщевать его, а если не послушаетъ, взять изъ кельи силой «какъ мочно»¹. Одновременно патріархъ Іоакимъ послалъ указы властямъ Кириллова и Оерапонтова монастыря о переводѣ Никона въ Кирилловъ.²

Слѣдователи прибыли въ Оерапонтовъ 5 іюня утромъ. Съ ними пріѣхали изъ Кириллова архимандритъ Никита и келарь Гедѣонъ. Въ монастырѣ еще не кончилась обѣдня. Прибывшіе тотчасъ послали къ Никону пристава и сотника съ приказомъ явиться въ соборную церковь для выслушанія указа отъ царя и патріарха. Напрасно опасались упрства со стороны Никона: онъ безпрекословно выслушалъ приказъ и только спросилъ, когда именно нужно идти. По окончаніи обѣдни архимандритъ Павелъ послалъ за Никонѣмъ кирилловскаго архимандрита съ келаремъ, оерапонтовскаго игумена и сотника. Никонъ тотчасъ же отправился съ ними въ соборную церковь. Онъ безъ сомнѣнія предвидѣлъ, какого рода указъ ему придется выслушать въ церкви, догадывался также, чьими клеветами воспользовались его враги. Отправляясь въ церковь, онъ захватилъ съ собою сыскное дѣло про Ивашку Кривокуба — одного изъ наиболѣе злобныхъ своихъ клеветниковъ.

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 94, стр. 359.

² Тамъ же №№ 95, 96.

Когда онъ пришелъ въ церковь, слѣдователи объявили ему, съ какою цѣлію они посланы въ Оерапонтовъ монастырь. «Не убоюся отъ темъ людей, окрестъ нападающихъ на мя, отвѣчалъ имъ Никонъ, аще что и смертное пострадати готовъ есмь». Желябужскій грубо прикрикнулъ на опальнаго патріарха, но послѣдній не захотѣлъ съ нимъ говорить, а заявилъ архимандриту Павлу: «хотя и ты (будучи архимандритомъ) посланъ къ намъ (патріарху) вопреки св. канонамъ, но все-таки лучше ты говори съ нами, а этому прикажи замолчать»¹. Дьякъ Румянцевъ началъ читать наказъ и обвинительный актъ, состоявшій изъ многихъ пунктовъ. Во все это время Никонъ держалъ себя спокойно и съ достоинствомъ, что было засвидѣтельствовано архимандритомъ Павломъ въ донесеніи патріарху Іоакиму: «Никонъ монахъ указъ слушалъ со смиреніемъ, безо всякаго прекословія». По выслушаніи указа онъ также спокойно и твердо давалъ отвѣты и объясненія на предложенные ему обвинительные пункты. Его отвѣты тутъ же записывались дьякомъ и извѣстны намъ изъ донесенія архимандрита Павла². «Хотя въ письменной передачѣ, эти отвѣты, замѣчаетъ по поводу ихъ проф. П. О. Николаевскій, и должны были утратить нѣсколько изъ своихъ первобытныхъ чертъ, но они не утратили своей внутренней силы, поразительной простоты и убѣдительности, которыми отличались всѣ рѣчи, письма и сочиненія патріарха Никона. Въ этихъ отвѣтахъ мы видимъ того же великаго Никона, хотя и много испытавшаго въ жизни, изстрадавшагося въ заключеніи, но неутратившаго своей энергіи. Въ своихъ отвѣтахъ онъ побѣдоносно опровергъ всѣ злобно направленные противъ него клеветы и обвиненія»³.

На старое обвиненіе въ мятежныхъ замыслахъ и сношеніяхъ съ Разиннымъ, обвиненіе, еще при покойномъ государѣ, такъ сказать, сданное въ архивъ и теперь вновь выдвинутое врагами, онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ заявленіемъ, что казаки приходили къ нему съ вѣдома пристава Наумова, а съ Разиннымъ онъ никакихъ сношеній не имѣлъ. Вселенскихъ патріарховъ онъ не бранивалъ и въ Царьградъ денегъ и писемъ

¹ Шушеринъ. 92.

² Дѣло о п. Никонѣ № 100.

³ Николаевскій. 106.

не посылалъ. О леченіи своемъ онъ снова подтвердилъ, что началъ лечить вслѣдствіе бывшаго ему видѣнія, что онъ помазывалъ болящихъ масломъ и читалъ надъ ними молитвы, и «отъ тово ево лекарства милость Божія и исцѣленіе многимъ людямъ бывало. А прѣ то онъ не слыхалъ, чтобы отъ ево лекарства которые люди помирали». Дѣвка изъ вотчины Кириллова монастыря, о которой говорилъ извѣтчикъ Ивашко, умерла отъ своей болѣзни, а не отъ его лекарства: онъ ей никакихъ лекарствъ не давалъ, а только читалъ молитвы, такъ какъ

Видъ на Кирилло-Бѣлозерскій монастырь съ „Вологодской башни“. (Слѣва „Ивановскій или Малый“ монастырь, справа „Большой“ монастырь: посрединѣ между ними больничная церковь св. Евѣимія, подлѣ которой находились кельи патр. Никона).

она была одержима нечистымъ духомъ. Извѣтчикъ Ивашко и самъ обращался къ нему за помощью, «сказывалъ на себѣ болѣзнь, что приходятъ къ нему бѣси», онъ помазывалъ его масломъ, и Ивашко самъ же говорилъ, что послѣ помазыванья болѣзнь миновалась ¹.

Ивашко извѣщалъ также на Никона, что крестьянинъ Оома

¹ Въ записяхъ лицъ, лечившихся у Никона, дѣйствительно значится въ январѣ 1675 г. Терапонтовскій служка Иванъ Кривоzubовъ, который „бѣсовской шумъ слышалъ, и хотѣли задушить; молитвы говорены. сталъ здравъ“. И Игнатій Башковскій, такъ оуждавшій лечебное искусство Никона, самъ же обращался къ нему за помощію для своей малолѣтней

умеръ отъ его побоевъ, а конюшенный старецъ Лаврентій былъ запоенъ имъ виномъ до смерти. Никонъ въ отвѣтъ на это сказалъ, что Оому онъ не биваль, умеръ онъ своей смертью: «остались послѣ него жена и дѣти, и они вѣдаютъ, какъ онъ умеръ». Старецъ Лаврентій «умеръ не отъ ево питья, а былъ пьяница вѣдомой». Самъ извѣтчикъ Ивашко былъ битъ за воровство по общему приговору игумена и священниковъ. Никонъ тутъ же подаль архимандриту Павлу сыскное дѣло про Ивашку, сказавъ: «все Ивашкино воровство въ этомъ дѣлѣ объявится».

Никонъ опровергъ также всѣ клеветы и сплетни, сочиненныя его врагами по поводу его широкой благотворительности и леченія больныхъ. Въ числѣ больныхъ и бѣдныхъ, постоянно обращавшихся къ Никону за лекарствомъ и милостыней, было много женщинъ, и этого было достаточно врагамъ Никона, чтобы пустить нелѣпую чудовищную сплетню о нечистой жизни его, семидесятилѣтняго старца, съ раннихъ лѣтъ извѣстнаго своею строгою подвижническою жизнію. Враги совсѣмъ хотѣли втоптать въ грязь того самого Никона, который съ такой ревностью, казавшейся многимъ неумѣренной, стремился исправить грубые и распущенные нравы своихъ пасомыхъ. Въ отвѣтъ на низкую клевету, позорившую его честь и доброе имя, Никонъ заявилъ, что эти обвиненія прямая ложь, что женщины для леченія и для милостыни всегда приходили къ нему или съ мужьями или съ другими женщинами и дѣтьми, а наединѣ онъ никогда ихъ не принималъ: даже милостыню нищимъ жепщинамъ онъ давалъ въ присутствіи стрѣльцовъ. Никакихъ пировъ и угощеній онъ у себя не устраивалъ, а кормилъ иногда бѣдный людъ въ праздники за работы ихъ. Въ гости изъ монастыря никуда не ѣздилъ, какъ его въ этомъ обвиняли, а князь Шайсуповъ, у котораго онъ разъ былъ, самъ же зазвалъ его къ себѣ, когда онъ шелъ рыбу ловить, и онъ къ нему не надолго зашелъ, а ничего у него не пилъ. «Угодниковъ Божіихъ онъ мужиками не называлъ, а который образъ онъ не принималъ, и онъ говорилъ, для чего Оерапонта и Мартиніана пишутъ на иконахъ, а они де не свидѣтельствованы» ¹.

дочери Маріи, которая потомъ выздоровѣла. См. Чт. Общ. Ист. 1887, I, 94, 95.

¹ До нѣкоторой степени Никонъ былъ правъ въ своемъ заявленіи, хотя ревность его къ чистотѣ православія въ данномъ случаѣ едва ли

Никону было поставлено въ вину и то, зачѣмъ у него такія большія кельи съ переходами, и ему пришлось въ свое оправданіе сослаться на указъ покойнаго государя о постройкѣ этихъ келій. Государя онъ ничѣмъ не злословилъ и поносныхъ словъ никакихъ не говорилъ, а всякую присылку отъ него принималъ съ благодареніемъ. За великаго государя и за вселенскихъ патріарховъ въ церкви и въ келейномъ правилѣ онъ повсечастно Бога молитъ, а за Іоакима патріарха онъ Бога не молитъ. Открыто заявляя объ этомъ, Никонъ сослался даже на архіепископа вологодскаго Симона, который «писалъ въ Кирилловъ монастырь и велѣлъ Бога молить за себя, а не за патріарха, потому что отъ него, Іоакима, всякое зло учинилось, и нынѣ ево губить».

На запросъ, почему онъ въ отпискахъ и челобитныхъ писался патріархомъ, Никонъ объяснилъ, что запрещенія ему отъ покойнаго государя въ томъ не бывало, сами царскіе послы называли его «великимъ святымъ отцомъ» и говорили (онъ не помнитъ точно, кто изъ нихъ), что государь не запрещаетъ его называть патріархомъ. Надписи на крестахъ и сосудахъ онъ приказывалъ дѣлать потому, что «было ему отъ пристава Наумова утѣсненіе великое».

Но всѣ эти объясненія Никона, данныя имъ со свойственной ему прямою и твердостью, не могли измѣнить заранѣе назначенной ему участи. Все равно ему пришлось выслушать уже стоявшій въ наказѣ строгій приговоръ: «и по тѣмъ твоимъ вымышленнымъ и непристойнымъ и не во славу Московскому государству мятежнымъ дѣламъ въ Оерапонтовѣ жить тебѣ по своей волѣ неудобно. А указали великій государь и святѣйшій патріархъ и весь освященный соборъ жить тебѣ въ Кирилловѣ монастырѣ въ кельѣ по иноческому чину, и о тѣхъ своихъ злыхъ дѣлахъ пріити въ совершенное покаяніе»¹.

можно назвать умѣстною. Правда житія и чудеса преп. Оерапонта и Мартиніана не были «свидѣтельствованы» на соборѣ 1547 года, такъ какъ они не попали на этотъ соборъ, но они были рассмотрѣны митрополитомъ Макаріемъ на одномъ изъ послѣдующихъ соборовъ, гдѣ и было дано благословеніе праздновать этимъ двумъ бѣлозерскимъ угодникамъ. О недоумѣніяхъ относительно канонизаціи пр. Оерапонта и Мартиніана см. въ статьѣ „Оерапонтовъ монастырь“, „Странникъ“ 1898, іюль, стр. 304—309 и отд. оттискъ.

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 94 стр. 357.

Въ заключеніе присланные судьи увѣщевали Никона «всякими мѣрами» чтобы онъ покорился патріарху Іоакиму — «за него Бога молилъ и никакихъ непристойныхъ словъ не испущалъ». Но Никонъ оставался непреклоненъ. «За великаго государя и вселенскихъ патріарховъ я стану Бога молить, а за Іоакима Бога молить и патріархомъ его называть не стану», говорилъ онъ, выходя изъ соборной церкви.

Ему уже не позволили вернуться въ свои кельи, а прямо изъ церкви повезли въ Кирилловъ въ сопровожденіи стражи¹. Жившихъ у него монаховъ въ наказѣ также велѣно было взять въ Кирилловъ и вести туда порознь. Такимъ образомъ, безпощадная судьба въ концѣ-концовъ привела Никона въ тотъ самый монастырь, съ монахами котораго онъ еще такъ недавно велъ ожесточенную борьбу. Недоброжелательство Кирилловскихъ монаховъ къ Никону хорошо было извѣстно и въ Москвѣ, такъ что даже Іоакимъ счелъ нужнымъ упомянуть въ своемъ указѣ Кирилловскимъ властямъ, чтобы они «злобы своей къ Никону за его прежнія къ нимъ досады не мстили некоторыми дѣлами»².

Переменная обстановки сильно подѣйствовала на престарѣлаго патріарха. Увидѣвъ себя въ тѣсныхъ угарныхъ кельяхъ, окруженный чужими ему кирилловскими монахами и служками, Никонъ съ ужасомъ почувствовалъ себя какъ бы живо похороненнымъ въ крѣпкихъ стѣнахъ Кириллова монастыря — и упалъ духомъ. Въ глубокомъ уныніи онъ послалъ за своими судьями, которые собирались ѣхать обратно въ Терапонтовъ для исполненія дальнѣйшихъ статей наказа. Тѣ, пользуясь его настроеніемъ, снова стали убѣждать его покориться Іоакиму и признать его патріархомъ. Сломленный въ неравной борьбѣ старый и больной патріархъ наконецъ уступилъ. «И монахъ Никонъ, доносилъ потомъ архимандритъ Павель, по многимъ разговорамъ отъ злой мысли уклонился и говорилъ, чтобы де святѣйшій патріархъ къ нему былъ милостивъ, и не велѣлъ бы ево здѣсь напрасною смертию отъ тѣсноты уморить; а онъ де за него Бога молить и патріархомъ именовать учнетъ»³. Чтобы смягчить гнѣвъ Іоакима,

¹ Шушеринъ, 92.

² Дѣло о п. Никонѣ № 95 стр. 363.

³ Тамъ же № 100, стр. 375.

Никонъ напомнилъ теперь о томъ, что по оставленіи имъ патріаршества, онъ указывалъ государю на Іоакима какъ на своего преемника, говоря, что ему можно быть въ патріархахъ «за смиреніе».

Особенно тяжело было Никону разстаться съ двумя своими келейными старцами—іеромонахомъ Варлаамомъ и іеродьякономъ Мардаріемъ, которыхъ, какъ онъ узналъ, вѣлно было сослать въ Крестный монастырь. Со слезами просилъ старый патріархъ, чтобы оставили при немъ этихъ двухъ преданныхъ ему лицъ, потому что «они къ нему пріобытчились, а онъ къ нимъ», но его просьба не была исполнена.

Оставивъ Никона въ Кирилловѣ, архимандритъ Павелъ съ другими слѣдователями поѣхали опять въ Оерапонтовъ монастырь. Въ наказѣ предписано было ваять туда съ собою и келейныхъ старцевъ Никона. Кельи Никона подвергнуты были тщательному обыску, все имущество и утварь въ нихъ были переписаны. Наказъ предписывалъ «прелестные ево Никонovy лекарства всѣ, что ни есть, коренья и травы и водки и мази всенароднѣ сжечь на огнѣ, чтобъ отъ него и ничего не осталось». Архимандритъ Павелъ доносилъ, что учинилъ съ ними по наказу. Съ крестами, на которыхъ была извѣстная надпись, вѣлно было изъ опасенія соблазна поступить съ осторожностью. Архимандритъ съ властями Оерапонтова монастыря, съ священниками и діаконами должны были снять кресты со всѣхъ мѣстъ, гдѣ они объявятся, честно внести въ монастырь и «съ искусствомъ» срѣзавъ надписи, положить кресты «въ сокровенное мѣсто, гдѣ никому бы было входно». Ихъ положили «подъ церковь въ непроходное мѣсто».

Келейныхъ старцевъ Никона, согласно наказу, допрашивали, съ великимъ пристрастіемъ, не спрятано ли у него какихъ-либо писемъ въ землѣ или въ другомъ тайномъ мѣстѣ, и не отсылалъ ли онъ кому-либо писемъ. Іеромонахъ Варлаамъ и старецъ Кузьма показали, что никакихъ писемъ Никонъ не отсылалъ и не спрятывалъ, что больные къ Никону пріѣзжали для леченія, но «никакихъ зазорныхъ лицъ для напивковъ, у него въ кельяхъ не бывало». Мардарій сказалъ, что онъ не разъ ѣздилъ въ Москву по порученію Никона, возилъ туда отписки и челобитныя и подавалъ царскому духовнику и дьяку приказа тайныхъ дѣлъ Полянскому, а они передавали ихъ государю. При этомъ Никонъ посылалъ съ

нимъ духовнику подарки — «всякія посудны деревянныя, братины и стаканы и ложки и рыбу», а Полянскому — одну рыбу. Но никакихъ писемъ изъ Москвы онъ Никону не привозилъ. Относительно леченія Никономъ больныхъ Мардарій заявилъ, что по приказу Никона онъ приводилъ къ нему въ крестовую келью пріѣзжавшихъ больныхъ, приносилъ туда кадило и свѣчи и много разъ видѣлъ, какъ Никонъ говорилъ надъ болящими молитвы по потребнику, а дурна никакова и безчинія онъ не видалъ»¹. Варлаамъ и Мардарій были затѣмъ отправлены въ Крестный монастырь, гдѣ приказано было держать ихъ подъ крѣпкимъ началомъ; старецъ Козьма за болѣзнь оставленъ былъ въ Оерапонтовѣ, гдѣ скоро и умеръ.

Согласно данному наказу слѣдователи составили подробную опись всего имущества, оставшагося послѣ Никона въ Оерапонтовѣ. Были переписаны хлѣбъ въ житницахъ, запасы въ погребяхъ и сушилахъ, овощи въ огородахъ, лѣдки и сѣти, рыба въ садкахъ, дрова и бревна, и пр. Все это было сдано подъ росписку игумену Аонасію съ братіей. Ему же сданы были подъ росписку облаченія и утварь Богоявленской церкви. Келейная утварь Никона: образа, книги, келейная казна, разнаго рода посуда, обувь, одежда, всевозможная рухлядь, разные запасы, большое количество разнаго рода пива, медовъ и винъ — все это до послѣдней мелочи было внесено въ опись, свезено въ Кирилловъ и сдано казначею подъ росписку².

¹ Тамъ же, № 100, стр. 377, 378.

² Опись келейной утвари и имущества Никона, сданныхъ подъ росписку кирилловскому казначею старцу Павлу Кикину, напечатана въ „Дѣлѣ о п. Никонѣ“ и занимаетъ здѣсь 18 страницъ (386 — 404). Наряду съ вещами цѣнными сюда въ безпорядкѣ внесена всякая мелочь и рухлядь, напр. „косарь, чѣмъ лучину щеплютъ“ или „кузовъ съ лоскугъишкомъ ветхимъ“. Изъ этой подробной описи можно видѣть, что Никонъ подъ конецъ своего пребыванія въ Оерапонтовѣ былъ обставленъ даже съ роскошью. Такъ, у него была соболья шуба, „крытая камкою чешуйчатой“, и соболій треухъ, роскошныя перчатки („рукавицы персчатныя съ кистями серебряными, низаны по мѣстамъ жемчугомъ, подложены атласомъ лазоревымъ“), нѣсколько бархатныхъ рясъ и тафтяныхъ (шелковыхъ) кафтановъ, много разныхъ дорогихъ матерій и мѣховъ — все это, вѣроятно, подарки отъ царской семьи. Денегъ въ наличности оказалось 1.000 рублей: „въ кованой скринѣ въ десяти мѣшкахъ по сту рублей“. Запасы медовъ, винъ, сластей и разныхъ припасовъ были сданы въ большомъ количествѣ. Напр. „шесть кадей меду а въ нихъ

Туда же отправлены были лошади, коровы, куры и пр., купленные Никономъ на свой счетъ. Опустѣвшія кельи Никона были заперты и окна въ нихъ запечатаны. Ключи отъ келій, погребовъ, амбаровъ и житницъ были отданы игумену Аванасію. Оерапонтовъ монастырь, которому присутствіе знаменитаго заточника придавало особое оживленіе, снова замеръ и погрузился въ однообразную будничную тишину.

Оерапонтовскіе монахи сряду же послѣ переведенія Никона изъ ихъ монастыря въ Кирилловъ стали думать о томъ, нельзя ли воспользоваться для нуждъ монастыря имуществомъ патріарха, которое только что было осмотрѣно и переписано архимандритомъ Павломъ съ его помощниками. Они послали къ патріарху Іоакиму челобитную, въ которой указывали на многіе расходы и тягости, понесенныя монастыремъ за все время пребыванія въ немъ Никона, жаловались даже на то, будто Никонъ не додалъ имъ 631 рубль 7 алтынъ изъ подрядной суммы на постройку келій, обѣщаясь на тѣ деньги купить въ монастырь колоколь, а также бѣлаго желѣза и олова на починку церковныхъ главъ — покупокъ не купилъ и денегъ не отдалъ¹. Въ исполненіе всѣхъ этихъ расходовъ монахи просили выдать изъ денегъ Никона 631 рубль 7 ал-

по смѣтѣ пудъ сорокъ, 7 ведеръ ренсково, ведро романей, бочка меду малиноваго, 20 ведеръ меду бѣлого, 15 ведеръ вина церковнаго, нѣсколько бочекъ пива разныхъ сортовъ, бочки морошки, смородины, яблоковъ, вишенъ и арбузовъ въ патокъ и мн. др. Въ числѣ утвари упоминаются серебряныя вещи: солонки, кунганъ, рукомойникъ и пр., а также слѣдующіе заслуживающіе вниманія предметы: нѣсколько очковъ, зеркало, часы столовыя, трубка смотрительная, шляпа нѣмецкая подложена крашеной, пицаль, бердышъ, пара попорченныхъ пистолей, два рога и кувшинъ склянишной съ порохомъ. Любопытно, что обвиненіе въ стрѣльбѣ изъ пицали было оставлено Никономъ безъ возраженія.

¹ Слѣдуетъ однако замѣтить, что оерапонтовскіе монахи въ своихъ жалобахъ на убытки монастыря отъ пребыванія въ немъ Никона, повидимому, были не совсѣмъ справедливы. Такъ они, между прочимъ, повторили въ своей росписи счетъ прежняго игумена Аванасія (Николаевскій, 120 пр.), въ свое время документально опровергнутый Никономъ. Очевидно, что они не боялись теперь новыхъ обличеній со стороны заключеннаго въ Кирилловъ Никона. Заявленіе ихъ о недодачѣ Никономъ денегъ изъ подрядной платы за постройку келій также возбуждаетъ сомнѣніе относительно ихъ количества. Монахи говорили, что они платили плотникамъ деньги изъ монастырской казны и съ крестьянъ. Но откуда они могли набрать такую большую по тому времени

тнѣ, а также обратить въ ихъ пользу хлѣбъ Никона какъ посѣянный въ поляхъ, такъ и запечатанный въ житницахъ ¹).

Въ августѣ для поправленія разстроеннаго хозяйства монастыря по указу патріарха и вологодскаго архіепископа былъ посланъ въ монастырь кирилловскій строитель Исаія, который въ донесеніи патріарху описывалъ плачевное состояніе монастыря и тоже хлопоталъ объ отдачѣ монастырю 480 четвертей хлѣба, оставшагося послѣ Никона ². Но Іоакимъ былъ не особенно податливъ на эти просьбы монаховъ. Онъ разрѣшилъ имъ воспользоваться только тѣмъ хлѣбомъ Никона, который посѣянъ въ полѣ, и овощами въ его огородахъ. Притомъ часть этихъ овощей, а также рыбу изъ его садковъ онъ велѣлъ отсылать въ Кирилловъ на нужды Никона. О хлѣбѣ, запечатанномъ въ амбарахъ, онъ обѣщалъ дать указъ потомъ ³.

Въ октябрѣ игуменъ съ братіей прислалъ патріарху отписку и новую челобитную. Въ нихъ они доносили, что рыба въ садкахъ Никона «вся послула», что часть овощей изъ его огородовъ они послали ему въ Кирилловъ, а посѣянный имъ хлѣбъ сжали и измолотили, получивъ въ умолотѣ 7 четв. съ осьминой ржи и 8 чт. пшеницы. Жалуясь на скудость монастыря, они обращались къ Іоакиму съ новой просьбой. «Призри, государь, на домъ Пр. Богородицы на пустое и раззоренное мѣсто! Вели, государь, церковную утварь, что описана въ церкви святыхъ Богоявленій, послѣ Никона монаха отдати намъ, богомольцамъ твоимъ, въ Терапонтовъ монастырь». Кромѣ того они снова просили отдать имъ хлѣбные запасы Никона и дозволить разобрать кельи Никона на монастыр-

сумму денегъ (631 р. 7 алт.), когда извѣстно, что „крестьяншики ихъ обнищали до конца“, а монастырская казна часто была совсѣмъ пуста и самъ казначей занималъ деньги у того же Никона (см. „Өер. мон.“ с. 95)? Съ другой стороны изъ описи имущества Никона видно, что у него въ кладовой было около 19 пудовъ олова и 175 листовъ желѣза, которыхъ для собственныхъ нуждъ ему покупать было не зачѣмъ, а о присылкѣ колокола въ монастырь онъ просилъ государя въ челобитной (см. Николаевскій, 82) и слѣдовательно, намѣревался выполнить свои обязательства предъ монастыремъ. Притязаніе еерапонтовскихъ монаховъ на денежную казну Никона, повидимому, не было уважено и въ послѣдующихъ челобитныхъ они его уже не повторяютъ.

¹ Дѣло о п. Никонѣ №№ 104, 109.

² Тамъ же, № 110.

³ Тамъ же, № 111.

ское строение на братскія кельи ¹. Мы такъ и не знаемъ, имѣли-ли, наконецъ, успѣхъ просьбы еерапонтовскихъ монаховъ о хлѣбъ Никона и его кельяхъ, но утварью Богоявленской церкви имъ не удалось воспользоваться: въ 1683 году уже по смерти Никона, она была перевезена въ Воскресенскій монастырь по указу царей Іоанна и Петра Алексѣевичей ².

Въ то время какъ еерапонтовскіе монахи хлопотали объ имуществѣ Никона, самъ владѣлецъ его жилъ въ Кирилловѣ въ строгомъ заключеніи. Кирилловъ монастырь издавна служилъ мѣстомъ ссылки для провинившихся предъ правительствомъ лицъ. Успѣшно выдержавъ осаду со стороны литовскихъ шаекъ, Кирилловъ монастырь получилъ въ глазахъ московскаго правительства значеніе важнаго стратегическаго пункта на сѣверѣ Руси. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича правительство рѣшило обнести Кирилловъ новой большой каменной стѣной по образцу Сергіева монастыря ³. Въ 1661 г. царь пожаловалъ изъ казны 45,000 рублей на тогдашнія деньги на производство работъ ⁴, а въ 1667 году прислалъ указъ спѣшить городовымъ дѣломъ ⁵. Такимъ образомъ ко времени перевода Никона въ Кирилловъ монастырь постройка его стѣны была уже закончена, и Кириллова обитель стояла въ полномъ величій своихъ грозныхъ твердынь, на которыя и теперь не безъ удивленія смотритъ заѣзжій путникъ. Колоссальная стѣна тянется вокругъ монастыря на разстояніи 1¹/₂ верствъ и имѣетъ три этажа. Въ нижнемъ этажѣ множество келій, предназначавшихся, вѣроятно, для ратниковъ, второй и третій ярусы представляютъ изъ себя длинныя галлерей съ бойницами для пушекъ и пищалей. Галлерей эти такъ широки, что по нимъ свободно можно было бы прокатиться на тройкѣ лошадей. Помѣщаемый здѣсь (см. на стр. 93) видъ одной изъ такихъ галлерей съ перспективою уходящихъ вдаль сводовъ и арокъ можетъ дать читателю нѣкоторое представленіе о величинѣ Кирилловскихъ твердынь. Новой крѣпости, стоявшей

¹ Тамъ же, № 112, 118.

² Чт. О. Ист. 166.

³ Древности. Труды Моск. Арх. Общества. VIII, 1880 стр. 153.

⁴ См. проф. Н. К. Никольскій. Кириллобѣлозерскій монастырь. I и 236 пр.

⁵ „Новг. Еп. Вѣд.“ 1898, стр. 244. Н. П. Успенскій. „Древности Кир. мон.“.

большихъ издержекъ и монастырю и правительству, не пришлось однако испытать вражеской осады. Она служила для правительства другую службу, являясь вполне безопаснымъ и надежнымъ мѣстомъ для пребыванія ссылаемыхъ имъ лицъ. Между прочимъ дѣло патріарха Никона дало Кирилловскимъ тюрьмамъ нѣсколько смыслныхъ лицъ. Такъ въ 1663 году былъ сосланъ сюда изъ Москвы попъ церкви Введенія, что въ Барашахъ, Иванъ Оокинъ и сидѣлъ «въ цѣпи и желѣзахъ» за то, что по удаленіи Никона изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь продолжалъ поминать его московскимъ патріархомъ¹. Въ то время, когда Никонъ жилъ въ Оерапонтовѣ, приставъ Наумовъ часто отсылалъ въ Кирилловъ разныхъ оговоренныхъ по розыску лицъ на сбереженіе (іеродьякона Оерапонта, служку Михайлова и др.)². Пришлось наконецъ и самому Никону, бывшему «собинному» другу царя и великому государю, увеличить собою длинный рядъ кирилловскихъ заточниковъ, въ разное время томившихся въ крѣпкихъ стѣнахъ обители.

Въ Кирилловѣ Никона помѣстили въ тѣхъ кельяхъ, гдѣ жила прежде строитель старецъ Матвѣй. Эти кельи находились въ «Большомъ монастырѣ» на западной его сторонѣ въ 2-хъ саженьяхъ отъ городской стѣны, которая проходитъ здѣсь по самому берегу Сиверскаго озера. Въ сосѣдствѣ съ ними на разстояніи 4 сажень находились каменные больничныя кельи³, обращенныя потомъ въ кладовую и существующія доселѣ. Такимъ образомъ, Никоновы кельи были на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ старинный двухъ-этажный каменный корпусъ, нынѣ почти пустой, а прежде служившій помѣщеніемъ для духовнаго училища⁴. Рядомъ стоитъ больничная церковь св. Евфимія, построенная въ 1653 году; полагаютъ,

¹ Чт. О. Ист. 149 прим.

² Тамъ же, 134, 135.

³ См. А. Н. Муравьевъ. Русская Оивагда на Сѣверѣ. СПб. 1855, стр. 200, 210 и арх. Іаковъ, Труды М. Арх. Общества. VIII, 480, стр. 143, 144.

⁴ А. Н. Муравьевъ, а за нимъ и покойный Кирилловскій архимандритъ Іаковъ, принимали за несомнѣнное, что этотъ каменный корпусъ есть именно то зданіе, въ которомъ жилъ п. Никонъ. Но имъ тогда не было извѣстно, что Матвѣевскія кельи были деревянныя. См. ихъ описаніе въ дѣлѣ о п. Никонѣ № 107.

что въ эту именно церковь, какъ самую ближайшую, ходить молиться патріархъ Никонъ. Кельи его были деревянныя двухъ-этажныя. Нижній этажъ состоялъ изъ двухъ помещеній, соединявшихся теплыми сѣнями, за теплыми сѣнями находились холодныя сѣни съ чуланами. Въ этихъ сѣняхъ было восемь большихъ оконъ. Въ верхнемъ этажѣ были двѣ теплыхъ вышки, холодныя сѣни съ 6 окнами и три чулана. Шушеринъ называетъ эти кельи «вельми неугожими». Печи въ нихъ были кирпичныя и плохого устройства; при первой же топкѣ онѣ издали такой страшный угаръ, что новый жилецъ ихъ, и безъ того послѣ извѣстнаго ушиба страдавшій головою болью, почувствовалъ себя совсѣмъ плохо и чуть не умеръ. Поварни особой не было, кушанья готовили тутъ же въ кельѣ, что еще болѣе увеличивало въ ней жаръ и духоту. Архимандритъ Павелъ по возвращеніи въ Москву счелъ нужнымъ доложить патріарху Іоакиму объ этомъ неудобствѣ келій Никона, вредномъ для здоровья заточника. Шушеринъ говоритъ, что патріархъ Іоакимъ «положи сія глаголы въ забвеніи».

Въ іюлѣ Іоакимъ послалъ въ Кирилловъ своего ризничаго дьякона Іакинеа. Іакинеъ пріѣзжалъ и Ѳерапонтовъ, вѣроятно, для осмотра Никонова имущества ¹, но главною цѣлью его прибытія было отобраніе у Никона панагии и двухъ серебрянныхъ патріаршихъ печатей. Никонъ, въ Ѳерапонтовѣ носившій панагію, а, быть можетъ, пользовавшійся и печатами, теперь безпрекословно возвратилъ эти послѣдніе знаки патріаршаго достоинства ². Но за то Іакинеъ привезъ въ Кирилловъ указъ Іоакима о томъ, чтобы «въ кельяхъ монаха Никона вмѣсто кирпичныхъ печей сдѣлать образчатыя ценинныя, чтобы угару отнюдь не было», а позади келій выстроить особую каменную поварню, высмотря мѣсто для нея съ нимъ, Никономъ, а если будетъ тутъ какое-либо ненужное строеніе, то его отставить. При этомъ патріархъ требовалъ, чтобы прислали къ нему чертежъ келій Никона — всему старому и новому строенію ³.

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 113 стр. 419.

² Шушеринъ, 93.

³ См. этотъ указъ у архим. Аполлоса „Начертаніе житія Никона“ над. 4. М. 1845. стр. 154.

Вслѣдствіе этого указа Кирилловскія власти произвели ремонтъ въ кельяхъ Никона: поставили печь обращатую ценин-ную, поновили стѣны и сдѣлали вновь подволоку и окна крас-ные, двери и переходы въ вышку, «какъ ему угодно». Но строить особую поварню позади келій они не нашли удоб-нымъ и въ отпискѣ своей объясняли патріарху, что проме-жутокъ между кельями Никона и монастырской стѣной—за-нять монастырскими дровами, а если поставить поварню между кельями и больницей, то придется у больницы свѣтъ

Больничная церковь св. Евоніи и старый каменный корпусъ на мѣстѣ котораго стояли кельи п. Никона.

заставить и съ дровами проѣзду за кельи не будетъ. Въсто устройства новой поварни они предлагали устроить поварню въ братской кельѣ, находившейся въ одномъ ряду съ Никоновыми, и просили на то указа ¹. Такимъ образомъ, до поры до времени Никону приходилось волей неволей мириться съ важнымъ неудобствомъ его келій.

¹ См. изъ отписку у Муравьева и арх. Іакова (Труды М. Арх. Общ. VIII).

Согласно наказу Иоакима съ Никономъ въ его кельяхъ поселены были два старца добрыхъ и искусныхъ, «кому мочно вѣрять». Кромѣ этихъ двухъ старцевъ, Авраамія и Ирнарха, въ кельяхъ Никона жили трое служекъ, поварь и приспѣшникъ ¹. Столъ для него велѣно было готовить лучшей, чѣмъ для братіи, не только въ разрѣшенные, но и въ постные дни, также велѣно было давать ему «пиво и медъ добрые по его потребѣ» ². Но изъ приходорасходныхъ книгъ монастыря, сохранившихся за это время, видно, что денежныхъ затратъ со стороны монастыря на содержаніе Никона почти не было, и по отпускавшимся на него запасамъ можно заключать, что ежедневный обиходъ его былъ весьма скромный и на него шло тоже, что употреблялось на содержаніе братіи ³. Впрочемъ запасы, привезенные изъ Оерапонтова, шли на его обиходъ и въ первое время могли значительно сократить расходы Кириллова монастыря на содержаніе Никона.

Изъ многочисленныхъ вещей и утвари, которыми Никонъ обставилъ себя подѣ конецъ оерапонтовскаго заточенія, ему дали теперѣ очень немного ⁴. Его личная свобода также была значительно стѣснена. Поселенные съ нимъ старцы должны были имѣть надъ нимъ строгій надзоръ, не пускать къ нему въ келью никого, ни монаховъ, ни мірянъ, наблюдать, чтобы онъ никому не писалъ писемъ и для того не давать ему ни чернилъ, ни бумаги. Ему запрещено было получать отъ кого-либо посылки и приношенія и даже выходить за монастырскую ограду. О суровости заключенія Никона въ Кирилловѣ Шушеринъ вообще замѣчаетъ, что Никонъ терпѣлъ здѣсь «всякія нужды и озлобленія» не менѣе, чѣмъ въ Оерапонтовѣ монастырѣ, «въ келии бо пребысть, неисходно кромѣ церковныя службы» ⁵. Въ церковь ему позволено было ходить (вѣроятно, въ ближайшую Евонимьевскую), но и тутъ велѣно было слѣдить за нимъ, чтобы онъ «стоялъ съ мол-

¹ См. ихъ росписъ въ „Дѣлѣ о п. Никонѣ“ № 108.

² Тамъ же, № 94, стр. 358.

³ Сообщение Н. П. Успенскаго.

⁴ „Отъ вещей же келейныхъ не даша ему и нужныхъ потребъ“ сообщает Шушеринъ стр. 93. Списокъ выданныхъ Никону вещей см. въ „Дѣлѣ о п. Никонѣ“ № 106. Изъ книгъ выданы были только двѣ псалтири съ возстѣдованіемъ, да Библія литовской печати, изъ одежды — двѣ суконныхъ рясы и три кафтана и т. д.

⁵ Шушеринъ, 93.

чаніемъ и чтобы мятежу церковнаго отъ него не было»¹. Такъ опаснымъ казался своимъ врагамъ Никонъ — теперь уже большой разбитый жизнью старецъ.

Уныло и однообразно текла жизнь Никона въ кирилловскомъ заточеніи. Отрѣщенный отъ міра, лишенный возможности сноситься съ преданными ему людьми, старый патріархъ долженъ былъ переносить свои страданія «уединенно, молчаливо, при полномъ безучастіи окружавшихъ его лицъ и въ полной безвѣстности для общества»². Мало сохранилось свѣдѣній о жизни его въ это злополучное время. Тѣмъ любопытнѣе для насъ тѣ немногія свѣдѣнія о жизни знаменитаго заточника, которыя случайно попали на страницы монастырскихъ приходорасходныхъ книгъ. Изъ книгъ этихъ видно напр., что кирилловскій заточникъ позволялъ себѣ невинныя развлеченія, вносившія нѣкоторое разнообразіе въ его монотонную затворническую жизнь. Онъ держалъ ручныхъ птицъ лебедей и голубей и, повидимому, самъ занимался ихъ кормленіемъ. Начальство монастыря ничего не имѣло противъ этой невинной забавы своего заточника, который еще будучи патріархомъ держалъ у себя пѣвчихъ птицъ и попугаевъ, и приказывало выдавать изъ монастырской житницы потребное количество овса и пшеницы на кормъ пернатыхъ друзей опальнаго патріарха³.

Шель годъ за годомъ. Патріархъ Никонъ продолжалъ сидѣть въ своемъ заключеніи, безъ надежды на освобожденіе, ни откуда не получая себѣ ни утѣшенія, ни тѣмъ болѣе помощи. Царь Оедоръ Алексѣевичъ былъ молодъ и находился подъ вліяніемъ враждебной Никону партіи, сторонники же Никона стояли вдали отъ царя. Но вотъ произошла новая перемѣна въ придворномъ кругу, вліяніе Милославскихъ и Хитрово ослабѣло, и для Никона блеснулъ лучъ надежды. Теткѣ царя царевнѣ Татьянѣ Михайловнѣ, которая съ дѣтства была почитательницей великой личности Никона, удалось теперь пріобрѣсти вліяніе на своего царственнаго племянника.

¹ Дѣло о п. Никонѣ № 94, стр. 358.

² П. О. Николаевскій, стр. 123.

³ Сообщение Н. П. Успенскаго на основаніи житенныхъ книгъ Кириллова монастыря. Вотъ для примѣра записи изъ этихъ книгъ: 1680 г.: ноября въ 24 день по приказу государя отца архимандрита Никиты выдано голубей кормить Никона монаха овса четь съ осьминою; 1681 г.: марта въ 25 день выдано лебедамъ овса три четверика и т. п.

Она своими рассказами о Никонѣ и о его заслугахъ церкви, государству и царскому семейству и о теперешней горькой его участи заинтересовала молодого царя. По ея внушенію царь въ сентябрѣ 1678 года предпринялъ со всей семьей поѣздки на богомолье въ Никоновъ Воскресенскій монастырь. Здѣсь все напоминало о Никонѣ: и начатыя имъ величественныя постройки, и сонмъ преданныхъ ему монаховъ. Враги Никона старались отклонять молодого царя отъ поѣздокъ въ Воскресенскій монастырь, но не имѣли успѣха. Онъ ѣздилъ туда нѣсколько разъ, далъ монастырю жалованную грамоту, издалъ указъ объ окончаніи начатой Никономъ постройки и сдѣлалъ монастырь своимъ царскимъ богомоліемъ ¹. Подъ влияніемъ этихъ посѣщеній, рѣчей Татьяны Михайловны, воскресенскихъ монаховъ, и вѣроятно, также своего учителя Симеона Полоцкаго, въ душѣ молодого царя возникалъ величавый образъ знаменитаго патріарха, который теперь забытъ всѣми и томится въ заточеніи. И вотъ молодой царь хочетъ оказать вниманіе къ злополучной долѣ Никона. Предъ Пасхою 12 марта 1679 изъ Москвы посланъ былъ «къ монаху Никону для государева дѣла» стольникъ Мартюхинъ, вѣроятно, съ денежной милостыней ². Въ январѣ 1680 года кирилловскій архимандритъ, будучи въ Москвѣ, получилъ отъ государя 200 рублей милостыни: изъ нихъ 100 рублей государь поручилъ передать Никону. Въ концѣ августа царь послалъ къ Никону стольника Ѳедора Абрамовича Лопухина со своей государевой милостыней ³. Понятно, что милостивое вниманіе царя должно было утѣшить томившагося въ заключеніи патріарха и снова внушить уваженіе къ нему въ глазахъ кирилловскихъ монаховъ. Благодаря не разъ приславшейся царемъ милостынѣ, кирилловскій заточникъ имѣетъ деньги въ избыткѣ, и монастырское начальство само обращается къ нему съ просьбой дать денегъ въ долгъ, какъ напр. въ 1680 году, когда оно заняло у Никона 149 р. 12 алт. 2 д. на уплату государственнаго сбора на жалованье ратнымъ людямъ во время турецкой войны ⁴. Въ 1680 году царь освободилъ изъ

¹ Николаевскій, 124, 125.

² Чт. О. Ист. 133, 166.

³ Сообщение Н. П. Успенскаго (изъ приходорасходныхъ книгъ Кириллова монастыря).

⁴ Чт. О. Ист. 130 прим.

ссылки келейныхъ старцевъ Никона, Варлаама и Мардарія, и позволилъ имъ вернуться въ Воскресенскій монастырь.

Однажды, посѣтивъ Воскресенскій монастырь по случаю смерти его настоятеля, царь самъ внушилъ братіи мысль, хлопотать о возвращеніи къ нимъ Никона изъ ссылки. Обрадованные царскимъ словомъ монахи не заставили себя ждать. Тотчасъ же была написана ритѣватая челобитная, въ которой, указывая на примѣръ израильтянъ, перенесшихъ кости Іосифа изъ Египта въ обѣтованную землю, Іоанна Златоуста и Игнатія патріарха константинопольскаго, нѣкогда возвращенныхъ изъ своего заточенія, монахи умоляли царя возвратитъ пастыря стаду, главу — тѣлу, хриstopодражательнаго наставника святѣйшаго Никона, извести изъ темницы душу его, освободитъ его изъ заточенія, дать ему покой и отраду въ его старости¹. Къ прошенію подписалось около 60 монаховъ, и оно тутъ же было подано царю.

Но желаніе царя вернуть Никона изъ ссылки встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны патріарха Іоакима, который рѣшительно заявилъ царю, что безъ согласія вселенскихъ патріарховъ сдѣлать этого никакъ нельзя. Царь нѣсколько разъ просилъ объ этомъ Іоакима, но получалъ рѣшительный отказъ. Тогда царь собралъ соборъ архіереевъ, на которомъ присутствовалъ и самъ съ боярами, заявилъ о своемъ желаніи возвратитъ Никона изъ ссылки и представилъ собору челобитную воскресенскихъ монаховъ. Многіе архіереи соглашались съ царемъ и говорили, что Никона нужно освободитъ изъ заточенія, но патріархъ Іоакимъ былъ противъ этого, и соборъ кончился ничѣмъ. Спустя нѣсколько времени царь призвалъ патріарха къ себѣ во дворецъ и вмѣстѣ съ Татьяной Михайловной усиленно убѣждалъ его согласиться на освобожденіе Никона. Іоакимъ по прежнему оставался непреклоннымъ, ссылаясь на постановленіе вселенскихъ патріарховъ. Въ своихъ отказахъ согласиться на просьбу царя Іоакимъ стоялъ, конечно, на законной почвѣ, но въ его нежеланіи облегчить участь Никона нельзя не видѣть личнаго нерасположенія къ послѣднему. Не безъ основанія можно думать, что онъ все еще боялся встрѣтитъ въ освобожденномъ Никонѣ опаснаго соперника, который легко подчинитъ своему

¹ См. это прошеніе у Шушерина, 96, 97, и архим. Аполлоса 155—158.

Кончина патриарха Никона на рѣкѣ Которосли въ городѣ Ярославль.
Рисунокъ Дмитріева-Оренбургскаго (изъ „Цивы“ за 1892 г.).

вліянію молодого царя. У Іоакима и то уже былъ сильный противникъ при дворѣ въ лицѣ бывшаго учителя царя монаха Симеона Полоцкаго, съ которымъ онъ при всемъ желаніи не могъ справиться и который былъ сторонникомъ Никона. Татищевъ сообщаетъ неизвѣстно откуда имъ взятое извѣстіе о томъ, что Симеонъ Полоцкій, «который съ Іоакимомъ великую вражду имѣлъ», убѣдилъ Ѳеодора Алексѣевича учинить въ Россіи папу и четырехъ патріарховъ, причемъ папою сдѣлать Никона, а Іоакима оставить патріархомъ новгородскимъ. Но Іоакимъ всѣми силами возсталъ противъ этого плана, склонилъ на свою сторону приближенныхъ бояръ и велѣлъ Андрею Лыалову сочинить представленіе «со многими обстоятельствомъ, показующими немалый вредъ отъ сего плана для государства», — хотя замѣчаетъ Татищевъ, безъ сомнѣнія не воспротивился бы сему, если бы самъ былъ назначенъ папою ¹.

Какъ бы то ни было, но Ѳеодоръ Алексѣевичъ, не смотря на противодѣйствіе Іоакима, надѣялся непременно увидѣть Никона освобожденнымъ изъ ссылки. Чтобы утѣшить и ободрить старца, томившагося въ заключеніи, царь написалъ ему въ Кирилловъ собственноручное письмо. Это была большая честь для Никона, который въ своемъ заключеніи еще ни разу не получалъ царскихъ писемъ: какъ извѣстно, царь Алексѣй Михайловичъ не писалъ ему въ Ѳерапонтовъ, а всегда отвѣчалъ ему чрезъ пословъ. Въ своемъ письмѣ Ѳеодоръ Алексѣевичъ называетъ Никона патріархомъ, вопреки соборному опредѣленію, проситъ у него благословенія и прямо общается ему скорое освобожденіе изъ ссылки. Вотъ это замѣчательное письмо: «О Святомъ Дусѣ отцу нашему Никону патріарху грѣшный царь Ѳеодоръ и съ супругою своею поклонъ сотворюемъ, и чести твоей возвѣщаю, аще Богъ повелитъ сему писанію вручится тебѣ, и ваша честность да вѣсть, что, надѣяся на Бога, преведеніе твое не умедлитъ быти, и имаше обогати самъ въ Новомъ Іерусалимѣ, и имать совершенство свое воспріяти. И посемъ я грѣшный царь Ѳеодоръ и съ женою своею благословенія вашего при свиданіи вашѣмъ съ

¹ Татищевъ. Рос. Ист. ч. I, стр. 573. См. свящ. Смирновъ. Іоакимъ п. московскій. М. 1881, стр. 62. Это извѣстіе Татищевъ повторяетъ и въ другомъ сочиненіи: „Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ науки и училищъ“, но здѣсь онъ говоритъ, что исполненію плана помѣшала смерть Никона. Чт. О. Ист. 1887, I, стр. 59.

нами и чрезъ писаніе желаемъ. Аминь¹. Внимательность государя къ опальному патріарху станетъ еще яснѣе, если добавить, что это милостивое письмо было отправлено къ Никону съ его келейнымъ дьякономъ Мардаріемъ, который послѣ долгой разлуки снова могъ служить своему патріарху. Велика была радость стараго патріарха, когда онъ прочиталъ царское письмо и узналъ, что скоро согласно царскому слову должна исполниться его завѣтная мечта о возвращеніи въ любимый монастырь.

Царь, не смотря на свою болѣзненность, съ настойчивостью продолжалъ дѣйствовать въ пользу Никона. Такъ какъ Іоакимъ ссылался на восточныхъ патріарховъ, то царь рѣшилъ обратиться къ нимъ отъ своего имени. Въ концѣ іюня собирались въ Турцію послы Илья Чириковъ и Прокофій Возницынъ. Царь воспользовался этимъ случаемъ и отправилъ съ ними особыя грамоты къ восточнымъ патріархамъ по дѣлу о Никонѣ. Въ нихъ онъ указывалъ на то, что Никонъ осужденъ не за нарушеніе догматовъ и правилъ благочестія, а за другія извѣстныя прощенія достойныя вины; хотя онъ какъ человѣкъ по малодушію поддался гнѣву и унынію, оставилъ патріаршество и тѣмъ произвелъ смуту въ церкви и государствѣ, но онъ искупилъ свои вины своими страданіями въ заточеніи и теперь, находясь въ глубокой старости, только о томъ и помышляетъ, какъ бы вернуться въ свой Воскресенскій монастырь, чтобы тамъ умереть спокойно. Въ виду близкой кончины Никона государь просилъ патріарховъ дать ему прощеніе и разрѣшеніе и возстановить его въ патріаршескомъ санѣ за его великое смиреніе, страданія въ заключеніи и за его покаяніе². Эти грамоты къ патріархамъ были подписаны 26 іюня 1681 года.

Между тѣмъ Никонъ слабѣлъ и таялъ съ каждымъ днемъ. Онъ уже сталъ готовиться къ смерти, особоровался и принялъ великую схиму. Схимники обыкновенно мѣняютъ свое иноческое имя на другое или снова получаютъ прежнее мірское имя. Замѣчательно, что Никонъ не пожелалъ переимѣнить своего имени, которое, благодаря ему, стало историческимъ. Видя безнадежное состояніе Никона, архимандритъ Никита

¹ См. это письмо у П. О. Николаевского. 128.

² Тамъ-же: 127, 128.

доносили патриарху Иоакиму, что Никонъ близокъ къ смерти, и спрашивалъ, гдѣ и какъ его похоронить. Иоакимъ поспѣшилъ распорядиться, чтобы Никона отпѣвали какъ простаго монаха и похоронили въ церковной паперти. Царь уже послѣ узналъ о такомъ распоряженіи патриарха, требовалъ вернуть грамоту назадъ, но было уже поздно.

Дни Никона были сочтены. Чувствуя себя на краю могилы, онъ ждалъ обѣщанной царемъ свободы только для того, чтобы умереть и быть похороненнымъ въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ. И вотъ боясь не дожить до желаннаго дня, онъ въ послѣднихъ числахъ іюля написалъ къ братіи Воскресенскаго монастыря краткое трогательное письмо, которое было послѣднимъ въ его жизни. «Благословеніе Никона Патриарха, писалъ Никонъ, и на смертномъ одрѣ продолжавшій называть себя патриархомъ, архимандриту Герману, іеромонаху Варлааму... и всей братіи. Вѣдомо вамъ буди, яко боленъ есмь болѣзнію великою вставать не могу, на дворъ выйти не могу жъ, лежу въ гноищи...; а милость Великаго Государя была, что хотѣлъ меня взять по вашему челобитью, и писавъ жаловалъ своею рукою, а нынѣ то время совершилось, а его милостиваго указу нѣсть; — умереть мнѣ будетъ внезапно; пожалуйте, чада моя, не попомните моей грубости, побейте челою о мнѣ еще Великому Государю, не дайте мнѣ напрасною смертію погибнуть, уже бо моего житія конецъ приходитъ, а каковъ я, и то вамъ про меня подробно скажетъ Иванъ, который отъ васъ живетъ на приказѣ въ (селѣ) Богословскомъ»¹.

Архимандритъ съ братіей, получивъ это письмо умирающаго патриарха, тотчасъ показали его царю и со слезами умоляли возвратить Никона изъ ссылки, пока онъ не умеръ. Государь снова обратился къ патриарху Иоакиму и архіереямъ съ просьбой освободить Никона въ виду его близкой смерти. Всѣ согласились, и самъ Иоакимъ не сталъ теперь перечить царю. Царь немедленно отправилъ въ Кирилловъ дьяка коношеннаго приказу Ивана Чепелева съ наказомъ взять оттуда Никона и живаго или мертваго перевезти въ Воскресенскій монастырь. Чепелевъ поспѣшно отправился въ путь. Въ Кирилловѣ еще никто не зналъ о такъ быстро состоявшемся рѣ-

¹ у Шухерина, 100, 10

шеніи московскаго правительства освободить Никона. Но самъ Никонъ въ своей чуткой душѣ, готовившейся отрѣшиться отъ земныхъ узъ, какъ бы прозрѣлъ свое близкое освобожденіе. Еще за день и больше до пріѣзда царскаго дьяка въ Кирилловъ Никонъ, не смотря на сильную болѣзнь и изнеможеніе нѣсколько разъ начиналъ собираться въ путь. Въ самый день пріѣзда посла Никонъ еще съ утра сталъ одѣваться въ дорогу и торопиль своихъ сожителей, говоря: «я уже готовъ, а вы что не собираетесь, смотрите скоро пріѣдутъ за нами». Въ нетерпѣливомъ ожиданіи онъ приказалъ даже вынести себя на крыльцо и сѣлъ тамъ въ креслахъ. Окружавшіе, исполняя волю больного патріарха, думали однако, что онъ началъ уже впадать въ безпамятство отъ болѣзни и старости. Но вдругъ къ всеобщему удивленію къ крыльцу кельи подошелъ только что прибывшій въ Кирилловъ дьякъ Чепелевъ и тутъ же объявилъ патріарху царскую милость. Обрадовался старый патріархъ и, не смотря на крайнюю слабость, поднялся съ креселъ, чтобы оказать почтеніе послу, говорившему отъ имени царя.

Медлить было нельзя. Ослабѣвшаго патріарха бережно посадили въ сани, не смотря на лѣтнее время года (чтобы избавить его отъ толчковъ и тряски), и повезли къ пристани на рѣкѣ Шекснѣ въ 6-ти верстахъ отъ монастыря. Здѣсь уже заранѣе были приготовлены струги (барки) для отправленія патріарха. Съ большимъ трудомъ перенесли больного старца на стругъ и поплыли внизъ по Шекснѣ. Съ нимъ поѣхалъ и кирилловскій архимандритъ Никита. За двадцать верстъ до впаденія Шексны въ Волгу ихъ встрѣтилъ бывшій келейный іеромонахъ Никона Варлаамъ, жившій съ нимъ въ Оерапонтовѣ. Его нарочно послалъ воскресенскій архимандритъ для встрѣчи Никона. Доѣхавъ до Волги, Чепелевъ хотѣлъ было слѣдовать дальше вверхъ по теченію Волги, но Никонъ пожелалъ, чтобы его везли внизъ по Волгѣ къ Ярославлю, тѣмъ самымъ путемъ, которымъ онъ когда-то везъ мощи св. Филиппа. Жители селъ и городовъ, расположенныхъ по Шекснѣ и Волгѣ, узнавъ о возвращеніи Никона изъ ссылки, выбѣгали навстрѣчу плывущимъ стругамъ и готовы были оказать патріарху и его спутникамъ всевозможныя услуги. Рано утромъ 16 августа, когда струги плыли около Толгскаго монастыря недалеко отъ Ярославля Никонъ почувствовалъ себя

плохо и велѣлъ пристать къ берегу. Архимандритъ Никита, имѣвшій при себѣ запасныя Дары, причастилъ умирающаго Никона Св. Тавнѣ. Отплыли еще полверсты и остановились противъ Толгскаго монастыря. Игуменъ Толгскаго монастыря въ сопровожденіи всѣхъ монаховъ вышелъ на берегъ встрѣчать патріарха и здѣсь произошла трогательная сцена. Въ числѣ братіи оказался жившій здѣсь подѣ началомъ бывшій игуменъ Спасскаго монастыря Сергій, который такъ много досаждал Никону въ тягостныя минуты послѣ его изложенія. Теперь Сергій, видя возвращающагося изгнанника при смерти, припалъ къ его ногамъ и со слезами просилъ прощенія, называя его «святителемъ Божиимъ и владыкой». Тутъ же онъ разсказалъ всѣмъ о бывшемъ ему видѣніи, которое и побудило его теперь придти сюда проститься съ Никонѣмъ. Умирающій патріархъ тотчасъ же простилъ своего бывшего врага.

Стругъ медленно поплылъ далѣе и на другой день, 17 августа, остановился въ Ярославлѣ. Жители во множествѣ сбѣжались на берегъ, толпами тѣснились на барку, стремясь получить отъ нея благословеніе, цѣловали ему руки и ноги. Здѣсь то сказалась вполнѣ преданность народа къ возвращающемуся изъ долгой ссылки патріарху. Стругъ нужно было провести въ рѣчку Которосль: народъ усердно началъ помогать гребцамъ, многіе тащили барку, бредя по поясъ въ водѣ, и такимъ образомъ довели ее до Спасскаго монастыря. Здѣсь вышли навстрѣчу патріарху монахи этого монастыря во главѣ съ архимандритѣмъ. Между тѣмъ вѣсть о пріѣздѣ патріарха Никона разнеслась по городу, народъ толпами валилъ къ нему, чтобы получить благословеніе. Умирающій Никонъ былъ утѣшенъ теперь любовью и вниманіемъ къ нему народа, но уже настолько изнемогъ, что не могъ говорить, и только давалъ приходившимъ цѣловать руку. Архимандритъ Никита и дьякъ Чепелевъ, замѣчая, что Никону становится хуже, рѣшили прекратить народу доступъ на барку и съ этой цѣлью приказали перевести ее на другой берегъ рѣчки.

День склонялся уже къ вечеру, въ церквахъ города заблаговѣстили къ вечернѣ. Услышавъ звонъ, изнемогавшій Никонъ вдругъ оживился, началъ осматриваться вокругъ, поправлять на себѣ руками волосы, бороду, одежду. Наступилъ его смертный часъ. Архимандритъ съ бывшими тутъ мона-

хами и дьякомъ начали пѣть послѣдованіе на исходъ души. Никонъ спокойно сложилъ руки на груди и издалъ свой послѣдній выдохъ на 77 году жизни. При такой необычной обстановкѣ завершилъ свое многотрудное житейское поприще этотъ замѣчательнѣйшій изъ русскихъ патриарховъ. Послѣ пятнадцатилѣтняго заточенія судьба, наконецъ, сжалилась надъ нимъ, дозволивъ ему умереть не подъ тѣсными сводами кирилловскихъ келій, а на свободѣ, подъ открытомъ небомъ, на берегахъ родной ему рѣки Волги, въ присутствіи многочисленной толпы народа, трогательно заявившаго свое сочувствіе къ нему, какъ своему любимому пастырю.

Архимандритъ Спасскаго монастыря съ соборомъ монаховъ отслужилъ литію надъ тѣломъ усопшаго патриарха въ присутствіи городского воеводы и множества народа. Дьякъ Чепелевъ тотчасъ же поскакалъ въ Москву съ вѣстью къ государю о смерти Никона. Царь надѣялся видѣть Никона живымъ и послалъ было за нимъ свою карету съ лучшими конями, но ѣхать въ ней не пришлось Никону. Тѣло его положили въ дубовый гробъ и на особо устроенныхъ дрогахъ («возилахъ») повезли по дорогѣ въ Москву. На пути въ городахъ и селахъ духовенство съ народомъ выходило на встрѣчу, служило литіи. Близъ слободы Александровской игуменья тамошняго монастыря со своими 200 монахинями устроила торжественную встрѣчу тѣлу почившаго патриарха. Въ Троицко-Сергіевой лаврѣ вышли навстрѣчу гробу Никона всѣ монахи во главѣ съ архимандритомъ Викентіемъ, который пошелъ потомъ провожать тѣло патриарха взаимнѣ кирилловскаго архимандрита Никиты, вызнаннаго царемъ въ Москву.

Государь, получившій отъ дьяка извѣстіе о смерти Никона, съ интересомъ спрашивалъ его о послѣднихъ дняхъ жизни Никона и обстоятельствахъ его смерти. Дьякъ подробно рассказалъ царю о кончинѣ Никона. На вопросъ царя, не оставилъ ли Никонъ духовной, дьякъ отвѣчалъ: «я напомнилъ блаженному Никону о духовной, но онъ сказалъ мнѣ: не хочу я писать духовной, но скажу одно вмѣсто моей духовной: да будетъ миръ и благословеніе благочестивѣйшему государю Θεодору Алексѣевичу и всему его царскому дому, а о душѣ моей и о грѣшномъ тѣлѣ, о погребеніи и поминовеніи пусть царь распорядится, какъ ему угодно»¹.

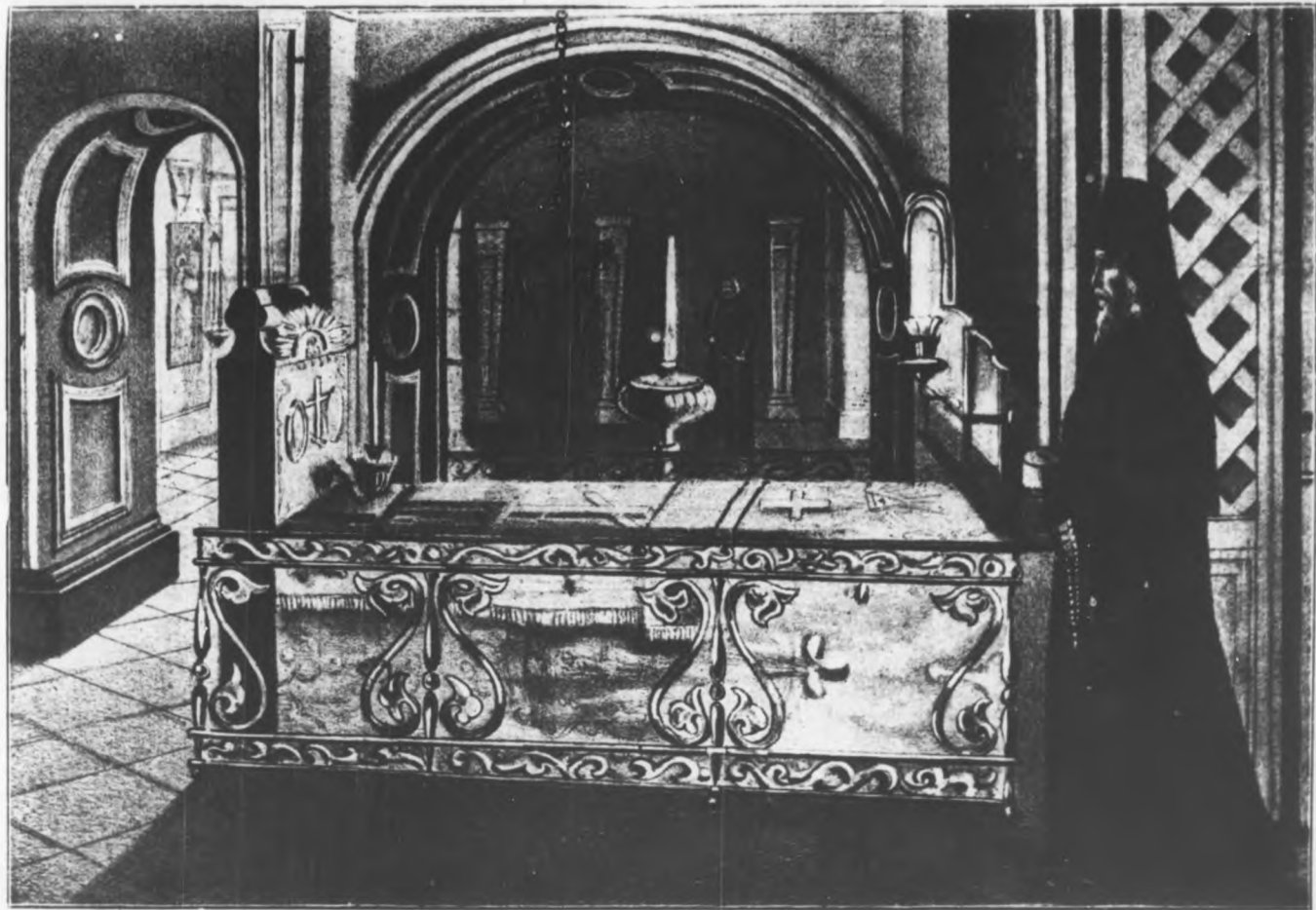
¹ Шумеринъ, 105.

Растроганный царь съ охотой взялъ на себя обязанности душеприказчика покойнаго патріарха и задумалъ устроить ему торжественныя похороны. Онъ хотѣлъ было сначала, чтобы самъ патріархъ Іоакимъ совершилъ погребеніе Никона, но Іоакимъ соглашался на это только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы поминать Никона на погребеніи не патріархомъ, а простымъ монахомъ. Напрасно царь убѣждалъ Іоакима, бралъ на себя всю отвѣтственность предъ восточными патріархами, на которыхъ опять ссылался Іоакимъ, обѣщаль снова писать имъ отъ своего имени — Іоакимъ оставался непреклоненъ. Онъ отпустилъ вмѣсто себя новгородскаго митрополита Корнилія, давъ ему уклончивое распоряженіе поступать такъ, какъ велитъ царь.

25 августа наканунѣ прибытія тѣла Никона въ Воскресенскій монастырь царь пріѣхалъ туда изъ Москвы съ боярами и всѣми многочисленными членами царской семьи. Митрополитъ Корнилій служилъ заупокойную всенощную. Рано утромъ 26 августа процессія съ гробомъ Никона приближалась къ Воскресенскому монастырю. За версту отъ монастыря на монастырскомъ мельничномъ дворѣ тѣло Никона внесли въ келью и одѣли въ особую одежду, еще при жизни заготовленную имъ для своего погребенія и хранившуюся въ Воскресенскомъ монастырѣ; сверхъ ея одѣли бархатную рясу, архіерейскую мантию съ панагіей и схиму. Шушеринъ сообщаетъ, что при облаченіи тѣла Никона не было замѣтно на немъ ни малѣйшихъ признаковъ разложенія, не смотря на теплое время года и на то, что уже шелъ десятый день со времени его смерти ¹. При колокольномъ звонѣ митрополитъ вышелъ изъ монастыря съ крестнымъ ходомъ и встрѣтилъ гробъ патріарха у часовни. Въ процессіи принимали участіе и самъ царь съ боярами. Всѣмъ розданы были особыя заготовленные на царскій счетъ свѣчи чернаго цвѣта отъ полуаршина до сажени длиной. Священники подняли гробъ патріарха и крестный ходъ двинулся обратно въ монастырь. Царскіе пѣвчіе пѣли стихиры, благочестивый царь самъ подпѣвалъ имъ.

Началась заупокойная обѣдня. По приказу царя Никона поминали патріархомъ. Во время пѣнія «пріидите поклонимся» гробъ съ тѣломъ патріарха, согласно тогдашнимъ церковнымъ

¹ Шушеринъ, 111.

Гробница патриарха Никона въ Новомъ Иерусалимѣ подъ Голгофой въ приделѣ Іоанна Предтечи.

обычаямъ былъ внесень въ алтарь. На отпѣваніи самъ царь читалъ каѳизмы и апостоль и пѣлъ со своими пѣвчими. Когда настало время «послѣдняго цѣлованія», царь взялъ изъ подъ схиры руку покойнаго патріарха и поцѣловалъ ее, его примѣру послѣдовали члены царской семьи, бояре и всѣ присутствовавшіе. Дубовый гробъ съ тѣломъ Никона вложень былъ въ другой — мраморный гробъ и похоронень въ придѣлѣ Іоанна Предтечи подѣ Голговою на мѣстѣ, которое патріархъ самъ указалъ еще задолго до своей смерти. Вся церемонія погребенія тѣла Никона, включая сюда крестный ходъ, литургію и отпѣваніе, продолжалась 10¹/₂ часовъ.

Послѣ погребенія царь одарилъ участвовавшихъ въ немъ духовныхъ лицъ деньгами и вещами изъ ризницы Никона и его имущества, привезеннаго за нимъ изъ Кириллова монастыря. Онъ разсылалъ потомъ архіереямъ на поминъ души Никона разныя вещи изъ его архіерейской ризницы. Патріарху Іоакиму онъ послалъ митру Никона, но тотъ ее не принялъ и отослалъ обратно, желая этимъ показать, что онъ по прежнему признаетъ Никона простымъ монахомъ. Но вотъ спустя годъ послѣ похоронъ Никона получены были въ отвѣтъ на просьбу царя разрѣшительныя грамоты отъ восточныхъ патріарховъ, которые снимали съ Никона соборное запрещеніе, возстановляли его въ прежнемъ санѣ и повелѣвали поминать его отнынѣ на ряду съ прочими московскими патріархами. Ѳедора Алексѣевича тогда уже не было въ живыхъ († 27 апрѣля 1682 г.). Іоакимъ и тутъ было усумнился въ подлинности присланныхъ грамотъ, но долженъ былъ подчиниться опредѣленію вселенскихъ патріарховъ, сталъ поминать Никона патріархомъ и даже служить по немъ панихиды въ Воскресенскомъ монастырѣ. Честь многострадальнаго Никона была, наконецъ, возстановлена, и съ того времени вся русская церковь поминаетъ Никона въ числѣ московскихъ патріарховъ.

Въ Воскресенскомъ монастырѣ донинѣ свято чтится память Никона; народъ почитаетъ Никона чудотворцемъ, рассказываетъ о его чудесахъ ¹ и постоянно служитъ панихиды у его гробницы. Здѣсь висятъ его вериги (вѣсомъ въ 15 фунтовъ), которыя онъ носилъ на себѣ во всю жизнь. И простолудинъ и интеллигентъ въ раздумьѣ останавливаются предъ

¹ Записи чудесъ при гробѣ Никона см. въ Чт. О. Ист. 1887. I.

11
10 | 11
12 | 13

Никоно Божією милостию архієпископъ царствующаго
града Москвы и всеа Великія и Малыя и Бѣлыя
Россіи Патріархъ

Подпись патриарха Никона: „Никоно Божією милостию архієпископъ царствующаго града Москвы и всеа Великія и Малыя и Бѣлыя
Россіи Патріархъ“. Еще полнѣе Никонъ подписывался такъ: „Никоно, Божією милостию великій и государь.
архієпископъ царствующаго великаго града Москвы и всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и всеа сѣверныя страны и поморіа
и многихъ государствъ патриархъ“.

гробницей этого необыкновеннаго человѣка, сдѣлавшагося изъ нижегородскаго крестьянина всероссійскимъ патріархомъ, и съ восторгомъ любятся «на дивный не имѣющій себѣ ничего подобнаго у насъ»¹ Воскресенскій храмъ, построенный по мысли Никона и донинѣ остающійся «лучшимъ памятникомъ надъ гробницей великаго патріарха, которому по силѣ энергіи, широтѣ и величію дѣлъ нѣтъ равнаго между остальными патріархами русской церкви»².

¹ См. А. А. Навроцкій. „Русская Старина“ 1884 г. августъ. 255—270.

² П. О. Николаевскій, 140.